

ISSN 0131-6117

Русе-

R U S S I A N

СЕРИЯ

S P E E C H

РЕЧЬ

МОСКВА, 2020

ЯНВАРЬ –
ФЕВРАЛЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
В. Г. Костомаров д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания
А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**

Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2020

ISSN 0131-6117

Russian
R U S S K A Y A
Speech
R E C H'

MOSCOW, 2020

**JANUARY-
FEBRUARY**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Demytyev Saratov State University, Saratov, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vitaliy G. Kostomarov Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: **Olga V. Antonova**

Editorial staff: **Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

7..... Т. И. Попова. *Кто в доме хозяин?* — или о том, чья очередь говорить

Из истории русского языка

21..... А. И. Грищенко. Откуда *саранча* прилетела в славянскую Библию?

38..... И. Е. Кузнецова. Название города на Неве в начале XVIII века

Язык художественной литературы

46..... С. А. Васильев. Перифраза и перифразирование в стиле романа
Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры»

56..... О. А. Димитриева. О вакхической лексике в романе
Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»

68..... М. Г. Соколова. «*И нежно льются перезвоны ив, преклоненных у воды*».
Употребление названий растений в качестве предметов
и образов сравнения компаративных тропов в идиостиле
М. П. Герасимова

78..... А. А. Шербинина. Особенности эпистолярного стиля Л. Н. Толстого
на материале переписки с А. А. Толстой

Наука в лицах

91..... М. А. Грачев. И. А. Бодуэн де Куртенэ — исследователь русского арго

102..... Л. П. Крысин. Чуковские. *Из личных воспоминаний*

Книжные новинки

118..... Т. П. Скорикова. К выходу в свет монографии А. В. Павловой,
Н. Д. Светозаровой «Фразовое ударение в фонетическом,
функциональном и семантическом аспектах» (М., 2017)

Contents

Issues of Modern Russian Language

7..... *Tatiana I. Popova*. *Who is the Boss? — or Whose Turn is it to Speak*

From the History of the Russian Language

21..... *Alexander I. Grishchenko*. *Where Did a *Sarancha* Fly into the Slavonic Bible From?*

38..... *Irina E. Kuznetsova*. *Saint Peterburg's Name Variations in the Beginning of the XVIII Century*

The Language of Fiction

46..... *Sergei A. Vasilev*. *Paraphrase and Paraphrasing in the Style of the F. A. Emin's Novel "Letters of Ernest and Doravra"*

56..... *Olga A. Dimitrieva*. *On Bacchic Vocabulary in F. M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment"*

68..... *Marina G. Sokolova*. *"I Nezhno L'yutsya Perezvony Iv, Preklonennykh u Vody". The Use of Plant Names as Objects and Images of Comparative Tropes in the Poetry of M. P. Gerasimov*

78..... *Anna A. Shcherbinina*. *The Distinctive Features of L. N. Tolstoy's Epistolary Style in his Correspondence with A. A. Tolstaya*

Science and Persons

91..... *Mikhail A. Grachev*. *Jan Baudouin de Courtenay as the Researcher of Russian Argot*

102..... *Leonid P. Krysin*. *Chukovskie. Private memories*

Book News

118..... *Tatiana P. Skorikova*. *To Mark the Publication of the Monograph "Phrasal Stress in Phonetic, Functional and Semantic Aspects" by A. V. Pavlova and N. D. Svetozarova (Moscow, 2017)*

Кто в доме хозяин? — или о том, чья очередь говорить

Татьяна Ивановна Попова, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), tipopova13@gmail.com

DOI 10.31857/S013161170008273-9

АННОТАЦИЯ: Правильное построение диалога оказывается важной задачей даже в процессе неформального общения. Коммуникативная цель может быть реализована только в определенных условиях. Наш собеседник должен правильно понять воспринятое высказывание, задача же говорящего — правильно реализовать ту модель поведения, в том числе речевого, которая актуальна в каждый данный момент общения. Так, разные социальные роли приводят нас к разной организации диалога: уместная в роли матери поучительная интонация с частым использованием императивов (*помой руки, принеси учебник*) оказывается неприемлемой в общении с коллегами на работе или с друзьями, неуверенность в выборе речевых средств при общении с начальником или командиром сменяется активностью и ведущей ролью в диалоге с друзьями.

Как же понять, *кто в доме хозяин*? Кто в данном диалоге ведущий, а кому выпала роль «подчиненного»? Какие средства в том и другом случае будут помогать выстроить общение наилучшим образом, без угрозы «социальному лицу» другого участника диалога? На все эти вопросы помогает ответить изучение спонтанной разговорной речи, построенное на анализе передачи очереди в диалоге, что отражает социальный статус участников коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: устная речь, социальная роль, симметричность/асимметричность ролей, коммуникация, речевая компетентность, диалог

для цитирования: Попова Т. И. *Кто в доме хозяин?* — или о том, чья очередь говорить // Русская речь. 2020. № 1. С. 7–20. DOI: 10.31857/S013161170008273-9.

Issues of Modern Russian Language

Who is the Boss? — or Whose Turn is it to Speak

Tatiana I. Popova, Saint Petersburg State University (Russia, S. Petersburg), tipopova13@gmail.com

ABSTRACT: Proper dialog structuring is equally important both in formal and informal communication. The communicative goal could only be reached in specific conditions. The interlocutor needs to understand the perceived statement correctly, while the speaker should choose the appropriate model of behavior and speech, which is relevant for the specific communicative situation. Different social roles lead to diversion of the dialogue: the didactic tone with frequent use of imperatives (*wash your hands, bring the textbook*), appropriate for the role of a mother, is unacceptable in communication with colleagues at work or with friends. The uncertainty in the choice if verbal means with the boss or the commander is replaced by the active and leading role in the dialogue with friends.

So, how do you know *who's boss*? Who is the leader in this dialogue, and who has a role of a subordinate? What means help to build communication in the best way in both cases, without threatening the persona of another participant in the dialogue? The study of spontaneous speech helps to answer these questions. The research is based on the analysis of taking turns in a dialogue, which reflects a social status of participants of communication

KEYWORDS: colloquial speech, social role, symmetry/asymmetry of roles, communication, speech competence, dialogue

FOR CITATION: Popova T. I. *Who is the Boss? — or Whose Turn is it to Speak.* Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 1. Pp. 7–20. DOI: 10.31857/S013161170008273-9.

Каждый раз, когда мы становимся участниками коммуникации, нам приходится «примерять» на себя ту или иную роль: говорим ли мы с друзьями или с врачом, с маленькими детьми или с родителями. Наша социальная роль каждый раз порождает «ожидание» определенной манеры поведения, в том числе и речевого.

В процессе общения происходит постоянное речевое переключение, в рамках которого, как представляется, «успех общения в значительной мере зависит от того, в достаточной ли степени владеют говорящий и слушающий формами языка, пригодными для данной ситуации» [Крысин 2004: 430].

Социальная роль — это образ поведения, которого ожидают от каждого, кто занимает определенную социальную позицию; особенно важно, что этот образ поведения нормативен и одобрен обществом [Кон 1967: 23]. Образцовый характер и, можно сказать, стереотипность роли подтверждает тот факт, что она определяется с помощью уже существующих в языке обозначений: *муж, сын, клиент, пациент, друг, ученик* и др. [Крысин 2004: 427].

Наши навыки построения речевого поведения говорят о *коммуникативной компетенции*, которая означает способность не только порождать предложения, но и выбирать из них именно те, которые наиболее адекватно отражают социальные нормы поведения и отношения между говорящими. Именно социальная среда способствует приобретению речевого опыта — коммуникативных навыков. Интересно отметить: исследователи считают, что знание социальных норм пользования языком является не менее важным элементом владения им, чем знание его грамматических правил [Белл 1980: 12].

Способность говорящего ориентироваться в социальной среде и быть активным участником коммуникации позволяет успешно достигать своей цели в диалоге, а также избегать коммуникативных неудач.

Именно поэтому так важно понять, как же в процессе повседневного общения, в условиях быстрого темпа речи, который подстраивается под ритм нашей жизни, и постоянной необходимости мгновенно решать речевые задачи, диалог выстраивается довольно четко и понятно, позволяя участникам беседы не только сообщать друг другу информацию, но и достигать каждому своих коммуникативных целей (выразить просьбу, высказать недовольство, похвалить, удивиться и пр.).

Исследователи языка давно обратили внимание на такой ключевой фактор в диалоге, как *передача очереди* от одного говорящего к другому.

Это является показателем того, насколько успешно продвигается беседа, кто, собственно, ее активно продвигает, а кто лишь участвует, принимая «правила игры». Таким образом, появилось целое направление в науке о языке, которое занимается поиском ответа на вопрос, *кто в доме хозяин?*

Показалось любопытным поискать ответ на этот вопрос на особом материале. Обращение к стихии устной речи, «не скованной традицией и нормой» [Плунгян 2005: 9], может дать, как представляется, очень интересные результаты.

В Санкт-Петербургском государственном университете уже много лет занимаются разработкой уникального корпуса русского языка повседневного общения — «Один речевой день» (ОРД). Корпусным материалом в данном случае служит речь информантов, записанная ими на диктофон в течение целого дня. В настоящее время корпус содержит более 1250 часов звучания, записанных от 128 информантов, мужчин и женщин, в возрасте от 17 до 83 лет, и около 1000 их коммуникантов [см. об ОРД подробнее: Asinovsky et al. 2009; Звуковой корпус... 2013; Богданова-Бегларян и др. 2015, 2017; Русский язык... 2016; Bogdanova-Beglarian et al. 2017].

Материалом для данного исследования стали эпизоды «речевых дней» шести информантов, общей продолжительностью звучания около пяти часов и объемом 25 563 словоупотребления.

Ключевой работой, которая легла в основу исследования, стала статья «Простейшая систематика чередования реплик в разговоре» [Сакс и др. 2015].

Исследователи обратили особое внимание на правила чередования реплик в диалоге, которое соотносится с упорядочиванием «ходов в играх, при распределении политических постов, при регулировании движения автомобилей на перекрестках, при обслуживании клиентов в бизнес-учреждениях и при произнесении высказываний в ходе интервью, собраний, дебатов, церемоний, разговоров и пр.» [Сакс и др. 2015: 143]. Таким образом, очевидно, что организация диалога отражает и социальную организацию взаимодействия людей в целом.

«Право говорить» заранее не определено, так же как не определена продолжительность разговора. Существует несколько путей передачи очереди:

- 1) текущий говорящий выбирает следующего;
- 2) следующий говорящий выбирает сам себя;
- 3) текущий говорящий продолжает удерживать очередь, если следующий решил не вступать в разговор [там же: 153].

В связи с этими правилами можно выделить несколько видов пауз в диалоге: «заминка, пауза при смене темы, значимое молчание (отказ говорить)» [Кибрик 2003: 13].

Другое понятие, важное для настоящего исследования, — *смежные пары*, то есть такие последовательности реплик, как, например, вопрос — ответ, приветствие — приветствие, приглашение — принятие приглашения и т. д., ср.:

1) **Ж1**: *голодный?*

*П¹ (603 мс)

ИЗ8: *да конечно //*

2) **Ж1**: *вот сюда? на полочку?*

*П (171 мс)

И115: *на полочку или в этот ... *П (591 мс) в бардачок //*

В анализируемых эпизодах представлены беседы двух говорящих, поэтому говорить о выборе следующего не приходится. Такое явление уже описывалось в лингвистической литературе, в частности в работе А. Н. Баранова и Г. Е. Крейдлина. Подобные реплики авторы называют «иллокутивно вынужденными» [Баранов, Крейдлин 1992].

Актуальным действительно становится наличие пауз, после которых в разговор вступает второй говорящий, с новой темой, что является своеобразной *точкой перехода*, ср.:

3) **И1**: *Новая Голландия была завершающим аккордом этой курсовой работы //*

*П (1355 мс)

М1: *а о чём она вообще была?*

И1: *а / пешеходная экскурсия по Коломне //*

В примере (3) довольно длительная пауза (1355 мс) может быть воспринята как тот факт, что И1 отказывается продолжать разговор и с помощью паузы-молчания передает очередь следующему.

Даже в самых близких и симметричных отношениях, в максимально неформальной обстановке, социальная роль и статус приобретают значимые особенности. Так, общаясь с бабушкой (Ж1), информант И1 выступает в роли внучки, при этом передача очереди происходит в основном в рамках смежных пар, ср.:

4) **И1**: *как дела?*

Ж1: *да ничего // какие дела? никаких дел не имею //*

И1: *слушай / а когда ты идёшь в Фёдоровский центр?*

Ж1: *девятого //*

В случаях же отношений, которые только формально можно назвать асимметричными (т. е. один из говорящих оказывается выше по статусу

¹ *П — знак паузы между репликами. В скобках после этого знака каждый раз указана длительность этой паузы в миллисекундах (мс). Об остальных знаках расшифровки материалов ОРД см.: [Asinovsky et al. 2009; Русский язык... 2016: 242–243].

в диалоге), наблюдается особое выстраивание коммуникации, ср.: клиентка Ж1, которая, как можно судить по манере общения, является еще и хорошей знакомой информанта И38, настойчиво высказывает свое мнение, часто перебивая собеседника, не дожидаясь передачи очереди. Собеседники обсуждают детали пошива гидрокостюма:

5) **И38:** *а это женские / леди написано // леди написано / леди //*

Ж1: *не смотрел? эти молнии не нравятся //*

И38: *и без этой самой / без молнии?*

Ж1: *Ваньке сшил с накладкой и без молнии?*

Такое же поведение можно увидеть в рамках общения командир — курсант. Курсант обращается с просьбой отпустить в увольнение вместе с ним нескольких ребят, чтобы устроить сюрприз своей девушке:

6) **И15:** *вас не будет?*

М1: *давайте сделаем так / не я буду тоже здесь //*

И15: *как бы такие дела //*

*П (1010 мс)

И15: *вот // я хотел ...*

М2: *но так (э-э) когда вы собираетесь все петь и так далее?*

В случае же общения информанта И38 с клиенткой-знакомой обращает на себя внимание то, что необходимость полностью перехватить право говорить сказывается на повышении тона. Тем самым И38 невербально «запрашивает» право говорить.

Стоит отметить, что особое интонационное оформление реплики одного говорящего сказывается на дальнейшем выстраивании диалога. Так, информант И19, выступая в роли матери, которая недовольна поведением или поступком дочери, говорит с особой, «воспитательной», интонацией, которая особенно актуальна в момент выполнения домашней работы по математике:

7) **И19:** *ну они что издеваются / яровая рожь ... что такая яровая рожь?*

8) **И19:** *Лизонька / ну значит читай параграф / значит где-то это должно быть / у вас сказано! я думаешь знаю? что я тебе / сельхозработник / чтобы знать сколько / в этих арах гектаров / или наоборот!*

Длина высказывания заметно увеличивается, когда И19 выступает в роли матери.

Сама ситуация, конечно, тоже влияет на возникновение долгих пауз, которые и будут показателем отказа от очереди:

9) **И19:** *можно я посмотрю / я так на слух не воспринимаю //*

*П (5290 мс)

И19: *Лизик // трина[дцать]... / что? можно / где?*

*П (1979 мс)

И19: *Лизонька я не вижу / можно мне п... / задание?*

*П (1571 мс)

И19: *Лизонька / найди мне пожалуйста задание //*

*П (6760 мс)

И19: *так //*

*П (1999 мс)

И19: *два // да? икс плюс икс минус... // так мы же это делали уже упражнение //*

*П (4000 мс)

И19: *мы ж решали такое!*

*П (1201 мс)

Такое же явление наблюдается в процессе обучения, комментирования задания (учитель — ученик):

10) **И123:** *запомнили это? я это говорил?*

*П (682 мс)

И123: *говорил // а если скорость меняется?*

*П (2053 мс)

И123: *давайте просто посчитаем //*

*П (1567 мс)

Стоит отметить, что собранный материал отражает особенности повседневного, зачастую бытового, общения, которое часто сопровождается какой-либо деятельностью. В таком случае закономерно ожидать, что паузы будут длиннее, а говорящие при этом не будут испытывать дискомфорта и стараться «взять слово», чтобы избежать молчания. Ведь последнее в данном случае не является сигналом сбоя коммуникации.

Ситуации, которые вынужденно требуют пауз в разговоре (человек занят чем-либо, например, решением задач), следует рассматривать отдельно.

Интересно было бы также изучить длину пауз подобного рода в зависимости от социальных отношений говорящих (симметричность/асимметричность ролей). Возможно ли, что в общении родственников, в диалогах между мужем и женой или между близкими друзьями пауза в меньшей степени вынуждает говорящих продолжать диалог «из вежливости»? И наоборот, в ситуации неблизких, официальных, отношений собеседники должны либо говорить, либо завершить разговор, чтобы не занимать время собеседника.

В остальных случаях диалог между говорящими в асимметричных социальных ролях строится в основном из смежных пар (вопрос — ответ, приветствие — прощание):

11) **Ж1:** *а ей сколько лет?*

*П (1337 мс)

И38: *ну так / помоложе нас может // ну / ну лет сорок-то есть //*

12) **Ж1:** *а он (э-э) местный или приезжий?*

*П (1269 мс)

И115: *наверно местный //*

И115: *а у вас дача да / Владимир Иванович?*

М1: *а?*

*П (380 мс)

И115: *дача?*

*П (326 мс)

М1: *ну / участок там такой //*

Интересно, что подобным образом построен и диалог «поколений»: диалог И1, которая выступает в роли внучки (с бабушкой Ж1), сильно отличается от выстраивания ее беседы при общении с другом (М1), ср.:

13) **Ж1:** *а чего / они вчера грелись? или просто журчали? (о батареях и состоянии стен в квартире)*

И1: *журчали //*

*П (700 мс)

Ж1: *да / они все холодные //*

*П (130 мс)

И1: *ну и ладно // и хорошо / потому что тепло //*

И1: *ну я не знаю / что такое большая дырка // в таком-то вот случае //*

Ж1: *дырка же там вот такая // большая она // я не считаю / что она маленькая // вот такая дырка //*

Диалог, который разворачивается между друзьями, выстроен иначе. Становятся заметны не смежные пары, а совместное построение высказываний и смысловое дополнение друг друга, без передачи очереди, без перебивов, ср.:

14) **И1:** *она привозила с собой этого немца / который вот явный немец / а косил под русского Ваньку // ему там первые два дня было запрещено говорить // (смеется) потом он ...*

М1: *под дурачка косил?*

И1: *(смеется) он был / (смеется) первым парнем на деревне // там к сему / к нему все девки ... к нему все девки приставали //*

М1: *пока не проговорился //*

15) **И1:** *полностью отработанные ступени / с токсичным топливом / и с таким вообще ядовитым ...*

*П

И1: *причём они наверное даже и не подозревали / что это такое на них падает //*

Интересно, что в рамках исследуемого материала только между говорящими, выступающими в симметричных социальных ролях (когда го-

ворящие равны по статусу: друзья, муж и жена, коллеги-приятели и др.), удалось обнаружить смены тем внутри диалога.

Так, в одном из эпизодов информант И115 инициирует начало шести тем, еще 12 тем инициирует его жена. И38 в роли мужа менее активен.

И1 в разговоре с бабушкой только один раз начинает новую тему, а общаясь с другом, — 13 раз, но при этом не удалось обнаружить ни одного случая, когда И1 выступала, например, в роли пациентки в кабинете зубного врача.

Еще одним способом передачи в диалоге очереди между говорящими, которые находятся в симметричных отношениях, является **смех**. По данным исследований речи как социального взаимодействия, в большинстве случаев смех не является «ответом на юмор, он в большей степени сопровождает разговор, нежели выступает реакцией на смешные высказывания. В ряде случаев смех вообще относился к иным коммуникативным стратегиям, скажем, к вежливости или поддержанию социальности» [Турчик 2010: 24].

Речь идет именно о тех случаях, когда смех является не только реакцией на шутку, но может служить моментом для начала реплики нового говорящего — точкой перехода:

16) **И38**: (начало новой темы) ну я позвонил ему // (э-э) у Саши живёт // два дня // (смеется) //

*П (1137 мс)

Ж1: я понимаю он же забрал шмотки вчера //

17) **И1**: (смеется) он был / (смеется) первым парнем на деревне // там к нему / к нему все девки ... к нему все девки приставали //

М1: пока не проговорился / да ? по-немецки // *П пока молчал //

И1: угу //

*П (200 мс)

М1: (смеется) (1380 мс)

*П (429)

И1: потом как начал ругаться с утра // (смеется)

Или для смены темы:

18) **Ж1** (жена И115): просто перед ... перед магазином желательно бы умыться (смеется) //

*П (10204)

Ж1: Ольга смотрела прогноз // говорит это вся неделя // вроде как солнышко //

Либо обозначать момент самовыбора:

19) **И38**: ей прямо в магазине стало худо //

*П (4466 мс)

Ж1: (смеется) / наши бы сказали / нет полиса (смеется) и п****й отсюда //

В примере (19) обращает на себя внимание очень долгая пауза (4466 мс), после которой начинает говорить жена информанта. Такие паузы обычно обозначают отказ от очереди. В таком случае говорящему часто приходится продолжать предыдущую тему, пока не появится возможность передать очередь либо пока собеседник сам не выберет для себя релевантное место, ср.:

- 20) **Ж1** (жена И115): *мы же ещё курицу по-моему покупали в начале //*
*П (840 мс)
мы ж её готовили не готовили?
*П (391 мс)
я эти / желудочки ещё ...
*П (2247 мс)
желудочки приготовила //
*П (2149 мс)
посмотрю //

В следующем примере (21) обращает на себя внимание не только вынужденное удержание очереди в диалоге, но и конечное решение говорящего вернуться к предыдущей теме, чтобы возобновить коммуникацию:

- 21) **ИЗ8**: *у меня телефон сел //* *П (1360 мс) *сказал что нет //*
*П (2455 мс)
ну сел вдруг //
*П (510 мс)
то есть не ... не вдруг конечно / то что просто мне много говорить пришлось перед этим //
*П (4890 мс)
сел и сел // *потом я ему позвонил / он трубку не берёт //* *ну ...*
*П (833 мс)
в общем ...
*П (782 мс)
какие-то есть же со... с... собачья жизнь (э) достаточно интенсивная // — возвращение к предыдущей теме диалога.

В основном же слушающий поддерживает контакт с говорящим за счет определенных сигналов: с помощью единиц типа *да* или разговорного угу, которые сопровождают реплики говорящего, но не являются перебивом или стремлением перенять очередь. Это лишь сигнал того, что код воспринят и контакт не нарушен. Работает этот механизм вне зависимости от социальной роли, ср.:

- 22) **ИЗ8**: *нет / она ... она сказала повесишь на шею диктофончик //* *во-первых он на шею не вешается //*
Ж1: *угу //*

ИЗ8 выступает в роли мужа (информант комментирует особенности записи «одного речевого дня»);

23) **Ж1**: *вот такие штаны ... вот такие штаны / только без вот этой пурги /*

ИЗ8: *угу //*

Ж1: *с накладкой //*

ИЗ8 выступает в роли работника службы сервиса (собеседники обсуждают пошив гидрокостюма);

24) **М1**: *но если ... если им рапорта не подпишут / тогда я вас отпущу одного // там прорепетируете //*

И15: (перебивая) *вот // угу //*

— курсант с командиром (об увольнении).

Но от таких случаев нужно отличать реплики, которые можно называть «дежурными», что особенно часто встречается при общении мужа с женой:

25) **Ж1**: *у меня что-то от тёмного хлеба изжога //*

*П (3739 мс)

И115: *да?*

*П (228 мс)

Ж1: *угу //*

*П (3274 мс)

И115: *ну надо переходить на белый //*

Жена Ж1 довольно быстро реагирует на встречный вопрос, зато муж эту тему, судя по длительности паузы (3274 мс), продолжать не хотел, но был вынужден.

26) **Ж1**: *вот как самые там красивые собаки // да? вот эти их конкурсы / выставляют собак //*

(Ж1 и ИЗ8 говорят одновременно)

ИЗ8: *угу //*

Ж1: *на самую страшную собаку //*

*П (1883 мс)

Ж1: *ну вот // то есть ...*

*П (546 мс)

Ж1: *представляешь?*

Ж1: *то есть ...*

*П (349 мс)

ИЗ8: *ну раскрытая тема / да //*

Жена информанта ИЗ8 вынуждена держать очередь у себя, о чем говорят длительные паузы, помимо этого, она прибегает к использованию контактного глагола *представляешь*, функция которого — привлечь вни-

мание. В результате она добивается от мужа-собеседника абсолютно безучастной реакции.

Таким образом, можно отметить разнообразие способов передачи очереди в случае близких симметричных отношений между говорящими:

- 1) смежные пары: вопрос — ответ;
- 2) пауза;
- 3) смех;
- 4) маркирование окончания мысли.

В то время как в случаях асимметричных отношений: клиент — служба сервиса, учитель — ученик, командир — курсант — диалог выстраивается за счет поддержания одной ведущей темы, с использованием смежных пар. Передача очереди осуществляется с редкими перебивками, которые становятся возможны, когда говорящий с более высоким статусом в асимметричных отношениях решает не ждать точки перехода очереди.

Подобного рода исследования позволяют нам заглянуть «за кулисы» производства речи. Спонтанная речь производится на уровне автоматизма. Но если зафиксировать ее, поймать в момент ее реализации и рассмотреть с точки зрения структурной организации, то можно лучше понять, как это «работает». Такой анализ поможет нам научиться более сознательно подходить к выбору модели речевого и социального поведения, что, в свою очередь, будет способствовать повышению уровня речевой компетентности.

Литература

- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.
- Белл Р. Т. Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. М.: Международные отношения, 1980. 320 с.
- Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / Ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.
- Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.

- Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.
- Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2003. 90 с.
- Кон И. С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. 383 с.
- Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
- Плунгян В. А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка: Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индрик, 2005. С. 6–20.
- Русский язык* повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- Сакс Х., Джефферсон Г., Щеглофф Э. А. Простейшая систематика организации очередности в разговоре // Социологический журнал. 2015. Т. 14. № 1. С. 142–202.
- Турчик А. В. Конверсационный анализ смеха в речевом взаимодействии: случай конструирования оценок власти // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 21–36.
- Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech corpus of Russian everyday communication “One Speaker’s Day”: Creation principles and annotation // Matoušek V., Mautner P. (eds.). TSD 2009. LNAI, vol. 5729. Springer, Berlin-Heidelberg, 2009, pp. 250–257.
- Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. Linguistic features and sociolinguistic variability in everyday spoken Russian // SPECOM 2017. Lecture notes in artificial intelligence, LNAI, vol. 10458. Springer, Switzerland, 2017, pp. 503–511.

References

- Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech corpus of Russian everyday communication “One Speaker’s Day”: Creation principles and annotation // Matoušek V., Mautner P. (eds.). TSD 2009. LNAI, vol. 5729. Springer, Berlin-Heidelberg, 2009, pp. 250–257.
- Baranov A. N., Krejdlin G. E. [Illocutionary compulsion in the dialog structure] // *Voprosy yazykoznaniya*. 1992. № 2, pp. 84–99. (In Russ.)
- Bell R. T. Sociolinguistika. *Celi, metody i problemy* [Sociolinguistics. Goals, methods and challenges]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnoshenia Publ. 1980, 320 p.
- Bogdanova-Beglarian N. V., Asinovskij A. S., Blinova O. V., Markasova E. V., Ryko A. I., Sherstinova T. Yu. [Speech corpus of the Russian language: a new methodology for the analysis of oral speech] // *Jazyk i metod: Russkij jazyk v lingvisticheskikh issledovaniakh XXI veka*. Вып. 2 / Ed. D. Shumska, K. Ozga. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015, pp. 357–372. (In Russ.)

- Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G.* Linguistic features and socio-linguistic variability in everyday spoken Russian // SPECOM 2017. Lecture notes in artificial intelligence, LNAI, vol. 10458. Springer, Switzerland, 2017a, pp. 503–511. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglaryan N. V., Sherstinova T. Yu., Blinova O. V., Martynenko G. Ya.* Korpus [Corpus “One Speech Day” in the research of sociolinguistic variability of Russian colloquial speech] // *Analiz razgovornoj russkoj rechi (AR3-2017): Trudy sed'mogo mezhdisciplinarnogo seminara* / Nauch. red. D. A. Kocharov, P. A. Skrelin. St. Petersburg: Politehnika-Print, 2017b, pp. 14–20. (In Russ.)
- Kibrik A. A.* *Analiz diskursa v kognitivnoj perspective* [Analysis of discourse in cognitive perspective]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2003. 90 p.
- Kon I. S.* *Sociologia lichnosti* [Sociology of personality]. Moscow: Politizdat Publ., 1967. 383 p.
- Krysin L. P.* Russkoe slovo, svojo i chuzhoe: Issledovania po sovremennomu russkomu jazyku i sociolingvistike [Russian word, his and someone else's: research on Modern Russian and sociolinguistics]. Moscow: Jazyki slav'anskoj kul'tury, 2004. 888 p.
- Plungyan V. A.* [Why we need a National Corpus of the Russian language: an informal introduction] // *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: 2003–2005*. Moscow: Indrik Publ., 2005, pp. 6–20. (In Russ.)
- Russkij jazyk povsednevnogo obshchenia: osobennosti funkcionirovania v raznykh social'nykh gruppakh* [Russian language of everyday communication: peculiarities of functioning in different social groups]. Kollektivnaja monografija / Otv. red. N. V. Bogdanova-Beglarian. St. Petersburg: LAJKA Publ., 2016. 244 p.
- Saks H., Dzhefferson G., Shchegloff E. A.* Prostejshaja sistematika organizacii ocherednosti v razgovore [Simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation] // *Sociologicheskij zhurnal*, 2015, t. 14, № 1, pp. 142–202. (In Russ.)
- Turchik A. V.* Konversacionnyj analiz smekha v rechevom vzaimodejstvii: sluchaj konstruirovania ocenok vlasti [Conversational analysis of laughter in speech interaction: the case of constructing estimates of power] // *Sociologicheskij zhurnal*, 2010, № 1, pp. 21–36.
- Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi: kollektivnaja monografija*. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [Sound corpus as a material for the analysis of Russian speech: a collective monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description] / Otv. red. N. V. Bogdanova-Beglarian. St. Petersburg: Filologicheskij f-t SPbGU, 2013. 532 p.

Из истории русского языка

Откуда *саранча* прилетела в славянскую Библию?

Александр Игоревич Грищенко, Московский педагогический государственный университет, Институт славяноведения РАН, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Российская государственная библиотека (Россия, Москва), a.i.grishchenko@mpgu.su

DOI: 10.31857/S013161170008276-2

АННОТАЦИЯ: Очерк посвящен истории появления в восточнославянских языках позднего Средневековья тюркского заимствования *саранча*, которое затем попало в польский и чешский языки. Источником его был тюркский (старокипчакский) таргум, известный в еврейской рукописи 1470–80-х гг., где в перечне чистых кузнечиковых (Лев. 11:22) к одному из древнееврейских названий имеется глосса на полях *sarynčqa*, оказавшаяся затем в форме *саранча* (или *саранца*) на полях и в тексте Правленного славяно-русского Пятикнижия XV в. Это слово было заимствовано из тюркского предположительно на восточнославянских землях Великого княжества Литовского. В последующей истории восточно- и западнославянских языков в качестве основного наименования насекомого закрепился именно этот тюркизм, тогда как в церковнославянской Библии поздние справщики и издатели сохранили старое славянское слово *пругъ*. Слово *саранча* снова стало использоваться лишь в русском Синодальном переводе.

ключевые слова: Библия, церковнославянский язык, названия животных, караимский язык, Правленное Пятикнижие

для цитирования: Грищенко А. И. Откуда *саранча* прилетела в славянскую Библию? // Русская речь. 2020. № 1. С. 21–37. DOI: 10.31857/S013161170008276-2.

From the History of the Russian Language

Where Did a *Sarancha* Fly into the Slavonic Bible From?

Alexander I. Grishchenko, Moscow State Pedagogical University, Institute for Slavic Studies (Russian Academy of Sciences), St. Tikhon's Orthodox University, Russian State Library (Russia, Moscow),
a.i.grishchenko@mpgu.su

ABSTRACT: The essay is devoted to the history of the late-medieval Turkic loanword *sarancha*'s emergence in the Eastern Slavonic languages (later the word was adopted by Polish and Czech). Its source was the Turkic (Old Kipchak) Targum known in the Jewish manuscript from the 1470s–80s; this MS has a list of clean bush-crickets (Leviticus 11:22) with the marginal gloss *sarynčqa*, which appeared afterwards as *sarancha* (or *sarantsa*) in the margins and text of the Edited Slavonic-Russian Pentateuch of the 15th century. The word was borrowed from Turkic allegedly on the Eastern Slavonic lands of the Grand Duchy of Lithuania. This Turkic loanword has been fixed as the main name of the insect in the subsequent history of Eastern and West Slavonic, while the later editors and publishers kept the old Slavonic word *prug* in the Church Slavonic Bible. The word *sarancha* came into usage no earlier than in the Russian Synodal Translation of the Bible (19th century).

KEYWORDS: Bible, Church Slavonic, animals' names, Karaim, Edited Pentateuch

FOR CITATION: Grishchenko A. I. Where Did a *Sarancha* Fly into the Slavonic Bible From? Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 1. Pp. 21–37. DOI: 10.31857/S013161170008276-2.

Саранча летела, летела —
И села,
Сидела, сидела — все съела
И вновь улетела.
Приписывается А. С. Пушкину

Приписываемый А. С. Пушкину в воспоминаниях губернского секретаря В. З. Писаренко шуточный рапорт об участии поэта в кампании по борьбе с саранчой в Херсонском уезде в 1824 г. [Сербский 1936: 277] — одно из свидетельств того, что к началу XIX в. слово *саранча* стало основным в русском языке для обозначения вредоносного насекомого. Основным оно было уже для составителей «Словаря Академии Российской» (1789–1794 гг.), где с его помощью толкуется старое, церковнославянское, слово *пруги*: «Саранча: родъ вредоносныхъ насѣкомыхъ, поядающихъ всякія растѣнія» [САР IV: 1129], — а само слово *саранча* подробно, по-энциклопедически, толкуется и описывается в следующей части словаря: «*Gryellus migratorius* [современное научное название — *Locusta migratoria*, саранча перелетная, или азиатская. — А. Г.]. Насѣкомое, къ роду крупныхъ сверчковъ принадлежащее, у коего грудной щитъ по срединѣ имѣетъ острую возвышенность; голова тупая, челюсти черныя; верхнія крылья желтосѣрыя съ бурыми пятнами, а изподнія зеленыя; заднее тѣло и ноги красноватыя. Собственно рождается въ Татаріи, откуда большими тучами налетаетъ иногда въ Европу, и пожирая всѣ растенія, причиняетъ голодъ» [САР V: 341–342].

Действительно, нашествия саранчи русские земли переживали еще издревле, однако летописцы называли это насекомое иначе, по-церковнославянски, как в «Словаре Академии Российской» (ед. ч. *пругъ*, правильное мн. ч. им. п. — *прузи*, часто в собирательной форме *прузие* или *пружие*), например в «Повести временных лет»: «В се же лѣто [1094 г.] придоша п р у з и на Русьскую землю, мѣсяца августа в 26, и поѣдоша всяку траву и многа жита. И не бѣ сего слышано в днехъ первыхъ в земли Русьстѣ, яже видѣста очи наши, за грѣхы наша» [ПВЛ 1996: 95]. В старославянских библейских переводах также использовано это слово, например в сюжете с казнью египетской, когда Моисей навел на Египет множество саранчи (Исх. 10:13–14), процитируем по современному церковнославянскому тексту из Елисаветинской Библии 1751 г.: «И воздвиже Моисей жезлъ на небо, Господь же наведе вѣтръ южный на землю во весь той день и во всю ночь: утро бысть, и вѣтръ южный взя п р у г и, и наведе я на всю землю

Египетскую: и нападоша на вся предѣлы Египетскія мнози зѣло: прежде сихъ не быша сицевіи п р у з и, и по сихъ не будутъ тако». На рис. 1 см. иллюстрацию к этому месту в гравюре из печатной Кельнской Библии в западно-нижненемецком переводе ок. 1478–1479 г. (это издание Библии, кстати говоря, использовалось составителями первого полного библейского свода на церковнославянском языке — знаменитой Геннадиевской Библии 1490-х гг.).

Старославянское слово *прѣзъ*, к которому восходит древнерусское *пружь*, родственно современным русским словам *пружина*, *упругий*, *напрягать* и связано с прыгающим характером этого насекомого [Фасмер 1987: 387–388], на чем основаны его названия в других славянских языках, неродственные формы *прѣзъ*: болгарское *скакалецъ*, македонское *скакулѣцъ*, сербское и хорватское *скакавацъ*, а также более метафорические — через сходство со скачущим конем — словенское *kobilica*, старочешское и словацкое *kobyľka*. В народной классификации животных саранча не всегда отделяется от кузнечиков, потому сюда можно добавить и другие корни, которым могут называть кузнечика (*Tettigonia viridissima*) в различных славянских говорах, выделяя особенность его передвижения (согласно карте № 43 в выпуске

Рис. 1. Восьмая египетская казнь — нашествие саранчи. Раскрашенная гравюра на дереве в Кельнской Библии 1478–79 гг. (экземпляр РГБ: Biblia (in dialecto Saxoniae inferioris) / Cum glossis secundum Postillam Nicolai de Lyra. Печатник Генрих Квентель)

Fig. 1. The eight plague of Egypt (the locust invasion). The hand-colored woodcut (Russian State Library's copy: Biblia (in dialecto Saxoniae inferioris) / Cum glossis secundum Postillam Nicolai de Lyra. Printed by Heinrich Quentell)

«Животный мир» Общеславянского лингвистического атласа [Аванесов (гл. ред.) 1988: 110–111]): *konj*- (в чешском и словацком ареале) и *koz*- (уже по ассоциации со скачущей козой — встречается в белорусском и польском ареалах). Согласно тому же атласу, среди современных славянских говоров формы с корнем *prug* для обозначения кузнечика встречаются лишь на некоторых южных хорватских островах, так что церковнославянское *пругъ / пружи / пружие* оказалось книжным архаизмом, не поддерживаемым живыми славянскими языками, и потому неудивительно, что в центре Восточной Европы оно было заменено другим словом — словом *саранча*. Но какого происхождения? И при чем тут славянская Библия?

Этим словом зловердное насекомое называется в следующих современных славянских языках, кроме русского: чешском (*saraněe* — произносится *сáранчэ*), польском (*szarańcza* — произносится *шарáньча*), украинском (*саранá*, реже *саранчá*) и белорусском (*саранчá*). При этом в чешский оно было заимствовано в первой половине XIX в. чешскими ботаниками братьями Преслями — из русского языка [Rejzek 2001: 562], тогда как в польский попало достаточно рано — по меньшей мере с начала XVI в. и, как считается, из русского языка [Brückner 1985: 540], о чем также специально писал польский тюрколог Тадеуш Ковальский [Kowalski 1947]. Польские исследователи отмечают, что сначала в источниках употреблялась форма *sarańcza* (*сарáньча*), причем в текстах писцов, которые происходили с востока — с территории Великого княжества Литовского, — а затем она изменилась в современную *szarańcza* [Rytter 1992: 84].

Однако собственно русские в современном понимании этого термина, то есть великорусские, источники плохо знакомы со словом *саранча*: «Словарь русского языка XI–XVII вв.» первое его употребление в качестве глоссы на полях фиксирует в Правленном славяно-русском Пятикнижии XV в. — памятнике, о котором нам уже приходилось писать на страницах этого журнала в предыдущей заметке о проникновении тюркского слова *сайгак* в русский язык [Грищенко 2019], а затем — после полуторавекового перерыва! — лишь в источниках 1650 и 1679 гг. [Богатова (гл. ред.) 1996: 64] (примеров между Правленным Пятикнижием и 1650 г. нет также в картотеке этого словаря, хранящейся в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, если не считать источники, широко датированные XVII в.). Старорусский корпус в составе Национального корпуса русского языка (http://ruscorpora.ru/search-mid_rus.html) дает еще два источника 1650 и 1692 гг. (в упомянутой выше картотеке источников еще больше, однако в основном они относятся все так же ко втор. пол. XVII и даже к XVIII в.). При этом московские азбуковники XVII в. считают слово *саранча* польским или даже чешским (!), ставя на первое место грецизм *акриды* (из формы род. п. ἀκρίδος слова ἀκρίς ‘саранча’): «Акриды, пружие,

иже чески наричется саранча» или «Акриды, пружие, иже лячки [то есть *ляшски* ‘по-польски’. — А. Г.] наричется саранча» [Ковтун 1977: 95–99].

Если в польские источники XVI в. слово *саранча* попадает с востока, а в московские уже в следующее столетие — с запада, то очевидно, что оно было заимствовано в восточнославянскую речь на землях как раз между Королевством Польским и Великим княжеством Московским, то есть на территории современных Белоруссии и Центральной Украины, которые входили тогда в состав Великого княжества Литовского, объединившегося затем с Польшей в одно государство — Речь Посполитую. И действительно, в XVI в. оно зафиксировано в так называемой «прóстой», или «руської мове» — литературном языке православных (а позднее и униатских) книжников и писарей. В рукописной Псалтири второй половины XVI в. (Российская государственная библиотека, Собрание Н. П. Румянцева, № 335), переведенной на «просту мову» с польской Псалтири Лаврентия Врубеля 1539 г., стих Пс. 104:34 звучит следующим образом: «Рек — и пришли с а р а н ч а и гусеницы, котрым числа не было». В польском же оригинале использовано другое, латинское, слово для обозначения саранчи и там же истолковано собственно славянским, которое, судя по всему, и было основным в западнославянских языках: «Rzekł — i przyszli locusti i robacztwo...», а «locusti, to jest kobyłki albo insze robacztwo im rowne» («локусты, то есть кобылки или другое насекомое, подобное им»). Еще один пример из XVI в. — в Западнорусской летописи по списку графа Рачинского ок. 1580 г.: «Того ж лѣта [1534 г.] прышла с а р а н ч а на Лядскую землю и на Литовскую около Берестия и около Мѣнска...». Эти и множество других примеров содержатся в «Историческом словаре белорусского языка» [Булыка (ред.) 2011: 62–63], который по сути является словарем «простой мовы».

О том, что в Новгороде и в Московии до расширения Московского царства далеко на юг, вплоть до Астрахани, не были знакомы с саранчой, которая действительно массово не залетала в эти северные земли, свидетельствует одна из миниатюр Лицевого летописного свода 1560–70-х гг. — многотомной иллюстрированной летописи, которая была составлена специально для Ивана Грозного. Лицевой свод начинается библейской историей, и рассказ о восьмой египетской казни — нашествии саранчи (Исх. 10:13–14) — сопровождается характерным изображением (см. рис. 2): саранча нарисована в виде животных (здесь — по-видимому, львов) с человеческими головами. Так она описана в Апокалипсисе Иоанна Богослова: «Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны. Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя. И из дыма вышла саранча на

Рис. 2. Нашествие саранчи (Исх. 10:13–14)
в Лицевом летописном своде Ивана Грозного
(ГИМ, Муз. 358, 1560–70-х гг., л. 191)

Fig. 2. The locust invasion (Ex 10:13–14)
in the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible
(GIM, Muz. 358, 1560s–70s, fol. 191r)

землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. <...> По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее — как лица человеческие; и волосы у ней — как волосы у женщин, а зубы у ней были, как у львов» (Откр. 9:1–8). В средневековых русских лицевых апокалипсисах встречаются такого рода изображения (как, например, в рукописи РГБ, МДА 16 XVI в.: см. рис. 3), однако в качестве иллюстрации

Рис. 3. Апокалиптическая саранча в русской рукописи XVI в. (РГБ, ф. 173.1, № 16, л. 40 об.)

Fig. 3. The apocalyptic locust in the Russian MS from the 16th century (RGB, found 173.1, No. 16, fol. 40v)

египетской казни апокалиптическая саранча появляется неожиданно, и это может говорить о том, что художник попросту не знал, как она выглядит. Художник же, иллюстрировавший знаменитую Радзивилловскую летопись 1480–90-х гг., — или, вероятно, ее оригинал, созданный ранее, — к сюжету о нашествии саранчи на Русь подошел со знанием дела: саранча изображена здесь (в Повести временных лет, под 1096 г.) уже более реалистично и даже раскрашена желтым цветом (см. рис. 4)¹. В последнее время была обоснована гипотеза о том, что Радзивилловская летопись была переписана на западнорусских землях — во Владимире Волынском [Никитин 2004]. Это обстоятельство косвенно подтверждает наше предположение, что заимствование слова *саранча* произошло именно там, а не в Москве.

Рис. 4. Нашествие саранчи на Русь в 1096 г.
Миниатюра Радзивилловской летописи, № 295
(1480–90-е гг.)

Fig. 4. The locust invasion into Rus' in 1096.
The miniature No. 295 of the Radziwiłł Chronicle
from the 1480s–90s

¹ В миниатюре есть примета западноевропейской иконографии — полумесяц с профильным лицом, а не полная луна; сверху расположена миниатюра с фигурой в рыцарских доспехах [Чернецов 1981: 280], — поэтому имеется вероятность того, что само изображение саранчи было заимствовано из европейских источников, а не объясняется знакомством художника с этим насекомым.

Однако вернемся к самым ранним употреблениям этого слова в восточнославянской письменности — в Правленом Пятикнижии XV в., которое, хотя известно в основном в великорусских (в том числе новгородских) списках с 1490-х гг., создано было именно на западе, на русских землях Великого княжества Литовского, о чем лишний раз свидетельствует появление в нем этого западнорусского слова, которое, в свою очередь, было заимствовано из некоего тюркского источника. У М. Фасмера приводится вообще «тюркское» *sarynča* и кипчакское *sarynčqa*, которые он вслед за тюркологами возводит к *sary(γ)* ‘желтый’ [Фасмер 1987: 560]. Однако в тюркских языках форма без конечного *-qa*, *-γa* или *-χa* засвидетельствована только в армянокипчакском языке — одной из разновидностей золотоордынского кипчакского, на котором в XVI–XVII вв. писали армяне Подолья и Галиции, так что вполне вероятно, что форма *saranča* (не *sarynča*, как у Фасмера) была обратным заимствованием из окружавших их славянских языков. Наиболее распространенной старокипчакской формой была *sarynčqa*, которая представлена уже в древнейшем и чрезвычайно важном памятнике — «Кодексе куманикусе» (буквально ‘половецкая книга’), известном в единственном списке 1303 г. [Левитская 2003]. Современные тюркологи, впрочем, предлагают иную этимологию этого слова, для которого предлагают праформу *saryčqa*: от глагола *sacyr-*, *syčyr-* ‘прыгать’, причем известного именно караимскому языку [там же].

Именно форма *sarynčqa* встречается в самом раннем тексте на старокипчакском языке в еврейской графике — фрагменте Пятикнижия из собрания А. С. Фирковича в Российской национальной библиотеке Евр.І.Библ., № 143 1470–80-х гг., о котором мы уже писали в заметке о слове *сайгак*. Этот памятник представляет собой плод деятельности тюркоязычных иудеев Золотой Орды, причем, скорее всего, иудеев раввинистического направления, а не караимского, тогда как именно караимы Восточной Европы и Крыма впоследствии сохранили тот особенный кипчакский язык, которым написан кодекс № 143, для переводов Библии. Однако в этих поздних, XVIII–XIX вв., караимского происхождения библейских переводах для наименования саранчи используется уже совершенно другое слово: в разных диалектных формах оно звучало и записывалось в русской графике как *цэгиртке*, *чегиртькя*, *чэгиртке* или *чэгирткэ* [Баскаков, Зайончковский, Шапшал (ред.) 1974: 617, 626, 639]. В кодексе № 143 в стихе Числ. 13:33 древнееврейское слово *хагав* (им обозначалась некая разновидность саранчи) было переведено как *sarynčqalar*, то есть ‘саранчи’ (тюркский аффикс *-lar* — показатель множественного числа), и эта форма прекрасно читается в тексте, поскольку

в этом месте он огласован, что не всегда встречается в еврейских рукописях. В другом библейском стихе, Лев. 11:22, где перечислены четыре вида разрешенных в пищу кузнечиковых, в том числе *хагаб*, одно из двух древнееврейских названий — *арбэ* или *сол'ам* — снабжено глоссой на полях, к сожалению обрезанной и неогласованной: от нее сохранились первые три буквы, составляющие последовательность *S-R-Y* (см. рис. 5) — именно с них начинается написание слова *sarynčqa* в Числ. 13:33 (*S-R-Y-N-S-Q* плюс огласовка), так что эту глоссу можно смело реконструировать как *sary[nčqa]*.

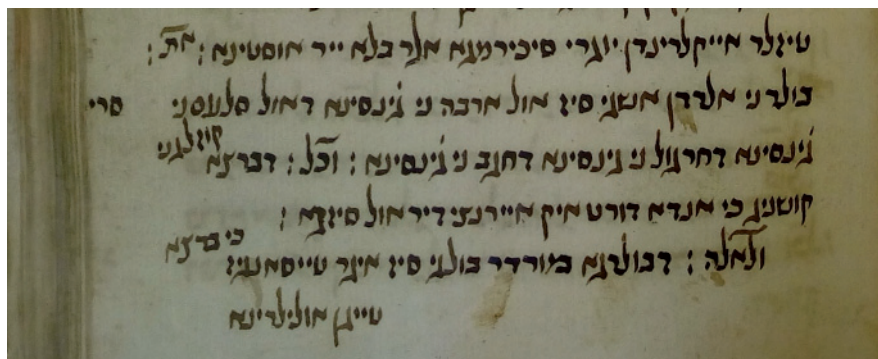

Рис. 5. Глосса *SRY[NSQ]* (*sarynčqa*) в рукописи РНБ, Евр.І.Библ, № 143, л. 43 (Лев. 11:22)

Fig. 5. The gloss *SRY[NSQ]* (*sarynčqa*) in the MS RNB, Evr.I.Bibl., No. 143, fol. 43r (Lev 11:22)

Самое примечательное, что в Правленном славяно-русском Пятикнижии словом *саранча* (в некоторых списках *саранца*) глоссируется также один из чистых, разрешенных иудеям в пищу, кузнечиковых. Посмотрим на этот перечень, опираясь на современный русский перевод Российского библейского общества, к которому в скобках приведены оригинальные слова из древнееврейского Масоретского текста и греческой Септуагинты: «Итак, вы можете есть саранчу [др.-евр. 'арбэ́, греч. βροῦχος] разных видов, любую длинноголовую саранчу [др.-евр. сол'ам, греч. ἀττάκης], сверчков [др.-евр. харгól, греч. ἀκρίς] разного вида и всевозможных кузнечиков [др.-евр. хага́в, греч. ὀφιομάχης]»². В старославянском переводе с греческого этим четырем названиям были подобраны следующие соответствия: 1) «вруху» — *гусеница* или *усънецъ* (названия варьируются в зависимости от редакции); 2) «аттакису» — *сверщець* (*сверчекъ*, *скверчекъ* или

² Традиционный русский Синодальный перевод приводит три из четырех названий насекомых просто в транслитерации с еврейского: «сих ешьте из них: саранчу с ее породю, солам с ее породю, харгол с ее породю и хагаб с ее породю».

сверкъ); 3) «акриде» — те самые *прузи*; 4) «офиомахису» — *супротивящийся змий* (греч. *ὄφιόμαχος* буквально значит ‘змееборец’). В большинстве списков Правленого Пятикнижия глосса *саранча* (*саранца*) — как дописанная на полях (например, как на рис. 6, правка к Исх. 10:4), так и вставленная в текст (как на рис. 7) — относится к слову *усънецъ*, в одном — к слову *прузи*. Так, если в кодексе № 143 формой *сару[нѣца]* глоссировано было именно слово *арбэ* (знака сноски в рукописи нет, глосса стоит просто рядом с соответствующей строкой, в которую вместились только два первые названия), то ему в старославянском тексте, в русских его редакциях, соответствует слово *усънецъ*, которое также глоссировалось формой *саранча/саранца*.

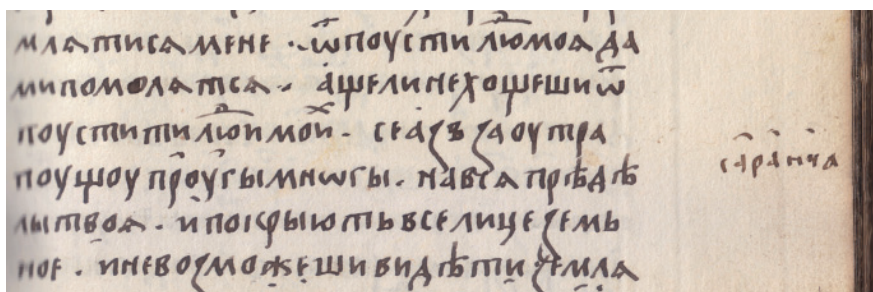

Рис. 6. Глосса на полях *саранча* к слову *пругы* в тексте (Исх. 10:4) в рукописи РГБ, ф. 98, № 648, л. 113

Fig. 6. The marginal gloss *sarancha* for textual form *prugy* in the MS RGB, found 98, No. 648, fol. 113r (Ex 10:4) from 1490s

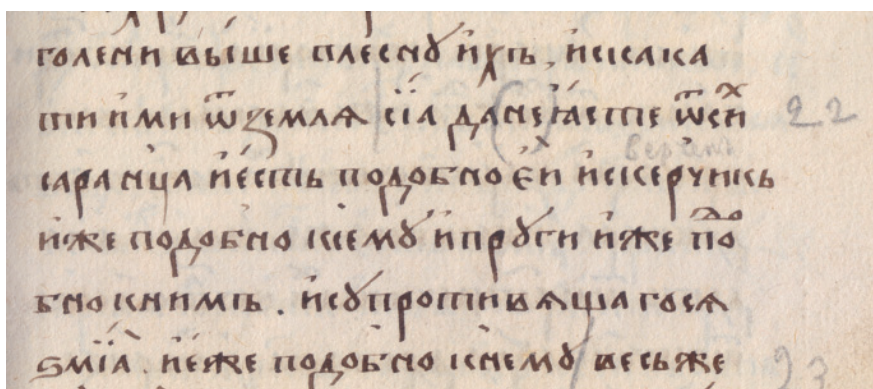

Рис. 7. Исправление в тексте Правленого Пятикнижия (*саранца* вм. *усънецъ*). РГБ, ф. 113, № 8, л. 194. Список Пятикнижия 1494 г., принадлежавший Иосифу Волоцкому

Fig. 7. The textual correction *sarantsa* for *usenets* in the Edited Pentateuch: the copy from 1494 (MS RGB, found 113, No. 8, fol. 194r) which was owned by St. Joseph Volostky

Получается, что в Правленном славяно-русском Пятикнижии имеет место не просто заимствование из старокипчакского языка, но текстуальное заимствование — из старокипчакского текста. Конечно, заимствование слова из одного перевода Библии в другой не отменяет возможности заимствования этого же слова из языка в язык, что, судя по всему, и произошло со словом *саранча*, которое полностью вытеснило церковнославянское *прузь* в восточнославянских языках и старочешское/старопольское *kobylka* в польском, а в чешском — лишь с XIX в. Однако важно отметить сам момент наиболее ранней письменной фиксации этого вытеснения, и в случае с церковнославянской Библией этот момент связан с правкой Пятикнижия по такому экзотическому источнику, как тюркский таргум — перевод библейского текста на один из языков еврейской диаспоры, в данном случае старокипчакский, используемый внутри иудейской традиции в качестве вспомогательного, объясняющего малопонятный некнижным людям древнееврейский оригинал. И очень важно, что текстуальная параллель между глоссой Правленного славяно-русского Пятикнижия нашлась в еврейско-тюркской рукописи, написанной практически в то же время, даже чуть раньше, в 70–80-е годы XV века.

Учитывая не только языковые, но и культурно-религиозные контакты — в данном случае между православными восточнославянскими книжниками и тюркоязычными иудеями Восточной Европы, — еще более важно признать, что правки перечней «чистых» и «нечистых» животных в славянском Пятикнижии (в первом из них появился уже рассмотренный нами тюркизм *сайгак*) происходили не случайно, не из праздного любопытства, а для того чтобы уяснить законы кашрута, то есть иудейских пищевых запретов и предписаний. Если появление сайгака на месте верблюда в перечне «чистых» копытных было вызвано стремлением исправить ошибку еще старославянского перевода, из-за которой в этот перечень попал явно «нечистый» верблюд, то в перечне «чистых» кузнечиковых появляется вдруг исправление особого рода — предписание не употреблять их пищу, причем вопреки оригинальному тексту Священного Писания. Вернемся еще раз к этому тексту: «Итак, вы можете есть [др.-евр. *эт-элле мэгэм тохэлу* ‘этих от них едите’, греч. *ταῦτα φάγεσθε ἀπ’ αὐτῶν* ‘этих будете есть от них’] саранчу разных видов» и т. д., — а в старославянском переводе действительно было «сия да ясте от них», и это чтение сохраняется во всех южнославянских списках книги Левит, во всех ранних древнерусских, тогда как запрет «сия да не ясте от них» появляется лишь в Правленном Пятикнижии и в некоторых поздних списках предшествующей редакции, на которые, очевидно, повлияло Правленное Пятикнижие (на рис. 4 видно, что кто-то, работавший с рукописью № 8

из собрания Иосифо-Волоколамского монастыря, вероятно протоиерей Александр Горский (1812–1875), не только сделал карандашом разбивку на стихи, но и взял в скобки отрицательную частицу *не*, поскольку отрицания нет ни в древнееврейском, ни в греческом текстах Библии). Происхождение запрета на употребление в пищу кузнечиковых, которые были прямо разрешены Библией, также связано с иудейской традицией, но более поздней, раввинистической. Впервые в явном виде он прописывается в знаменитом трактате «Шулхан арух» Йосефа Каро (XVI в.), но еще раньше, во второй половине XI в., знаменитый раввин и толкователь Библии Северной Франции Раши высказывает некоторые сомнения в том, что к его времени знания о точном наполнении библейских слов, обозначающих разные виды саранчи, остаются достоверными: «Все эти признаки есть у той [саранчи], что водится в наших местах, но у одних голова вытянутая, у других — есть хвост. И нужно [быть уверенным, что данный вид] носит название *хагав*, [чтобы употреблять этих кузнечиков в пищу], а мы не умеем отличать [разные их виды] друг от друга» [Горин (гл. ред.) 2017: 159]. Вполне вероятно, что в результате непосредственных контактов с иудейскими книжниками справщики славянского Пятикнижия внесли этот поздний запрет прямо в его текст.

Однако далее встают вопросы, как из старокипчакской формы *sarynčqa* получилась *саранча*, то есть куда выпал *к* и какова природа чередования *ч* с *ц* (*саранча/саранца*) уже в собственно славянских формах? Самым простым ответом на первый вопрос будет следующее предположение: исходная тюркская форма на *-ка* стала восприниматься восточными славянами как уменьшительное образование, из которого было выделено как будто бы изначальное, без уменьшительно-ласкательного значения, слово **сарынча*, в котором звук [ы] в середине уподобился остальным гласным (то есть произошла межслоговая ассимиляция), и получилась, наконец, *саранча*. Возможно, что существовала еще собственно тюркская форма **sarančqa*, не засвидетельствованная источниками, поскольку выравнивание гласных, или гармония, как говорят тюркологи, характерно именно для тюркских языков и диалектов, — и уже из нее методом «обратного словообразования», когда был отброшен «суффикс» *-к-*, выделилось слово *саранча*. Точно таким же способом в русском языке из нидерландского *zondek*, которое сначала было заимствовано как *зонтик*, появилось слово *зонт*.

На второй вопрос ответ уже не столь очевиден. Дело в том, что чередование форм *саранча* и *саранца* в славяно-русской книжности могло быть связано не только с таким русским диалектным явлением, как цоканье, то есть неразличением звуков [ч] и [ц], но и с аналогичным ему явлением в старокипчакском языке: именно из-за него уже упомянутое нами более

позднее название саранчи в караимских переводах Библии известно в двух формах — тракайской (Литва) и крымской чокающей *цегиртке* и галицко-луцкой (Украина и Польша) цокающей *цэгиртке*.

В дальнейшей истории русской Библии, уже Синодального ее перевода, а также современных переводов, в том числе Российского библейского общества, слово *саранча* выступает как вполне нормальное обозначение этого вредоносного насекомого, столь часто упоминавшегося на страницах Священного Писания.

Литература

- Аванесов Р. И. (гл. ред.). Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-слово-образовательная. Вып. 1. Животный мир. М.: Наука, 1988. 188 с.
- Баскаков Н. А., Зайончковский А., Шаншал С. М. (ред.). Караимско-русско-польский словарь. М.: Русский язык, 1974. 688 с.
- Богатова Г. А. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 23. М.: Наука, 1996. 253 с.
- Булыка А. М. (ред.). Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 31. Мінск: Беларуская навука, 2011. 507 с.
- Горин Б. (гл. ред.). Тора с комментариями Раши: в 5 т. Т. 3. Ваикра / Пер. Торы А. Фейгин, И. Гиссер; Пер. Раши и примеч. А. Фейгин. Изд. 3-е, испр. М.: Книжники; Лехаим, 2017. 480 с.
- Грищенко А. И. Как *сайгак* попал в церковнославянскую Библию? // Русская речь. 2019. № 3. С. 50–59.
- Ковтун Л. С. Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л.: Наука, 1977. 111 с.
- Левитская Л. С. Сарычга // Этимологический словарь тюркских языков. Т. 7. Общeturкские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Восточная литература РАН, 2003. С. 226–227.
- Никитин А. Л. О Радзивилловской летописи // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. С. 526–557.
- ПВЛ 1996 — Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. 670 с.
- САР — Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.
- Сербский Г. П. Дело «О саранче»: (Из разысканий в области одесского периода биографии Пушкина) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 2. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 275–289.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. III. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

- Чернецов А. В. К изучению Радзивилловской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 36. Л.: Наука, 1981. С. 274–288.
- Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Wyd. IV. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985. 806 s.
- Kowalski T. Szarańcza // Język polski. T. XXVII. Z. 2. 1947. S. 52–55.
- Rejzek J. Český etymologický slovník. [Praha]: Leda, 2001. 752 s.
- Rytter G. Wschodniosłowiańskie zapożyczenia leksykalne w polszczyźnie XVII wieku. Łódź: Wydaw. Uniwersytetu Łódzkiego, 1992. 172 s.

References

- Avanesov R. I. (ch. ed.). *Obshch斯拉vianskii lingvisticheskii atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatel'naya* [All-Slavic linguistic atlas. Lexical and derivational series]. Moscow, Nauka Publ., 1988. Iss. 1. 188 p.
- Baskakov N. A., Szapszał S. M., Zajączkowski A. (eds.). *Karaimsko-russko-pol'skii slovar'* [The Karaim-Russian-Polish dictionary]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1974. 688 p.
- Bogatova G. A. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the 11th–17th-century Russian language]. Iss. 23. Moscow, Nauka Publ., 1996. 253 p.
- Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological dictionary of the Polish language]. 4th ed. Warszawa, Wiedza Powszechna Publ., 1985. 806 p.
- Bulyka A. M. (ch. ed.). *Gistarychny sloŭnik belaruskaj movy* [The Historical dictionary of the Belorussian language]. Iss. 31. Minsk, Belaruskaya Navuka Publ. 2011.
- Chernetsov A. V. [Towards research of the Radziwiłł Chronicle]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceed. of the Old Russian literature Department]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. Vol. 36, pp. 274–288. (In Russ.)
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1987. Vol. 3. 832 p.
- Gorin B. (ch. ed.), Feigin A., Gisser I. (transl.). *Tora s kommentariyami Rashi* [Torah with Rashi's commentaries]: In five vols. 3rd ed. Moscow, Knizhniki Publ., Lekhaim Publ., 2017. Vol. 3. 480 p.
- Grishchenko A. I. [How did a saiga appear in the Church Slavonic Bible?]. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2019. No. 3, pp. 50–59. (In Russ.)
- Kovtun L. S. *Drevnie slovari kak istochnik russkoi istoricheskoi leksikologii* [Ancient dictionaries as a source of the Russian historical lexicology]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 111 p.
- Kowalski T. Szarańcza. *Język polski* [Polish language]. 1947. Vol. 27, no. 2, pp. 52–55. (In Pol.)
- Levitskaya L. S. [Sarychgha]. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Turkic languages]. Moscow, Vostochnaya Literatura RAN Publ., 2003. Vol. 7, pp. 226–227. (In Russ.)

- Nikitin A. L. [On the Radziwiłł Chronicle]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of the Old Russian literature]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., Progress-Traditsiya Publ., 2004. Iss. 11, pp. 526–557. (In Russ.)
- Rejzek J. *Český etymologický slovník* [Czech etymological dictionary]. Praha, Leda Publ., 2001. 752 p.
- Rytter G. *Wschodniosłowiańskie zapożyczenia leksykalne w polszczyźnie XVII wieku* [Eastern Slavic loanwords in the 17th-century Polish]. Łódź, Publ. House of the University of Łódź, 1992. 172 p.
- Serbskii G. P. ["Sarancha" case: From the researches in the field of Pushkin's Odessa period]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii* [Pushkin: Periodical of the Pushkin Commission]. Moscow, Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR, 1936. Iss. 2, pp. 275–289. (In Russ.)

Из истории русского языка

Название города на Неве в начале XVIII века

Ирина Евгеньевна Кузнецова, Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург), kuznetsova4irina@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170008282-9

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются варианты названия Санкт-Петербурга, используемые, в первую очередь, в письмах Петра Первого и его современников. Согласно общепринятой точке зрения, первым признается вариант *Санктпитебургх*, фигурирующий в «Книге Марсовой», которая, однако, создавалась в то время, когда Санкт-Петербург уже стал столицей и его имя было широко известно. В письмах самого Петра Великого, относящихся ко времени начала строительства новой столицы, встречается около 20 вариантов написания полного названия крепости и города. Написания, используемые Петром, имеют признаки орфографического, фонетико-орфографического и этимологического варьирования, что отражает живые языковые процессы первой трети XVIII века. Различные варианты написания топонима *Петербург* можно встретить в одних и тех же текстах. Этимологический вариант *Петрополь*, который также появился в 1703 году, в первой трети XVIII века встречается преимущественно в текстах высокого стиля, имеющего корни в церковнославянском языке. Неофициальное имя Санкт-Петербурга — *Питер* — первоначально является частью сложного наименования города в раздельном написании. С середины XVIII века оно становится широко употребительным в качестве самостоятельного разговорного названия. Анализ имеющихся материалов показывает, что ни один из вариантов названия Санкт-Петербурга не может претендовать на звание первого и ни один из них не возник позднее другого.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая лексикология, XVIII век, топонимика, Санкт-Петербург, вариантность

для ЦИТИРОВАНИЯ: Кузнецова И. Е. Название города на Неве в начале XVIII века // Русская речь. 2020. № 1. С. 38–45. DOI: 10.31857/S013161170008282-9.

From the History of the Russian Language

Saint Peterburg's Name Variations in the Beginning of the XVIII Century

Irina E. Kuznetsova, Institute for Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Saint-Petersburg), kuznetsova4irina@gmail.com

ABSTRACT: The article discusses variants of the names of St. Petersburg, used primarily in the letters of Peter the Great and his contemporaries. According to the generally accepted point of view, the first option is *Санктпитебургх*, appearing in the Book of Mars, which, however, was created at the time when St. Petersburg was already the capital and its name was widely known. In the letters of Peter the Great himself, dating back to the beginning of the construction of a new capital, there are about 20 spellings of the full name of the fortress and the city. The writings used by Peter have signs of orthographic, phonetic and orthographic, and etymological variation, which reflects the living language processes of the first third of the 18th century. Various spellings of the toponym Petersburg can be found in the same texts. The etymological version of Petropol, which also appeared in 1703, in the first third of the 18th century is found mainly in high-style texts, which are rooted in Church Slavonic. The unofficial name of St. Petersburg is Peter, which was originally part of the complex name of the city in separate writing. From the middle of the 18th century, it has become widely used as an independent spoken name. Analysis of the available materials shows that none of the variants of the name of St. Petersburg can claim the title of the first and none of them arose later.

KEYWORDS: historical lexicology, XVIII century, toponymy, Saint-Petersburg, variation

FOR CITATION: Kuznetsova I. E. Saint Peterburg's Name Variations in the Beginning of the XVIII Century. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 1. Pp. 38–45. DOI: 10.31857/S013161170008282-9.

Согласно общепринятой точке зрения, которую, например, приводит в своем топонимическом словаре Е. Н. Поспелов [Поспелов 2000: 158–162], город, известный как Санкт-Петербург, первоначально имел название *Санктпитербурх*, по названию крепости, заложенной Петром Великим 16 (27) мая 1703 года и получившей имя в честь святого Петра, небесного покровителя императора. Этот вариант названия признается первым, очевидно, потому, что фигурирует в одном из наиболее ранних сообщений об основании крепости — в «Книге Марсовой»: *Маѳа въ 16 день, въ недѣлю Пятъдесятницы, фортецію заложили, и нарекли имя оной Санктпитербурхъ* [Книга Марсова 1713]. Основываясь на современном представлении о том, что при наименовании географического объекта ему дается только одно имя, а из многих возможных вариантов написания и произношения этого имени только один является правильным, исследователи полагают, что первоначальным является именно это написание.

Однако «Книга Марсова» создавалась через 10 лет после того, как крепость была заложена, в то время, когда Санкт-Петербург уже стал столицей и его имя было широко известно. Примечательно, что во втором издании «Книги Марсовой» название крепости уже изменено на *Санктпетербургъ* [Книга Марсова 1766].

В письмах самого Петра Великого, относящихся ко времени начала строительства новой столицы (1703–1704 годы), используется около 20 различных вариантов написания полного названия крепости и города, в том числе и вариант *Санкт-Петербург* (*Санктъ-Петербургъ*):

Изъ Санктпитербурха, въ 1 день ѳюля 1703 году [ПБП 2: 204];

Изъ Санктъ-Питербурха, ѳюля 2 дня 1703 [ПБП 2: 214];

Изъ Санпитербурха, въ 6 д. ѳюля 1703 [ПБП 2: 207];

Данъ при Санктъ-Петерсбуркъ, ѳюля 12-дня 1703 году [ПБП 2: 215];

Данъ въ Санктъ-Петербургъ (въ другом черновом оттиске: при Санктъ-Петербуркъ) ѳюля 18-дня 1703-го году [ПБП 2: 222];

Отъ Санктпетерсъбурка, іюля 20-дня 1703-го году [ПБП 2: 224];
 Изъ Сантпитебурха, сентября въ 20 д. 1703 [ПБП 2: 248];
 Изъ Сантъ-Питебурха, въ 23 д. сентября 1703 [ПБП 2: 250];
 При Санктпетербуркъ [ПБП 2: 252];
 Изъ Санктпитебурха, въ 29 д. 1703 [ПБП 2: 255];
 Изъ Санпитебурха, въ 16 д. 1703 [ПБП 2: 264];
 Изъ Санктпитебурка, въ 21 день октября 1703-го году [ПБП 2: 262];
 Изъ Санктпетербурга, въ 22 день марта 1704 [ПБП 3: 41];
 Изъ Санктпетербурка, апреля 30-го дня, анно 1704-го [ПБП 3: 55];
 Изъ Санктпетерсъбурка, маія въ 7 день 1704-го году [ПБП 3: 58];
 Изъ Санктпетербурха того жъ 7 маія 1704 [ПБП 3: 621];
 Изъ Сан-Питебурха, въ 16 д. іюня 1704-го [ПБП 3: 92];
 Изъ Санктъ-Питебурха, ноября въ 3 день 1704 [ПБП 3: 189].

Петр использует и сокращенные написания, например: *Русскихъ матросовъ отпустить въ С.-Петербургъ* [ПБП 2: 693]; *Въ Сан: пр. бр.* [ПБП 3: 672, 674].

Упрощенное название города в письмах Петра также имеет варианты написания:

<Полки> будут стоять и зимовать около Копорья и Питербурга [ПБП 2: 232];
Офицер... въ Петерсъбуркъ приехалъ [ПБП 3: 96];
Въ Питерсбуркъ [ПБП 3: 97];
Въ три дни или четыре быть в столицу [Питербурхъ] [ПБП 3: 162];
Въ Питерзбуркъ [ПБП 3: 706].

Названия, используемые Петром, имеют признаки орфографического, фонетико-орфографического и этимологического варьирования. Наличие множества вариантов объясняется не только тем, что, как пишет Е. М. Поспелов, «лица из иноязычного окружения Петра, говорившие преимущественно на немецком, шведском, голландском, английском языках, а также его русские сподвижники, в той или иной мере владевшие этими языками, название “город Святого Петра” произносили и писали каждый на свой лад» [Поспелов 2000: 159].

Одной из характерных черт русского языка конца XVII — начала XVIII века является вариативность языковых единиц. XVIII век — время формирования русского литературного языка нового типа, а наличие вариантов «необходимо предшествует осознанному или подсознательному

принятию и закреплению тех или иных средств выражения как нормативных, общих, традиционных» [Степанов 1979: 59]. Вариативность в полной мере проявляется и в топонимике того времени. Так, например, в переписке Петра 1702–1703 годов встречаем: *Мариенберхъ* [ПБП 2: 84], *Мариенбургъ* [ПБП 2: 86], *Мариенбургъ* [ПБП 2: 90], *Мариенбургъ* [ПБП 2: 95], *Мариенбургъ* [ПБП 2: 411]; *Нютебургъ* [ПБП 2: 86], *Нотебургъ* [ПБП 2: 87], *Нотебургъ* [ПБП 2: 90], *Нютенбургъ* [ПБП 2: 94], *Нотенбургъ* [ПБП 2: 95], *Нотенбургъ* [ПБП 2: 96], *Нютенбургъ* [ПБП 2: 116], *Ноттебургъ* [ПБП 2: 411]; *Шлютельбургъ* [ПБП 2: 109], *Шлютельбургъ* [ПБП 2: 116], *Шлиселбургъ* [ПБП 2: 151], *Шлютелбургъ* [ПБП 2: 151], *Шлютелбургъ* [ПБП 2: 153], *Шлюсенбургъ* [ПБП 2: 274] и т. п.

Различные варианты написания топонима *Петербург* можно встретить в одних и тех же текстах начала XVIII века:

Шведский генерал-майор Мендель от Выборка к Петербургу с войском в 8000, состоящим [из] конницы и пехоты, пришел и стал на берегу, а 40 шведских кораблей приблизились к Кроншлоту. И для того он, губернатор, отсюда из обозу июля в 13 день поехал в Петербурх ради лучшего управления (И. А. Желябужский. Дневные записки. 1682–1709) [НКРЯ];

Статуи — одна готова и с постументом дубовым... И оную готовую, ежели кораблей купецких не случится, то положу на капер, который гданчане в Петербург возьмут с собою, ежели готов. Планфон в Кениксбурхе, как поеду в Петербурх, возьму с собою (В. Н. Татищев. Я. В. Брюсу. 1717) [НКРЯ].

К 1708 году количество вариантов написания названия города, используемых Петром, существенно сокращается, в его письмах в это время чаще всего встречаются две пары вариантов: *Санкт-Петербург* и *Санкт-Петербурх*, *Петербурк* и *Петербурх* [ПБП 7]. Однако очевидно и то, что ни один из вариантов не может претендовать на звание первого, первоначального, и то, что ни один из них не возник «потом», позднее.

Этимологический вариант имени города — *Петрополь* — также употребляется в письмах Петра и его сподвижников уже в 1703 году:

Отъ Петрополя, июля въ 13 день 1703-го [ПБП 2: 217];

(Федор Головин:) *от Петрополя* [ПБП 2: 593];

(Никита Репнин:) *Изъ Петрополя, 1703 году, июля въ 6 день* [ПБП 3: 983].

В отдельных случаях используется вариант, объединяющий элементы голландского и греческого происхождения:

(Борис Голицын:) *Платы, опушка и снурокъ одного цвѣта, посланы въ 17-омъ числь сего жъ августа прямо въ Питерполъ* [ПБП 2: 622].

Согласно данным Картотеки «Словаря русского языка XVIII века» [КСХVIII] и Национального корпуса русского языка [НКРЯ], примеров нейтрального употребления названия *Петрополь* совсем немного, оно встречается преимущественно в текстах высокого стиля:

Сие наипаче место, неславное прежде и в свете незнаемое, а ныне преславным сем царствующим Петрополем и толь крепкими на реке, на земле и на море фортецами утвержденное купно и украшенное, — кто по достоинству похвалить может? (Архиепископ Феофан (Прокопович). Слово на похвалу блаженные и вечнодостоинья памяти Петра Великаго. 1725);

*Возрыдай днесь прегорко, Петрополе святой,
Аще и славно Петром Великим зачатый,
Ибо архитектон твой взят от тебя к богу
И радости место печаль оставь тебе многу*

(Русская силабическая поэзия, № 245. 1725) [КСХVIII].

Причина этого, очевидно, заключается в том, что петровское время характеризуется противостоянием церкви и светской власти. Несомненно, что упоминание города со столь непривычным русскому уху именем *Санктпитербурх*, или *Санкт-Петербург*, ассоциировавшимся с католическим или протестантским миром, казалось невозможным в высоком стиле, имеющем корни в церковнославянском языке, поэтому предпочтительным представлялось греческое соответствие.

Неофициальное имя Санкт-Петербурга — *Питер* — в XVIII веке первоначально встречается как самостоятельная часть при раздельном написании сложного наименования города:

Куда мнѣ ѣхать, въ Питеръ ли бурхъ или въ Полюу [ПБП 3: 297];

Оному драгуну посланной стан велено объявить в Санкт Питер бурхе в правительствующем Сенате. Граф Андрей Матвеев (А. Матвеев. Правительствующему Сенату в Санкт-Петербург из конторы Сенатского правления в Москве. 1725).

С середины XVIII века имя *Питер* как самостоятельное название города становится широко употребительным в разговорном языке:

Сказывают, что у вас в Питере едят лягушек, черепах и какие-то еще устрицы (Д. Фонвизин. Недоросль (так называемый ранний «Недоросль»). 1764);

Через 10 или 12 дней еду я в Питер наверное, накопив и отправя на барках или, лучше, на барке уголь (Н. А. Львов. Г. Р. Державину. 1786–1799);

И покорно-сте просим поглядеть, больно у меня болит сердце; а особливо, когда подумаю, в городе Питере учёна, где немец на немец, француз на французе, как не покривить православием... (П. Плавильщиков. Сговор Кутейкина. 1789).

На частотность употребления неофициального названия указывает Ф. Туманский: *Градъ Святаго Петра, отъ иныхъ складомъ Греческимъ Петрополь, а отъ многихъ по свойству Голландскаго языка Питеръ возымѣлъ начало свое въ нынѣшнемъ осьмомъ-надесять вѣкъ, въ пустомъ безобитаемомъ болотѣ* [Туманский 1792: 12].

Название *Питер* тоже имеет вариант написания: *1792-го году июля 1-го дня приехал архерей Тихон ис Питира во Тверь, из Твери в Астрахань поехал 8-го дня* (Блиновы. Дневник. 1783–1799).

Возникновение этимологических вариантов при необходимости обозначения новых понятий, словообразовательное и фонетико-орфографическое варьирование характерны не только для топонимов, но для русской лексики XVIII века в целом, и наблюдаемая множественность вариантов названия города на Неве отражает живые языковые процессы того времени. Анализ имеющихся материалов показывает, что ни один из вариантов названия Санкт-Петербурга не может претендовать на звание первого и ни один из них не возник позднее другого.

Источники

КСХVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII века»

Книга Марсова или воинских дел от войск Царского Величества Российских во взятии преславных фортификации, и на разных местах храбрых баталии учиненных над войски Его Королевскаго Величества свеискаго. СПб., 1713.

Книга Марсова или воинских дел от войск Царского Величества Российских во взятии преславных фортификацей, и на разных местах храбрых баталии учиненных над войски Его Королевскаго Величества свейскаго. С перваго санктпетербургскаго 1713 издания вторым тиснением напечатанная в Санктпетербурге При морском шляхетном кадетском Корпусе 1766 года.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>

ПБП — Письма и бумаги имп. Петра Великого [1688–1712]. 1–12 тт. СПб.–М.; Л.–М., 1887–1964, 1975–1977.

Туманский Ф. Описание Санкт-Петербурга // Российский магазин трудами Феодора Туманского, 1792, I.

Литература

- Поспелов Е. М. Историко-топонимический словарь России. Досоветский период. М.: Профиздат, 2000. 224 с.
- Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования (Испанский язык Испании и Америки). М.: Наука, 1979. 327 с.
-

References

- Pospelov E. M. *Istoriko-toponimicheskij slovar' Rossii. Dosovetskij period*. [Historical and Toponymic Dictionary of Russia. Pre-Soviet period] Moscow, Profizdat Publ., 2000. 224 p.
- Stepanov G. V. *K probleme yazykovogo var'irovaniya (Ispanskii yazyk Ispanii i Ameriki)*. [On the issue of language variation (Spanish in Spain and America)] Moscow, Nauka Publ., 1979. 327 p.

Перифраза и перифразирование в стиле романа Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры»

Сергей Анатольевич Васильев, Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва), okdomovenok@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170008289-6

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется художественная речь первого русского романиста Ф. А. Эмина на примере фрагментов его «Писем Эрнеста и Доравры» (1766). Роман воплощает новую для русской прозы середины XVIII века любовную тематику, ранее характерную прежде всего для лирики и драматургии (трагедии) или переводной литературы (роман П. Тальмана «Езда в остров любви» в переводе В. К. Третьяковского, 1730). Стилиевые доминанты романистов в реализации данного рода образности различались: схематическое олицетворение и метонимия — у В. К. Третьяковского, женский портрет — в прозе М. М. Хераскова. Находясь у истоков характерного для раннего сентиментализма риторического перифрастического стиля, внеся значительный вклад в его формирование, Ф. А. Эмин при воплощении любовной тематики творчески оригинально применил его ключевой прием — перифразу. Перифраза употребляется писателем в объемном четырехчастном романе неравномерно. В первую очередь в тех письмах, относящихся к началу произведения, где любовная тематика не только доминирует, но и раскрывается впервые и с наибольшей подробностью в плане выражения чувств Эрнеста. Отправной точкой и смысловым центром перифраз является имя возлюбленной — Доравра. Перифраза на деле является не одиночным приемом, а качественно иным, динамичным

явлением — перифразированием, формирующим элементы перифрастического стиля, свойственного как стилю романа Эмина, так и прозе эпохи сентиментализма в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: роман, перифраза, перифразирование, перифрастический стиль, воронка стиля

для цитирования: Васильев С. А. Перифраза и перифразирование в стиле романа Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» // Русская речь. 2020. № 1. С. 46–55. DOI: 10.31857/S013161170008289-6.

The Language of Fiction

Paraphrase and Paraphrasing in the Style of the F. A. Emin's Novel "Letters of Ernest and Doravra"

Sergei A. Vasilev, Moscow City University (Russia, Moscow), okdomovenok@yandex.ru

ABSTRACT: The article analyzes artistic speech of the first Russian novelist F. A. Emin. The fragments of his novel "Letters of Ernest and Doravra" (1766) served as the material for our research. The novel concerns love theme, new to the mid-18th century Russian prose. Previously love theme was typical primarily for poetry and drama (tragedy) or translated literature (P. Thalman's novel "Voyage to the isle of love" translated by V. K. Trediakovsky, 1730). The key elements novelists used to implement this kind of figurativeness differed: there was a schematic personification and metonymy — in V. K. Trediakovsky's work, or female portraits in M. M. Heraskov's novels. F. A. Emin was at the origins of the rhetorical paraphrasing style, characteristic for early sentimentalism, and made a significant contribution to its formation. To develop the love theme he creatively applied his key

technique — paraphrase. Paraphrase is not used repetitively in a four-part novel. We can find it primarily in the beginning of the work, in Ernest's letter, where love theme is not only dominant, but it is also revealed for the first time, expressing Ernest's feelings in great detail. The starting point and semantic center for paraphrase is the name of the beloved — Doravra. Paraphrase is, in fact, not a single device, but a qualitatively different, dynamic phenomenon, which forms elements of the paraphrase style, characteristic of both the style of Emin's novel, and the prose of the age of sentimentalism as a whole.

KEYWORDS: novel, paraphrase, paraphrasing, paraphrase style, funnel style

FOR CITATION: Vasilev S. A. Paraphrase and Paraphrasing in the Style of the F. A. Emin's Novel "Letters of Ernest and Doravra". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 1. Pp. 46–55. DOI: 10.31857/S013161170008289-6.

Перифраза, или перифраз, — один из наиболее распространенных тропов, роль которого велика как в обыденной речи, так и в художественной литературе. Согласно терминологическому словарю В. П. Москвина, с точки зрения лингвистической стилистики «перифраза [греч. *перифразис* 'окольная речь' <фразо 'указывать, объяснять'] — описательный оборот, образуемый для замены какого-либо общепринятого наименования: *корабль пустыни* (вм. *верблюд*), *лесная флейта* (вм. *иволга*), *хозяин тайги* (вм. *медведь*). Отличительная черта перифразы — ее неоднословность. <...> Посредством перифразы можно обозначить предмет по одному или нескольким признакам. <...> В структуре перифразы можно выделить две части: ядерную и ключевую. Ключевая («отгадочная», конкретизирующая) часть прямо называет какой-либо признак обозначаемого объекта и тем самым обеспечивает возможность расшифровки перифразы: *ночное светило*, *царица ночи* (= луна), *дневное светило* (= солнце). Ядерная часть косвенно указывает на обозначаемый объект: метафорически (*царица ночи*) либо с помощью более широкого по значению слова (ср. *Фонвизин* и *автор* "Недоросля"), в частности родового наименования (ср. *луна* и *ночное светило*). Такой характер содержательной части превращает перифразу в "обиняк, намек, иносказательную речь" (В. И. Даль). <...> Перифразу не следует путать с парифразом. <...> Перифразу не следует путать с перифразированием... <...> ...перифразирование — это фигура речи, перифраза же представляет

собой номинативную единицу» [Москвин 2007: 551–553] (здесь и далее выделено автором. — С. В.).

С точки зрения стилистики художественной литературы, или стилистики как объекта литературоведческого изучения, литературоведческой стилистики [Федосеева 2011: 98 и далее], выделяют особый «перифрастический стиль... — стиль художественной речи, основанный на активной эксплуатации самостоятельных перифраз... Перифрастический стиль был характерной приметой: 1) сентиментализма: *Грозная царица хлада воссела на ледяной престол свой и дожнула вьюгами на русское царство, то есть зима наступила* (вынужден пояснить Н. М. Карамзин)...; 2) романтизма: *Все прочие офицеры разошлись по каютам, но сын Эскулапа [военврач Стеллинский], по достохвальной привычке, остался для химического разложения вновь привезенного портвейна* (А. Бестужев-Марлинский); 3) плетения словес... <...> Использование перифрастического стиля вступает в противоречие с требованием ясности речи...; последнее обстоятельство отражено в следующей известной оценке романтизма, которую вполне можно отнести и к сентиментализму: *Так он писал темно и вяло (Что романтизмом мы зовем)* (А. С. Пушкин). Приведем оценку В. В. Виноградова: «Русско-французская фразеология в стилях XVIII века имела своеобразные особенности. Она носила отпечаток того манерного, перифрастического, богатого метафорами, риторически изукрашенного языка, который был так характерен для французского общества и французской поэзии той эпохи. Так был создан искусственный, жеманно-изысканный стиль выражения, далекий от простоты бытовых предметных обозначений. Вместо “солнце” говорили *светило дня, дневное светило*; вместо “глаза” — *зеркала, зеркала души*. Сапожник именовался *смирный ремесленник*, саблю заменяла *губительная сталь* и т. п.» [Виноградов 1982: 181–182]» [Москвин 2007: 553–554].

Творчество Ф. А. Эмина, который «был первым нашим романистом» [Семенников 1915: 138] и активно включился в литературную полемику, вызвало отклики уже у современников, включая младших (нейтрально-справочный у Н. И. Новикова, скорее благожелательный — у Н. М. Карамзина, резко отрицательный — у А. Т. Болотова). Изучением романа «Письма Эрнеста и Доравры» более или менее подробно занимались В. В. Сиповский, Г. А. Гуковский, Г. Н. Моисеева, А. В. Западов, И. З. Сержан, М. Феррацци, М. Г. Фраанье и другие исследователи. Одним из главных обсуждавшихся в связи с этим произведением Эмина вопросов является степень оригинальности романа по сравнению с его французским источником — знаменитой «Юлией, или Новой Элоизой» Ж.-Ж. Руссо, прямые переводы которой на русский язык вышли позже «Писем Эрнеста и Доравры».

С точки зрения стилистики художественной литературы и — шире — стиля произведения и авторского стиля большое значение имеют те особенности слога, которые позволяют писателю найти свой язык для выражения любовных переживаний. Это было одной из приоритетных задач русской литературы XVIII в., и прежде всего прозы. Если в поэзии значительное распространение получила анакреонтика¹ и песни соответствующей тематики, то опыт прозы был в середине XVIII в. существенно скромнее. В знаменитой «Езде в остров любви» В. К. Третьяковского (1730), переводе романа Поля Тальмана, основным стилистическим приемом раскрытия любовной тематики является абстрактная схема-олицетворение. (О схематическом олицетворении как типе связи образа и идеи писал А. Ф. Лосев в своей книге «Проблема символа и реалистическое искусство» [Лосев 1976: 139–142].) «Езда...» изобилует такими художественными схемами: Жалость, Искренность, Почтение, Предосторожность и мн. др. Схемы-олицетворения могли восприниматься современниками не столь отвлеченно и сухо, как воспринимаются подчас читателем нашего времени, так как этот прием тесно связан с эмблематическим языком эпохи XVIII в. [Символы... 1705], т. е. по умолчанию мог предполагать и предполагал наличие «картинки», зрительного образа, раскрывающего более детально афоризм, устойчивое выражение или понятие, какую-либо распространенную и поучительную, кратко очерченную ситуацию. Важным вкладом в становление русского романа и в формирование прозаического языка выражения любовного чувства стал перевод романа Дж. Баркли, выполненный В. К. Третьяковским (1751). В его центре — образ сицилийской царевны Аргениды и ее взаимной любви к полководцу Полиарху. Преобладающие формы описания любовного чувства в этом произведении — метонимические (через детали внешнего облика, жестов и т. д.). Например: «Но злая Архомброта и Аргениду тайныя попечения, нежели кои явно казались, сокрушали. Она, только что любя одне Полиарховы добродетели, все свое тело *бледностию изнуряла*, а душевных уже сил в *уединенных слезах* лишилась...» (выделено нами. — С. В.) [Аргенида 1751: 471].

В прозе М. М. Хераскова одним из ключевых приемов раскрытия любовной тематики и одновременно способом формирования содержания произведения стал женский портрет. Портрет имеет неповторимые черты, в частности композиционные особенности, содержит своеобразный художественный вывод, выражающийся в краткой (иногда в одно или два

¹ Анакреонтика — направление в русской лирике XVIII — начала XIX в., предполагающее воплощение любовной тематики с опорой на стилизацию произведений древнегреческого поэта конца VI — начала V в. до нашей эры Анакреонта (Анакреона) и его подражателей.

слова), емкой характеристике и внешности женщины, и ее внутреннего мира, и ее нравственной жизни: *стыдливость, веселость, томное уныние* и др. [Васильев 2015].

Вместе с тем, как замечено, уже в 1750–60-е гг. зарубежные романы различных жанров в России активно переводятся, их количество становится значительным, на что (количество в ущерб содержанию и качеству) в свое время посетовал А. Т. Болотов.

Приведенная выше характеристика В. В. Виноградова «манерного, перифрастического, богатого метафорами, риторически изукрашенного языка», свойственного стилям XVIII века и ассоциирующегося с ранним сентиментализмом, в целом верна для романа «Письма Эрнеста и Доравры», отнюдь не являющегося переводом или «калькой» романа Руссо. Вместе с тем перифраза, перифрастический стиль и перифразирование имеют в этом произведении свои особенности.

На роль перифрастических повторов в романе Эмина уже обращалось внимание. А. В. Западов процитировал наиболее характерные из них: «“Прекрасная Доравра, естество пречистое”, “приятностей собор”, “бытие совершенное”, — восклицает Эрнест...» [Западов 1947: 262]. Т. Е. Автухович, указывая на риторическую традицию как один из источников романистики Ф. А. Эмина, отмечает: «Мир риторической культуры — это мир перифразы, которая... создает вокруг вещи миф, не называя ее, а косвенно описывая. <...> ...Доравра, героиня последнего романа Ф. Эмина, — совокупность перифраз: “всех приятностей собор”, “святилище добродетели”, “храм вежливости” и т. д.» [Автухович 1998: 244].

В теоретическом плане опорным понятием в этой связи может быть термин, выдвинутый Ю. И. Минераловым, который предложил говорить о *конфигурации индивидуального стиля*. «Всякий индивидуальный стиль имеет свой особый внешний облик. И именно этот облик, конфигурация стиля, опознается читателем, когда читатель сталкивается с портретированием стиля одного художника в произведениях другого. В самом деле передача присущего индивидуальному стилю “лица необщего выражения”, портретирование вовсе не требует непременно цитат или полуцитат из реальных текстов художника, то есть реминисценций. Обрисовывается именно конфигурация стиля, <...> стиль как принцип <...>» [Минералов 1999: 233–234] (здесь и далее выделено автором. — С. В.). В другом месте ученый поясняет: «...различные участки стилового пространства могут быть неоднородны, и мы... вводим в этой связи понятие *кривизны* (и, соответственно, *искривления*) стилового пространства, а также категории “свертывания” и “развертывания” конкретных элементов индивидуального стиля при переменах кривизны пространства последнего (что согласуется с динамическим пониманием стиля)» [Минералов 1999: 291].

Ю. И. Минералов упоминает также характерную для стилевых процессов «семантическую “воронку”» [Минералов 1999: 296]: «“Воронкообразное” смысловое развитие приводит к тому, что в конце концов содержание фрагмента как бы концентрируется в одной точке. <...> Художественный универсум (...в нашем случае — индивидуальный стиль) может быть рассмотрен (символически) и как “точка” (единое, единичное), и как “шар”. <...> И внутри данного конкретного индивидуального стиля кривизна продолжает изменяться в соответствии с задачами художника, так что высказывание может быть сжато в точку (лексему...), а точка может расширяться в сцену (то есть в словесное высказывание)» [Минералов 1999: 297, 298].

Обратимся непосредственно к тексту романа «Письма Эрнеста и Доравры». Больше всего перифраз встречается в главах, посвященных любовной тематике. Там, где герои рассуждают об обществе и его проблемах, о вопросах нравственных и философских, этот прием используется гораздо реже.

Наибольшая концентрация перифраз наблюдается в пятом письме Эрнеста к Доравре, одном из немногих мест романа, который предлагается для знакомства студентам (произведение, в соответствии с хрестоматией В. А. Западова, изучается в вузах на примере нескольких писем [Русская литература... 1979: 333–346]). Писатель пользуется не столько перифразой, сколько перифразированием. Главный объект перифразирования — сама Доравра, ее имя, которое находит многочисленные соответствия в разного рода описательных выражениях: «сию всеми добродетелями наполненную особу» [Эмин 1766: 18], «святилище добродетели, храм вежливости, любезная Доравра» [Там же: 19]; «прекрасная Доравра, естество пречистое»; «обладательница моей природы», «беспримерная красота, пример вежливости и добродетели», «небесная красота» [Там же: 20]; душа души («с душею души моей разлука» [Там же: 21]).

Перифраза как бы вырастает из восторженного эпитета: *любезная Доравра*, *прекрасная Доравра*. «Ядерные» части перифраз нередко прямо соотносятся с эпитетами такого рода: *небесная красота*, *беспримерная красота*, а «ключевые» части перифраз содержат их дальнейшее развитие и усиление: *небесная*, *беспримерная*. Имя Доравры, к которому обращены эпитеты и которое заменяют последующие перифразы, и сам процесс перифразирования становятся той стилевой «воронкой», которая концентрирует содержание письма и в значительной степени произведения в целом.

Имя героини и его перифразы становятся конструктивной основой синтаксического периода: «Смертию я бы загладил мою дерзость, если

бы любил другую, а не *Доравру*. Но кто полюбит *сию всеми святыми добродетелями особу*, того сердце подлым сделаться никогда не может; ибо слабому то свойственно духу, чтоб отчаянием прекращать свое мучение; но сердце, отважившееся обожать *Доравру*, должно иметь в себе больше крепости и постоянства» [Эмин 1766: 18–19].

Близка к перифразе стертая метафора, которая характеризует единственное на тот момент полученное Эрнестом письмо Доравры, которое «будет... *книгою всех уставов*. В оной будет написана... судьба. В оной начертано прошедшее, настоящее и будущее... злополучие, и с нею... войду во врата вечности» [Эмин 1766: 19]. Схематически осуществленный автором образ можно считать цепочкой следующих приемов: метонимия (Доравра — ее письмо) — метафора-перифраза (письмо — книга всех уставов) — анафора-перифраза («В оной... В оной... с нею...»).

Итак, для романа Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры», действительно, в значительной степени характерен отмеченный В. В. Виноградовым русско-французский манерный, перифрастический, искусственный стиль, свойственный сентиментализму, но, конечно, не исчерпывающий его. Однако стиль романа вместе с тем имеет свою конфигурацию, связанную с его жанровыми особенностями (эпистолярный роман, реализующий любовную тематику) и индивидуально-авторским началом. Перифразы не просто встречаются в произведении, они резко концентрируются в письмах, рассказывающих о любовных переживаниях героев в наиболее острые моменты развития сюжета, причем стилевой «воронкой», смысловым центром письма становится имя героини — Доравра (письмо 5-е). По сути, письмо строится на основе перифразирования, которое формирует перифрастический стиль как одну из составляющих стилевой палитры Ф. А. Эмина. Его содержание обогащается за счет все новых и новых перифрастических именовании возлюбленной. Имя героини и его перифразы становятся основой синтаксического периода, структурообразующим элементом всего письма. Наряду с ключевой образно-речевой темой (именования Доравры — «воронки стиля») в письме проходят темы второстепенные, метонимически связанные с основной — письмо, полученное от Доравры, и его метафорическое и перифрастические именовании.

Источники

Аргенида, повесть героическая, сочиненная Иоанном Барклаием, а с латинского на славено-русский переведенная и Митологическими изъяснениями умноженная от Василья Тредиаковского: в 2 т. Т. 1. СПб.: при Императорской Академии наук, 1751. 577 с.

Эмин Ф. А. Письма Эрнеста и Доравры: в 4 ч. Ч. 1. СПб., 1766. 197 с.
Русская литература XVIII века, 1700–1770: Хрестоматия / Сост. В. А. Западов. М.: Просвещение, 1979. 449 с.

Литература

- Автухович Т. Е. Риторика и русский роман XVIII века // *Litteraria humanitas*. VI / отв. ред. Д. Кшицова, И. Поспишил. Brno: Masarykova univ., 1998. С. 236–249.
- Васильев С. А. Женский портрет в прозе М. М. Хераскова // *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. Т. 157. 2015. Кн. 2. С. 69–78.
- Западов А. В. Эмин // *История русской литературы: в 10 т. Т. IV. Ч. 2*. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 256–264.
- Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 368 с.
- Минералов Ю. И. Теория художественной словесности. М.: Владос, 1999. 359 с.
- Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.
- Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы для словаря писателей эпохи Екатерины II: На основании документов архива Конференции Императорской Академии наук. Пг.: Типография Сириус, 1915. 162 с.
- Символы и эмблемата. Амстердам: типография Генриха Ветстейна, 1705. 306 с.
- Федосеева Т. В. Введение в литературоведение. Учебное пособие. Рязань: Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, 2011. 212 с.

References

- Avtukhovich T. E. *Ritorika i russkii roman XVIII veka* [The rhetoric and the Russian novel of the XVIII century]. *Litteraria humanitas*, no. 6 / ed. by D. Kshicova, I. Pospishil. Brno, Masarykova Univ. Publ., pp. 236–249. (In Russ.)
- Fedoseeva T. V. *Vvedenie v literaturovedenie. Uchebnoe posobie* [Introduction to literary criticism. Student guide]. Ryazan, Ryazan S. A. Esenin's State Univ. Publ., 2011. 212 p.
- Losev A. F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [Symbol Problem and Realistic Art]. Moscow, Art Publ., 1976. 368 p.
- Mineralov Yu. I. *Teoriya khudozhestvennoi slovesnosti* [Theory of art literature]. Moscow, Vlados Publ., 1999. 359 p.
- Moskvin V. P. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoi russkoi rechi. Tropy i figury. Terminologicheskii slovar'* [Expressive means of Modern Russian language. Trails and figures. Terminological dictionary]. Izd. 3-e, ispr. I dop. Rostov na Donu, Feniks Publ., 2007. 940 p.

С. А. Васильев. Перифраза и перифразирование в стиле романа Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры»

S. A. Vasilev. Paraphrase and Paraphrasing in the Style of the F. A. Emin's Novel "Letters of Ernest and Doravra"

Semennikov V. P. *Materialy dlya istorii russkoi literatury dlya slovarya pisatelei epokhi Ekateriny II: Na osnovanii dokumentov arkhiva Konferentsii Imperatorskoi Akademii nauk* [Materials for the history of Russian literature for the dictionary of writers of the epoch of Catherine II: Based on documents from the archives of the Conference of the Imperial Academy of Sciences]. Sankt-Petersburg, Sirius Typography, 1915. 162 p.

Simvoly i emblemata [Symbols and emblems]. Amsterdam, Henric Wetsten Typography, 1705. 306 p.

Vasil'ev S. A. [Female portrait in the prose of M. M. Kheraskov]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, no. 157. Kazan, Kazan Univ. Publ., 2015, book 2, pp. 69–78. (In Russ.)

Zapadov A. V. Emin // *Istoriya russkoi literatury v 10 t.* [History of Russian literature in 10 vol.]. № IV, part 2. Moscow–Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1947, pp. 256–264. (In Russ.)

О вакхической лексике в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»

Ольга Альбертовна Димитриева, Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева (Россия, Чебоксары), olgaal_79@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170008295-3

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается лексика, характеризующая ситуацию, связанную с употреблением спиртного, или вакхическая лексика, в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Анализируются языковые средства, используемые автором для характеристики состояния опьянения, их особенности в романе; отмечается особая роль имени прилагательного при осмыслении ситуации *винопития*, сочетаемостные особенности с темпоральными и количественными наречиями, а также с наречиями со значением качественной характеристики признака. Обращается внимание на некоторые возможности вакхических слов в пространственной организации мира героев, в частности анализируются различия между *за пивом* и *перед посудинкой*. Описывается связь героев-двойников через вакхическую лексику (на примере Раскольников и Свидригайлова). Автор приходит к выводу о неслучайности первоначального замысла названия романа «Пьяненькие», особом наполнении данной лексемы. Вакхическая лексика используется Достоевским для выражения сильного эмоционального потрясения, физическое воплощение которого отождествляется с алкогольным опьянением. Так, Раскольников часто принимают за пьяного: в сцене после совершения убийства и во время покаяния на площади его внешний вид отождествляется с состоянием избыточного алкогольного опьянения, выражаемого интенсивными глаголами со

словообразовательным формантом *на-...-ся*. Вакхическая лексика выполняет символическую роль.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Достоевский, семантика, вакхическая лексика, художественный текст, индивидуально-авторская картина мира

для цитирования: Дмитриева О. А. О вакхической лексике в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Русская речь. 2020. № 1. С. 56–67. DOI: 10.31857/S013161170008295-3.

The Language of Fiction

On Bacchic Vocabulary in F. M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment"

Olga A. Dimitrieva, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University (Russia, Cheboksary),
olgaal_79@mail.ru

ABSTRACT: The article deals with the vocabulary characterizing the situation associated with the use of alcohol, or Bacchic vocabulary, in F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". We've considered the language used by the author to characterize the state of intoxication and its peculiarities in his novel. The research suggests that the adjectives in the novel play a special part in helping us understand atmosphere of wine drinking. The word combinations of adjectives and temporal and quantitative adverbs, as well as adverbs with the qualitative characteristic of the attribute, are also of interest.

The article draws attention to the fact that some Bacchic words have a peculiar connection to the spatial world of the novel. In particular, we analyze the differences between two expressions *za pivom* (*while drinking beer*) and *pered posudinkoi* (literally *in front of the bottle*). The paper proposes that through the use of Bacchic vocabulary F. M. Dostoyevsky established a connection between lookalike heroes (e. g. Raskolnikov and Svidrigailov). It is

concluded that the original intent to name the novel “The Drunken” was deliberate and this lexeme bore a special meaning. The Bacchic vocabulary is used by Dostoevsky to express a strong emotional shock, the physical embodiment of which is associated with alcohol intoxication. For example, Raskolnikov is often mistaken for a drunken: in the scene after the murder and during repentance in the square, his appearance is associated with the state of excessive alcoholic intoxication, expressed by intense verbs with a word formant *na- ... -sya*. In conclusion, it is to say that Bacchic vocabulary has a symbolic role in the novel.

KEYWORDS: Dostoevsky, semantics, Bacchic vocabulary, literary text, individual author’s worldview

FOR CITATION: Dimitrieva O. A. On Bacchic Vocabulary in F. M. Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment”. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2020. No. 1. Pp. 56–67. DOI: 10.31857/S013161170008295-3.

Вводные замечания

Замысел романа «Преступление и наказание» «претерпел сложную эволюцию», — пишет Г. М. Фридлиндер [Фридлиндер 1964: 137]. В нем соединились две идеи. Первая — роман «Пьяненькие», о котором Ф. М. Достоевский сообщает в своем письме А. А. Краевскому от 8 июня 1865 г.: «Роман мой называется «Пьяненькие» и будет в связи с теперешним вопросом о пьянстве. Разбирается не только вопрос, но представляются и все его разветвления, преимущественно картины семейств, воспитание детей в этой обстановке и проч. и проч.» [Достоевский 1985: 127]. Вторая — повесть, содержащая «психологический отчет одного преступления», о ее замысле автор сообщает осенью того же года М. Н. Каткову [Достоевский 1985: 136] (подробнее см. [Фридлиндер 1964]). Таким образом, ранее задуманные роман и повесть превращаются в один большой «полифонический», по М. М. Бахтину, роман.

Почему именно для этого романа лексемы *пьяный/пьяненький* становятся значимыми? «С первых же страниц, — пишет С. Б. Пухачев, — бросается в глаза обилие пьяных» [Пухачев 2006: 47]. А. М. Павлов, М. А. Лагода соотносят пролитие крови, убийство в романе «с мотивом *пьянства*, имеющим отношение к полюсу “безобразия”, развоплощенности» [Павлов, Лагода 2006: 87].

Возьмем, к примеру, «пятикнижие» Достоевского и приведем некоторые статистические выкладки о соотношении частотности употребления слов *пьяный/пьяненький* (по данным Национального корпуса русского

языка). «Преступление и наказание» (1866): количество слов в романе — 171 209, лексема *пьяный* используется автором 84 раза, *пьяненький* — 5; «Идиот» (1868–1869): 207 587 слов, *пьяный* — 39 вхождений, *пьяненький* — 0; «Бесы» (1871–1872): 208 482 слова, *пьяный* — 56 вхождений, *пьяненький* — 0; «Подросток» (1875): 189 205 слов, *пьяный* — 10 вхождений, *пьяненький* — 0; «Братья Карамазовы» (1879–1880): 294 234 слова, *пьяный* — 94 вхождения, *пьяненький* — 4. Самое большое количество в романах «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» (в процентном соотношении к общему объему слов — 0,049 % и 0,031 % соответственно). Данные слова обладают дополнительными, авторскими, оттенками.

«Смысл слова в художественном произведении, — пишет В. В. Виноградов, — никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением. Буквальное значение слова здесь обрастает новыми, иными смыслами...» [Виноградов 1954: 16]. Составители «Словаря языка Достоевского» выделяют слова (идиоглоссы), которые являются «концентрированным выражением специфики языка... и стиля» писателя [Караулов 2001: 426], отражают «мирообразующие и мироформирующие идеи автора» [Там же]. В списке идиоглосс составленного словника мы находим слова *пить, пьющий, пьяненький, пьяница, пьянство, пьяный* [Ружицкий 2015: 424–426], т. е. рассматриваемые слова являются, по выражению Ю. Н. Караулова, «элементами авторского образа мира», «ключевыми словами», «точками концентрации смысла», «своеобразными центрами аттракции» [Караулов 2001: 427–428].

Рассмотрим прежде всего языковые средства, используемые автором для характеристики состояния опьянения, их особенности в романе; далее опишем некоторые возможности вакхических слов в пространственной организации героев и связь героев-двойников через вакхическую лексику.

Описание состояния

Описание состояния героя выражается различными языковыми средствами, но наиболее частотным в романе является ряд прилагательного. Это, во-первых, прилагательное *пьяный* (в полной и краткой формах) и его субстантивированный вариант, диминутив *пьяненький* (его фонетический вариант *пьяненькой(-с)*), с префиксоидом *полу-* (*полупьяный*), в составе сложных слов *мертво-пьяный, пьяный-препьяный*, плеоназмы *пьян не пьян, напиться пьяным*; а также однокоренные наречия со значением причины *спяну*, степени *допьяна*; во-вторых, прилагательное *хмельной* (в полной и краткой формах) и однокоренное причастие *захмелевший*; в-третьих, прилагательное *нетверезый* и его краткий вариант *нетверез*;

в-четвертых, бывшее причастие *пьющий* употребляется как в форме прилагательного, так и существительного.

Степень опьянения, качественные характеристики и привычки выражаются через сочетаемость с наречиями:

1) с темпоральной семантикой: *Потом от вас мигом к себе, — там у меня гости, все пьяные, — беру Зосимова — это доктор, который его лечит, он теперь у меня сидит, не пьян; этот не пьян, этот **никогда не пьян!*** (Разумихин о враче Зосимове, с. 122)¹; *Опять пыль, кирпич и известка, опять вонь из лавочек и распивочных, опять **поминутно пьяные**, чухонцы-разносчики и полуразвалившиеся извозчики* (с. 59); *Девочка говорила не умолкая; кое-как можно было угадать из всех этих рассказов, что это **не любимый ребенок**, которого мать, какая-нибудь **вечно пьяная кухарка**, вероятно из здешней же гостиницы, заколотила и запугала* (с. 307). Следует отметить, что Раскольников определяет время по пьяным голосам под своими окнами: *До него [Раскольников] доносились страшные, отчаянные вопли с улицы, которые, впрочем, он **каждую ночь выслушивал под своим окном в третьем часу**. Они-то и разбудили его теперь. «А! **вот уже и из распивочных пьяные выходят**, — подумал он, — третий час, — и вдруг вскочил, точно его сорвал кто с дивана. — Как! **Третий уже час!**»* (с. 56);

2) указывающие на степень проявления признака, который выражает два количественных полюса (много/мало): *совсем, очень, очень много, немного, капельку;*

3) со значением качественной характеристики признака: *грязно пьян* (говорит о себе Разумихин); — *Ах стыд-то какой теперь завелся на свете, Господи! Этакая немудреная, и уж **пьяная!*** (городовой о молодой девушке, с. 32).

В романе возникает ощущение постоянного, непрерывного движения пьяных: *...совсем **пьяная**, сейчас **шла** по бульвару...* (с. 31); *...кругом кабака **шлялись** всегда такие **пьяные и страшные рожи**...* (с. 35); *...из кабака **выходят** с криками, с песнями, с балалайками **пьяные-препьяные большие такие мужики**...* (с. 36); *...а они **пришоль пьян**...* (с. 62); *Он [Мармеладов] теперь, верно, **пьяный**, домой **пробирался*** (с. 107) и т. п.

Глагольный ряд представлен глаголом *пить* и его дериватами *выпить* (в однократном, результативном (статальном) значениях), *запить* (в начинательном значении), *напиться* (и другими сатуративными глаголами *нахлестаться*, *нарезаться*), интенсивным глаголом *допить*, многократным глаголом *пивать*; *пропить*, а также *охмелеть*, *пьянствовать* и в значении одноактного действия, обозначенного глаголами *вливать в себя*; *стукнуть (водки)*. В пределах одного высказывания глаголы *пить* (*про-*

¹ Здесь и далее примеры приводятся по изданию [Достоевский 1993].

пить) употребляются трижды для выделения и нагнетания смысла, например, в речи Мармеладова: — *Такова уж черта моя! Знаете ли, знаете ли вы, государь мой, что я даже чулки ее пропил? Не башмаки-с, ибо это хотя сколько-нибудь походило бы на порядок вещей, а чулки, чулки ее пропил-с! Косыночку ее из козьего пуха тоже пропил, дареную, прежнюю, ее собственную, не мою; а живем мы в холодном угле, и она в эту зиму простудилась и кашлять пошла уже кровью <...> Разве я не чувствую? И чем более пью, тем более и чувствую. Для того и пью, что в питии сем сострадания и чувства ищущу... Пью, ибо сугубо страдать хочу! — И он, как бы в отчаянии, склонил на стол голову (с. 13). В речи Мармеладова *пить* соотносится с *чувствовать* (*страдать*), со скорбью и обреченностью.*

Субстантивный ряд выражается словосочетаниями *под влиянием Бахуса, во хмелю* (*хмель сидит*). Адвербиальный ряд репрезентирован наречиями *навеселе, выпивши*.

Об участии вакхических слов в пространственной организации персонажей

Приведем два примера из романа, которые описывают одну сцену из первого посещения Раскольниковым распивочной: (1) *В распивочной на ту пору оставалось мало народу. <...> Остались: один хмельной, но немного, сидевший за пивом, с виду мещанин; товарищ его, толстый, огромный, в сибирке и с седою бородой, очень захмелевший, задремавший на лавке и изредка, вдруг, как бы спросонья, начинавший прищелкивать пальцами, расставив руки врозь, и подпрыгивать верхнюю часть корпуса, не вставая с лавки, причем подпевал какую-то ерунду, силясь припомнить стихи...* (с. 9);

(2) *Был тут и еще один человек, с виду похожий как бы на отставного чиновника. Он сидел особо, перед своею посудинкой, изредка отпивая и поглядывая кругом. Он был тоже как будто в некотором волнении* (с. 10).

Для анализа этих двух отрывков прежде всего введем понятие, разработанное Ю. Д. Апресяном, «фасадное/нефасадное существительное» и приведем словарное толкование выделенных предлогов. Два пространственных предлога с антонимической семантикой *перед — за* описывают прежде всего расположение предмета, для которого актуальным является нетривиальный семантический признак фасадности/нефасадности, т. е. фасадные существительные «обладают собственной неизменной анатомией, не зависящей от ситуации восприятия, перемещения наблюдателя и т. п.» [Апресян 2009: 115–116], по нефасадным существительным невозможно определить нахождение верха/низа, правой стороны / левой и т. д., их расположение указывается с точки зрения наблюдателя (подробнее см. [Апресян 2009]).

Пространственным предлогам свойственно также упорядочивать событийную лексику. В «Словаре русского языка» отмечается, что предлог *перед* может указывать «на предмет, лицо и т. д., к которому непосредственно обращено внимание какого-л. лица или по отношению к которому совершается действие этого лица. *Вертеться перед зеркалом. Молиться перед иконой*» [Евгеньева (ред.) 1999 3: 57–58]; а предлог *за* в сочетании с творительным падежом существительного «употребляется при обозначении предмета, около которого в непосредственной близости находится, размещается кто-л. для какого-л. действия, занятия (с глаголами состояния: *сидеть, стоять, находиться* и т. п.). *Сидеть за столом* <...>// при обозначении орудия или средства действия, занятия, а также при обозначении занятия, дела, которым кто-л. занят» [Евгеньева (ред.) 1999 1: 490–491].

Вернемся к приведенным отрывкам. В примере 1 описываются два человека, находящиеся в состоянии разной степени опьянения, что обозначается посредством слов с противоположной семантикой: состояние первого описывается с помощью качественного прилагательного в сочетании с наречием меры и степени *хмельной, но немного*, для характеристики второго используется однокоренной с прилагательным глагол со значением изменения состояния (*хмелеть — захмелеть*) в форме причастия, также в сочетании с наречием — *очень захмелевший*. Акцентируется внимание на их месторасположении: первый — *сидел* (туловище расположено вертикально, бодрствовал), второй — *задремавший на лавке* (сидя, опершись на стол руками, спал). Далее указывается их деятельность: *за пивом* — обозначается объект — наименование напитка — и так определен способ времяпровождения, которым он занят, второй — *изредка, вдруг, как бы спросонья, начинавший прищелкивать пальцами; подпевал*. Неоднозначность, асимметрия двух образов наблюдается и в описании внешности: первый персонаж по социальному статусу определен как мещанин, по выражению *его товарищ* можно предположить, что оба посетителя распивочной мещане; далее для второго дается описание ярких черт внешности: *толстый, огромный, в сибирке и с седою бородой*. Обозначим ряд контекстуально противоположных по семантике слов, характеризующих состояние двух человек: *хмельной — захмелевший, немного — очень, сидеть — задремать, за пивом* (т. е. за столом) — *на лавке*.

В примере 2, с одной стороны, нефасадное существительное *посудинка* в сочетании с предлогом *перед* предполагает включение наблюдателя, роль которого здесь выполняет Раскольников, и, как кажется, определяет лишь пространственные характеристики Мармеладова, его местонахождение. С другой стороны, его расположение определяется относительно вещи, которая становится своеобразным статическим центром притяже-

ния (ср. с иллюстрациями из словаря *вертеться перед зеркалом, молиться перед иконой*, которые предполагают, помимо концентрации внимания на объекте, его неподвижность, статику). Однородный ряд обстоятельств образа действия — *особо, перед своею посудинкой, изредка отпивая и по-сматривая кругом* (ср. с ответом на вопрос *Как провел время? Перед телевизором*) — эксплицирует сосредоточенность героя на посудинке, указывает на его времяпрепровождение и одиночество.

«Вакхический круг» Раскольникова и Свидригайлова

Слова с вакхической семантикой открывают и замыкают путь героя, являются при этом особым местом сфокусированности смысла. Опишем круг Раскольникова: начнем с его встречи с Мармеладовым. В романе слово *пьяненький* употребляется пять раз (по сути это две сцены): в первый раз — в разговоре с Раскольниковым Мармеладов описывает себя, свое бездействие (*лежал*) и свои страдания, когда Лебезятников избивает его жену и в тот момент, когда Соня впервые отправляется по желтому билету: *Когда господин Лебезятников, тому месяц назад, супругу мою собственноручно избил, а я лежал пьяненькой, разве я не страдал?* (с. 15); *А тут ребятишки голодные... <...> Лежал я тогда... ну, да уж что! лежал пьяненькой-с, и слышу, говорит моя Соня (безответная она, и голосок у ней такой кроткий... белокуренькая, личико всегда бледненькое, худенькое), говорит: «Что ж, Катерина Ивановна, неужели же мне на такое дело пойти?»* (там же); *...А я, как и давеча, в том же виде лежал-с... И видел я тогда, молодой человек, видел я, как затем Катерина Ивановна, также ни слова не говоря, подошла к Сонечкиной постельке и весь вечер в ногах у ней на коленках простояла, ноги ей целовала, встать не хотела, а потом так обе и заснули вместе, обнявшись... обе... обе... да-с... а я... лежал пьяненькой-с* (там же). И здесь же Мармеладов произносит слова, выражающие идею Божьего всепрощения: *И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смирных... И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: «Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!»* И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: «Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!» И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: «Господи! почто сих приемлеш?» И скажет: «Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...» (с. 18). И только в конце романа, когда Раскольников идет на площадь просить прощения, вновь возникает образ именно *пьяненького*, в уста которого вложены слова понимания действий Раскольникова и образ которого соотносится с мармеладовской речью: — *Это он в Иерусалим идет,*

*братцы, с детьми, с родиной прощается, всему миру поклоняется, столичный город Санкт-Петербург и его грунт лобызает, — прибавил **какой-то пьяненький из мещан** (с. 317).*

Отметим также внутреннее состояние эмоционального и физического потрясения Раскольникова, его восприятие со стороны и вербализацию с помощью глаголов с конфиксом *на-...-ся* со значением пресыщенности действием и частицы *ишь*, подчеркивающей, выделяющей это состояние: 1) после совершения убийства: *Но все эти мучения до того его обессилили, что он едва двигался. Пот шел из него каплями; шея была вся смочена. «Ишь нарезался!» — крикнул кто-то ему, когда он вышел на канаву. Он плохо теперь помнил себя; чем дальше, тем хуже (с. 54); 2) в сцене покаяния на площади: *И до того уже задавила его безвыходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно последних часов, что он так и ринулся в возможность этого цельного, нового, полного ощущения. Каким-то припадком оно к нему вдруг подступило: загорелось в душе одною искрой и вдруг, как огонь, охватило всего. Все разом в нем размягчилось, и хлынули слезы. Как стоял, так и упал он на землю... Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю, с наслаждением и счастьем. Он встал и поклонился в другой раз. — Ишь нахлестался! — заметил подле него один парень (с. 317). Надо сказать, что это не единственные случаи, когда Раскольникова принимают за пьяного: Он [Раскольников] шел по тротуару, как пьяный, не замечая прохожих и сталкиваясь с ними... (с. 9); Путь же взял он [Раскольников] по направлению к Васильевскому о-ву через В-й проспект, как будто торопясь туда за делом, но, по обыкновению своему, шел не замечая дороги, шепча про себя и даже говоря вслух с собою, чем он очень удивлял прохожих. Многие принимали его за пьяного (с. 27); когда он чуть ли не попадает под колеса, как и Мармеладов, кучер ударяет его кнутом: — Известно, пьяным представится да нарочно и лезет под колеса; а ты за него отвечай (с. 70).**

Путь Свидригайлова (одного из двойников Раскольникова) идет в тесной связи с движением самого Раскольникова, является его отражением. «В каждом из них (то есть двойников), — пишет М. М. Бахтин, — герой умирает (то есть отрицается), чтобы обновиться (то есть очиститься и подняться над самим собою)» [Бахтин 2002: 144].

После совершения преступления, почувствовав, что невозможно выносить моральные муки, Раскольников решает больше не возвращаться домой, уходит на улицу и думает о самоубийстве: *Подле, на мостовой, шлялся, громко ругаясь, пьяный солдат с папироской и, казалось, куда-то хотел войти, но как будто забыл куда. Один оборванец ругался с другим оборванцем, и какой-то мертво-пьяный валялся поперек улицы (с. 96). Свидригайлов, решившись на последний шаг и совершая свой послед-*

ний путь (так же, как и Раскольников *по трактирам и клоакам*), перед самоубийством видит пьяного: *Он [Свидригайлов] уже поравнялся с большим каменным домом. Грязная, издрогшая собачонка, с поджатым хвостом, перебежала ему дорогу. Какой-то мертво-пьяный в шинели, лицом вниз, лежал поперек тротуара* (с. 308). Почти полностью совпадающее описание — использование неопределенного местоимения *какой-то*, субстантивированного прилагательного *мертво-пьяный*, указание на расположение (*валялся/лежал*) с одинаковым предлогом *поперек* — делает возможным соотнести их мысли и чувства, показать своего рода тупик, но с тем чтобы одному возродиться, обновиться, а другому — довести до конца задуманное (*лицом вниз*).

Когда Раскольников идет на площадь просить прощения, по пути он видит приплясывающего пьяного (не мертво-пьяного, как Свидригайлов): *Он вошел на Сенную. <...> В толпе безобразничал один пьяный: ему все хотелось плясать, но он все валился на сторону. Его обступили. Раскольников протиснулся сквозь толпу, несколько минут смотрел на пьяного и вдруг коротко и отрывисто захохотал* (с. 316).

Во время ночного неожиданного визита Свидригайлова к родителям его молодой невесты, они подумали, что он пьян — используется такой же глагол, как и при характеристике Раскольникова, — *нахлестаться*: *Насилу достучался [Свидригайлов] и вначале произвел было большое смятение; но Аркадий Иванович, когда хотел, был человек с весьма обворожительными манерами, так что первоначальная (хотя, впрочем, весьма остроумная) догадка благоразумных родителей невесты, что Аркадий Иванович, вероятно, до того уже где-нибудь нахлестался пьян, что уж и себя не помнит, — тотчас же пала сама собою* (с. 303). И в самой сцене самоубийства Свидригайлова он снова соотносится с классом пьяных, обладающих определенным стереотипом поведения: *Оба они, Свидригайлов и Ахиллес, несколько времени, молча, рассматривали один другого. Ахиллесу наконец показалось непорядком, что человек не пьян, а стоит перед ним в трех шагах, глядит в упор и ничего не говорит* (с. 308).

Выводы

Итак, какова роль вакхической лексики в организации романа «Преступление и наказание» помимо ее собственного номинативно-предметного значения?

Во-первых, автор, безусловно, показывает обезображенный вид пьяного и его поступков, вонь и грязь обстановки распивочных, кабаков и других «съестно-выпивательных» заведений, но в то же время ставит вопрос о соотношении с верой и идеей всепрощения. Вопрос о высоком,

нравственном, духовном решается при описании низкого, безнравственного и аморального.

Во-вторых, вакхическая лексика используется для выражения сильного эмоционального потрясения, физическое воплощение которого отождествляется с алкогольным опьянением.

В-третьих, вакхическая лексика выполняет символическую роль. Так, за словом *пьяненькие* стоит не просто диминутив, а класс людей (т. н. *маленькие люди*), потерявших надежду, те, которым *некуда больше пойти* и которые не в силах что-либо изменить. *Мертво-пьяный поперек пути* для Свидригайлова и Раскольникова связывает их и показывает тупиковость того пути, который выбран.

Литература

- Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
- Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. 505 с.
- Виноградов В. В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 3–26.
- Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 28, кн. 2. Письма, 1860–1868 / текст подгот. и примеч. сост. А. И. Батюто и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. 616 с.
- Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М.: Славянка, 1993. 335 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
- Караулов Ю. Н. Понятие идиоглоссы и словарь языка Достоевского // Слово Достоевского. 2000. Сб. ст. / Под ред. Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга. М.: Азбуковник, 2001. С. 424–444.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 31.07.2019).
- Павлов А. М., Лагода М. А. Образы еды и питья в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Критика и семиотика. 2006. Вып. 9. С. 78–91.
- Пухачев С. Б. Кинеситические наблюдения над романом Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Новгородского государственного университета. 2006. № 36. С. 46–49.
- Ружицкий И. В. Языковая личность Ф. М. Достоевского: лексикографическое представление: дис. докт. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2015. 647 с.
- Фридлиндер Г. М. Реализм Достоевского. М.–Л.: Наука, 1964. 404 с.

References

- Apresyan Yu. D. *Issledovaniya po semantike i leksikografii T. I: Paradigmatika* [Research on semantics and lexicography. Vol. I: Paradigmatics]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2009. 568 p.
- Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii v 7 t. T. 6. Problemy poetiki Dostoevskogo* [Collected works in 7 vols. Vol. 6. Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Russkie Slovarei, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2002. 505 p.
- Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works in 30 vols.]. Vol. 28, Book 2. *Pis'ma, 1860–1868* [Letters, 1860–1868]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 616 p.
- Dostoevsky F. M. *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Moscow, Slavyanka Publ., 1993. 335 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols. RAS, Institute of Linguistics Research]. Moscow, Russkii Yazyk Publ.; Poligrafresursy Publ., 1999.
- Fridlender G. M. *Realizm Dostoevskogo* [Realism of Dostoevsky]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1964. 404 p.
- Karaulov Yu. N. [The concept of idioglossa and dictionary of Dostoevsky's language]. *Slovo Dostoevskogo. 2000* [Word of Dostoevsky. 2000]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2001, pp. 424–444. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 31.07.2019).
- Pavlov A. M., Lagoda M. A. [Images of food and drink in Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics]. 2006, no. 9, pp. 78–91. (In Russ.)
- Pukhachev S. B. [Kinesic observations on F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, no. 36, pp. 46–49. (In Russ.)
- Ruzhitskii I. V. *Yazykovaya lichnost' F. M. Dostoevskogo: leksikograficheskoe predstavlenie*. Dis. dokt. filol. nauk [Language personality of F. M. Dostoevsky: lexicographical representation: Dr. philological sci. diss.]. Moscow, 2015, 647 p.
- Vinogradov V. V. [The language of artwork]. *Voprosy Yazykoznaniya*, 1954, no. 5, pp. 3–26. (In Russ.)

**«И нежно льются перезвоны
ив, преклоненных у воды».**

**Употребление названий растений
в качестве предметов и образов
сравнения компаративных
тропов в идиостиле
М. П. Герасимова**

Марина Геннадьевна Соколова, Тольяттинский государственный университет
(Россия, Тольятти), msok71@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170008298-6

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются особенности функционирования наименований растений в качестве предметов и образов сравнения компаративных тропов в идиостиле М. П. Герасимова. Установлено, что в первом случае (наименования растений употребляются как предмет сравнения) отличительной особенностью идиостиля данного поэта является выбор религиозной лексики в качестве образов сравнения, а во втором случае (наименования растений используются как образ сравнения) — выбор индустриальных, технических реалий в качестве предметов сравнения.

Выявлено, что использование религиозной лексики в качестве источников поэтической образности носит в произведениях М. П. Герасимова универсальный характер, поскольку распространяется не только на изображение деревьев, но и других предметов речи: цветов, трав, птиц, заводских реалий. Определены центральные, традиционные

для русской поэзии образные ассоциации в поэтических текстах автора, вокруг которых объединяются остальные тропы, — «осенняя природа — смерть», «весенняя природа — обновление», «завод — весенний лес».

Охарактеризованы традиционные образные сравнения, многие из которых являются средством стилистически высокого изображения растительных реалий: «дерево — воин», «дерево — украшение», «дерево — архитектурное сооружение», «дерево — пламя».

ключевые слова: М. П. Герасимов, наименования растений, религиозная лексика, поэтический образ, тропы

для цитирования: Соколова М. Г. «И нежно льются перезвоны ив, преклоненных у воды». Употребление названий растений в качестве предметов и образов сравнения компаративных тропов в идиостиле М. П. Герасимова // Русская речь. 2020. № 1. С. 68–77. DOI: 10.31857/S013161170008298-6.

The Language of Fiction

“I Nezhno L'yutsya Perezvony Iv, Preklonennykh u Vody”. The Use of Plant Names as Objects and Images of Comparative Tropes in the Poetry of M. P. Gerasimov

Marina G. Sokolova, Togliatti State University (Russia, Togliatti), msok71@mail.ru

ABSTRACT: The article deals with the peculiarities of using plant names as objects and images of comparative tropes in the poetry of M. P. Gerasimov. It was discovered that in the first case, where plant names are used as objects

of comparison, the distinctive feature of the poet's idiosyncrasy is the choice of religious vocabulary as means of comparison. In the second case, where plant names are used as a comparison image, the poet opts for industrial and technical realia.

It is revealed that the use of religious vocabulary as a source of poetic imagery is universal in the works of M. P. Gerasimov, as it concerns not only depicting the trees, but also other objects, such as flowers, herbs, birds or factory realia. The article determines the main associative images traditional for Russian poetry in the poetic texts of the author. They form and affect other poetic associations: "autumn nature — death", "spring nature — renewal", "factory — spring forest". The paper characterizes traditional figurative comparisons like "tree — warrior", "tree — decoration", "tree — architectural structure", "tree — flame", many of which describe plant realia.

KEYWORDS: M. P. Gerasimov, plant names, religious vocabulary, poetic image, tropes

FOR CITATION: Sokolova M. G. "I Nezhno L'yutsya Perezvony Iv, Preklonennykh u Vody". The Use of Plant Names as Objects and Images of Comparative Tropes in the Poetry of M. P. Gerasimov. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 1. Pp. 68–77. DOI: 10.31857/S013161170008298-6.

Актуальной задачей лингвопоэтики является изучение различных процессов, связанных с функционированием тропов в художественном произведении. Для русской поэзии XX в. характерны два противоположных направления развития образности. С одной стороны, наблюдается стилистическое снижение традиционно высоких предметов речи, что проявляется в расширении круга бытовых ассоциаций, например: *луна — сыр, звезда — плевочки, солнце — кухарка* и др. С другой стороны, отмечается изображение бытовых предметов и ситуаций как стилистически высоких, что выражается в употреблении поэтизмов в качестве источников образов [Кожевникова 2009]. Так, *пот* может сравниваться с *бисером, муха со звездой, крендель со светилом* и др.

В результате действия двух тенденций происходит существенное изменение и переосмысление традиционной поэтической образности [Кожевникова 2009]. В одних случаях причинами этих изменений являются общие закономерности «художественного сознания эпохи» [Аверинцев

1994: 3], в других действуют экстралингвистические особенности отображаемой ситуации либо выражается индивидуальное мировоззрение автора.

Цель предлагаемой статьи — выявить особенности функционирования наименований растений в качестве предметов и образов сравнения компаративных тропов в идиостиле М. П. Герасимова в аспекте оппозиции «стилистически высокое/сниженное». Под образом сравнения понимается опорное слово в составе тропов, выступающее в качестве источника метафорического уподобления, под предметом сравнения — обозначение той реалии, с которой соотносится образ сравнения [Кожевникова, Петрова 2015]. Например, в составе ассоциативного соответствия «*сосны — иконостас*» образом сравнения будет являться компонент *иконостас*, а предметом сравнения — *сосны*.

Будущий стихотворец родился в 1889 г. близ Бугуруслана Самарской губернии в семье железнодорожного рабочего. Его литературная деятельность началась в 1913 г., а в 1918 г. поэт стал председателем Пролеткульта в Самаре. В 1920 г. М. П. Герасимов вошел в литературную группу пролетарских поэтов «Кузница», был в дружеских отношениях с С. Есениным. Немецкий славист В. Казак, ученый XX в., отмечает «частое употребление библейской лексики и обращение к образам природы» в творчестве этого автора [Казак 1996: 99]. Заметим, что тенденция к стилистически возвышенному изображению обыденных реалий проявляется у М. П. Герасимова не от случая к случаю, а постоянно, что и обусловило наше обращение к его лирике. Исследование выполнено на материале Национального корпуса русского языка¹. Общий объем анализируемого материала — 42 поэтических фрагмента, содержащих наименования растений в тропеическом употреблении.

По наблюдениям Н. А. Кожевниковой, тенденция к «депоэтизации традиционно высоких предметов речи» наиболее активно проявляется в русской поэзии 1910–20-х годов [Кожевникова 2009: 568], что связано с установкой на антиэстетизм. В качестве образов сравнения тропов используются стилистически сниженные слова (разговорные и просторечные метафоры), обозначения болезней, отбросов, «физиологических отклонений человека и животного» [Кожевникова 2009].

В рамках общего исследования ассоциативной сочетаемости дендронимов в русской поэзии XIX–XX вв. нами было установлено, что при переносном (тропеическом) изображении деревьев активизируются тропы, включающие опорные слова из семантических полей «Разрушение», «Уничтожение»: «драка», «смерть», «бунт/смута», «война», «убийство/

¹ Все примеры в статье приводятся из этого источника.

казнь», «последствия деструктивных воздействий», «старение/тление», «уродство», «умирание чувств, надежд» [Соколова 2018]. Как показывает поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка, большинство примеров, содержащих тропы с опорными словами соответствующих семантических полей, относится к периоду 1920–50-х гг. На такое восприятие окружающих реалий, в частности деревьев, во многом повлияли происходящие в это время трагические, разрушительные события (вызванная революцией кровопролитная гражданская война, массовый террор и др.).

Однако тенденция к снижению средств словесной образности в поэтическом языке XX в. не является абсолютной. При воплощении поэтических образов растений в творчестве Д. Л. Андреева, О. Э. Мандельштама, И. П. Уткина эпизодически встречаются тропы с опорными словами, относящимися к полю «Религия». Более последовательно к использованию религиозной и растительной лексики как источника тропов обращаются С. А. Есенин, Н. А. Клюев, М. П. Герасимов.

К отличительным особенностям идиостиля М. П. Герасимова можно отнести выбор: 1) религиозной лексики в качестве образов сравнения (при употреблении наименований растений как предметов сравнения); 2) индустриальных, технических реалий в качестве предметов сравнения (наименования растений в этом случае выступают как образы сравнения); 3) традиционных поэтических образов сравнения, создающих повышенную экспрессию пейзажных описаний.

Первостепенное значение при изображении деревьев в поэтических текстах данного поэта имеют образы сравнения, источниками которых являются слова поля «Религия»:

- обозначения предметов культа и действий, совершаемых во время церковной службы (*иконостас, кадило, перезвон колоколов, церковное пение*): «Напоена слезами росными / Душа над мантией аллей, / Сверкает золотыми соснами / Лесной иконостас над ней» («Вот осень голубиной горлинкой...», 1918); «Душистой кровью анемоны / Облили пышные сады, / И нежно льются перезвоны / Ив, преклоненных у воды. / И я склоняюсь на колени / У плащаницы черных роз. / Душа вскрылит в немом моленье / Под тихий пламень звездных слез» («Весна», 1919);
- обозначения церковного облачения (*риза, ряса*): «Одел осенний ясень ризой / Души тоскующий погост» («Я в просеках могильных пиний...», 1918).

В лирике М. П. Герасимова с помощью образов сравнения, относящихся к полю «Религия», могут изображаться не только деревья, но и цветы,

травы, а также остальные элементы сезонного или урбанистического пейзажа. Несмотря на то, что отмеченная особенность выходит за пределы предмета исследования, считаем необходимым раскрыть ее, чтобы продемонстрировать универсальный характер религиозной образности в идиостиле поэта.

Например, в произведении «От кленов золотые тени...» (1918) церковные метафоры одухотворяют всю природу и клен как ее часть: листопад уподобляется пению церковного хора, журавли — звенящим струнам в перстах крестов («От кленов золотые тени / Улыбкой в горенке дрожат, / И хоры листопадных пений / Осенний напоили сад, / И журавлей звенящих струны / В перстах сияющих крестов, / В листве опавшей зелень юных, / Вновь прорастающих цветов»).

В стихотворении «Девий вздох» (1919) заводская домна сравнивается с храмом («Здесь гейзером клокочет домна — / В железо плавится руда, / Она была как храм огромный, / Где пели песенки труда»), дым заводских труб — с ангелом («Кипел завод сталелитейный, / Ревел машин нестройный хор, / А дым, как ангел тиховейный, / Клубил по взгорьям в синий бор»).

Выбор однотипных образов сравнения для различных растений в поэтических текстах М. П. Герасимова, как правило, подчинен центральному тропу, который мотивирует отбор опорных слов остальных тропов. В стихотворении «Осенью» (1919) основная ассоциация «осенняя природа — умирание» обуславливает выбор тропов с опорными словами *рыдать*, *всхлипывать*, *кадить*, *плащаница*: «Кадимый клубами тумана / Осин рыдает хоровод; Природа всхлипывает тихо / Над блеклой плащаницей нив» («Осенью», 1919).

При воссоздании весеннего пейзажа растительные тропы объединяются вокруг другого центрального образа — «весенняя природа — воскресение». Характер опорных слов в качестве образов сравнения здесь иной: «поля — иконы», «цветы — окропление», «ива — перезвон». К числу повторяющихся можно отнести образ с опорным словом *плащаница*. Приведем иллюстративные фрагменты: «Цветами розоватый клевер / Иконы окропил полей, / Над ними на далекий север / Летят станицы журавлей. / Душистой кровью анемоны / Облили пышные сады, / И нежно льются перезвоны / Ив, преклоненных у воды. / И я склоняюсь на колени / У плащаницы черных роз. / Душа вскрылит в немом моленье / Под тихий пламень звездных слез» («Весна», 1919).

Употребленные в рассмотренных стихотворениях религиозные образы обновляют традиционные для русской поэзии ассоциации «осенняя природа — смерть» и «весенняя природа — воскресение, обновление».

Кроме образов сравнения, относящихся к семантическому классу «Религия», М. П. Герасимов употребляет в качестве источников метафорического уподобления и лексику других семантических классов. Особенность создаваемых в этом случае тропов состоит в том, что они чаще всего принадлежат к традиционным образным параллелям, многие из которых переводят изображаемую ситуацию в высокий, торжественный план. Отметим наиболее яркие из них. Деревья могут уподобляться:

- могучим воинам — *витязю, богатырю* («И к соснам-витязям у взгорий / Девичий примагничен взор»; «Звенели ели, как кольчуга / Встревоженных богатырей» («Девий вздох», 1919));
- украшениям («Осень, как развесила цветисто / Листьев звонкие монисты!» («В лесу мелькают огненные лоси...», 1921));
- архитектурным сооружениям («В колоннадах медных сосен / Огневает хоровод» («В лесу мелькают огненные лоси...», 1921));
- хороводу («Кадимый клубами тумана, / Осин рыдает хоровод» («Осенью», 1919));
- пламени («Они ворошат золотыми рогами / Листьев стекающий пламень» («В лесу мелькают огненные лоси...», 1921)) и др.

В качестве образов сравнения наименования растений применяются для торжественного изображения заводских буден. В частности, в стихотворениях «Завод весенний» и «Прильнул гудок моей сирены...» все заводские реалии последовательно передаются посредством образов сравнения, обозначающих различные растения: «пламя горна — лен», «горн — стог сена», «огоньки — мак», «звон металла — перезвон сосен», «горн — искрометный куст», «горн — золотая береза», «горн — верба» и др.: «Веет от горна вервеной, / Белый пламень — спелый лен, / Снежный пар клубится пеной, / Воздух пеньем напоен. / Волны возгласов сирены, / Хрупкий шорох шестерен, / Горн, как стог горящий сена, / Светом горным озарен. / Гроздь розовых кораллов / Лепит застывая шлак, / В чернокаменных кристаллах / Огоньков дрожащий мак. <...> / Звоны бронзы, медных сосен, / Воронено блещет сталь, / Тут и там сияет просинь, — / Блуз замасленных эмаль» («Завод весенний», 1919); «Мой горн горячими губами / Поцеловал твои уста, / Осыпал звездными цветами / От искрометного куста. / Он веял вербой и вервеной, / Фонтаном золотых берез, / Сочился розовою пеной / От гроздий ярко-алых роз» («Прильнул гудок моей сирены...», 1919).

В первом стихотворении перечисленные образы сравнения находят опору в центральной метафоре — «завод — весенний лес»: «Сколько звона, сколько пений, / Птица искра — мысль зовет. / Как люблю тебя, весенний, / Искропламенный завод!» («Завод весенний», 1919). Во втором стихотворении основанием уподобления работы горна различным

растениям является сходство сопоставляемых реалий по цвету, звуку, запаху, форме.

В поэтическом произведении «Железные цветы» растительный образ получает авторское символическое обобщение — «железные цветы — символ индустриализации». Актуализируется названное значение в контексте образного параллелизма, с помощью которого противопоставляются две образные ситуации. Одна из них — расцветающие под нежными лучами весеннего солнца растения, другая — работа плавильной печи, в которой куются железные цветы. Приведем соответствующие примеры: «Я не в разнеженной природе, / Среди расцветшей красоты, / Под дымным небом на заводе / Ковал железные цветы. / Их не ласкало солнце юга / И не баюкал лунный свет, / Вагранок огненная Вьюга / Звенящий обожгла букет» («Железные цветы», 1919). С помощью растительных образов сравнения автор поэтизирует индустриализацию, достигает монументальности при изображении данного явления.

Таким образом, поэтизация повседневности, проявляющаяся в том числе и при изображении растений, становится основным приемом организации стихотворных текстов М. П. Герасимова. Самым распространенным способом стилистически возвышенного описания бытовых реалий в лирике поэта являются образы сравнения, в создании которых участвует религиозная лексика.

Кроме названных образов сравнения, автор использует традиционные образные характеристики, которые переводят изображаемую ситуацию в высокий, торжественный план, придают ей яркость и красочность: «дерево — воин», «дерево — украшение», «дерево — архитектурное сооружение», «дерево — пламя» и др.

Использование религиозной лексики в качестве источников образов сравнения носит в идиостиле М. П. Герасимова универсальный характер, так как она распространяется не только на изображение деревьев, но и на другие предметы речи: цветы, травы, птицы, заводские реалии. В христианском словесно-образном ключе описываются разные предметы речи в ряде стихотворений — «От кленов золотые тени...» (1918), «Девий вздох» (1919), «Осенью» (1919), «Весна» (1919). Нередко в произведениях поэта используется серия религиозных образов, подчиненных центральному тропу и мотивированных им. В качестве центральных образных ассоциаций, вокруг которых объединяются остальные тропы, представлены «осенняя природа — смерть» и «весенняя природа — воскресение, обновление».

Наименования растений используются в лирике М. П. Герасимова не только как предмет сравнения, но и как образ сравнения для изображения заводских реалий. Так, стихотворение «Завод весенний» представляет со-

бой развертывание центрального образа «завод — весенний лес» с помощью образов сравнения, обозначающих растения: «пламя горна — лен», «горн — стог сена», «огоньки — мак», «звон металла — перезвон сосен».

Активное употребление образов сравнения, содержащих наименования растений и религиозную лексику, позволяет автору поэтизировать заводские реалии, придать им масштабность и торжественность.

Литература

- Аверинцев С. С. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания: сб. статей. М.: Наследие, 1994. С. 3–38.
- Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М.: РИК «Культура», 1996 [Электронный ресурс]. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10082583> (дата обращения: 15.02.2019).
- Кожевникова Н. А. Эволюция тропов // Избранные работы по языку художественной литературы / Сост. Е. В. Красильникова, Е. Ю. Кукушкина, З. Ю. Петрова; под общ. ред. З. Ю. Петровой. М.: Знак, 2009. С. 531–600.
- Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 3: «Растения» / Отв. ред. Л. Л. Шестакова. М.: Языки славянской культуры, 2015. 448 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.01.2019).
- Соколова М. Г. Отражение речевой деструкции в русской лирике 1920-х–1950-х годов // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 2. С. 46–54.

References

- Averintsev S. S. [Categories of poetics in the change of literary eras]. *Istoricheskaya poehtika. Literaturnye ehpokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya: sb. statei* [Historical poetics. Literary eras and types of artistic consciousness: Collection of articles]. Moscow, Nasledie Publ., 1994, pp. 3–38. (In Russ.)
- Kazak V. *Leksikon russkoi literatury XX veka* [Lexicon of Russian literature of the 20th century]. Available at: <http://books.e-heritage.ru/book/10082583> (accessed 15.02.2019).
- Kozhevnikova N. A. [Evolution of tropes]. *Izbrannye raboty po yazyku khudozhestvennoi literatury* [Selected works on the language of fiction]. Comp. E. V. Krasil'nikova, E. Yu. Kukushkina, Z. Yu. Petrova; ed. Z. Yu. Petrova. Moscow, Znak Publ., 2009, pp. 531–600. (In Russ.)

М. Г. Соколова. «И нежно льются перезвоны ив, преклоненных у воды». Употребление названий растений...

M. G. Sokolova. "I Nezhno L'yutsya Perezvony Iv, Preklonennykh u Vody". The Use of Plant Names as Objects...

Kozhevnikova N. A., Petrova Z. Yu. *Materialy k slovaryu metafor i sravnenii russkoi literatury XIX–XX vv. Vyp. 3: Rasteniya* [Materials to the dictionary of metaphors and similes in Russian literature of 19th–20th c. Vol. 3. Plants]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2015. 448 p.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 09.01.2019).

Sokolova M. G. [The reflection of speech destruction in Russian poetry of the 1920–1950-s (on the material of the images of the tree names)]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2018, no. 2, pp. 46–54. (In Russ.)

Особенности эпистолярного стиля Л. Н. Толстого на материале переписки с А. А. Толстой

Анна Андреевна Щербинина, Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва), stepup77@rambler.ru

DOI: 10.31857/S013161170008299-7

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются отличительные черты переписки Л. Н. Толстого с А. А. Толстой, которые позволяют проследить за изменениями эпистолярного стиля писателя на протяжении почти полувека. Условное разделение их переписки на несколько периодов, соотносящихся с этапами жизни писателя, дает возможность определить, что причиной изменения стиля стала эволюция в мировоззрении Л. Н. Толстого. С помощью анализа композиции, тематики, средств художественной выразительности, манеры обращения и языковых особенностей были выявлены художественные приемы, присущие его эпистолярному в различное время. Ранний период характеризуется поисками стиля, экспериментами с формой изложения и языком. В 1860-х гг. устанавливаются некоторые отличительные черты эпистолярного стиля Л. Н. Толстого. В 1870–80-х гг. на первый план выходит религиозная тематика. Письма к А. А. Толстой содержат бесценную информацию о внутренних преобразованиях писателя, в них отразились его нравственные и духовные искания, мировоззренческий кризис, смена духовных ориентиров и формирование новых убеждений. Разногласия адресатов стали причиной, по которой эпистолярная беседа приобрела вид религиозной полемики. Последний период их диалога (1890-е, начало 1900-х гг.) имеет исповедальный характер. Много-

А. А. Щербинина. Особенности эпистолярного стиля Л. Н. Толстого на материале переписки с А. А. Толстой
A. A. Shcherbinina. The Distinctive Features of L. N. Tolstoy's Epistolary Style in his Correspondence with A. A. Tolstaya

гранность стиля этой переписки свидетельствует о ее значимости в эпистолярном наследии писателя, а также о необходимости дальнейшего исследования не только биографической, но и художественной составляющей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Л. Н. Толстой, А. А. Толстая, переписка, эпистолярный стиль, тропы, фигуры, религиозная полемика, исповедальность
для цитирования: Щербинина А. А. Особенности эпистолярного стиля Л. Н. Толстого на материале переписки с А. А. Толстой // Русская речь. 2020. № 1. С. 78–90. DOI: 10.31857/S013161170008299-7.

The Language of Fiction

The Distinctive Features of L. N. Tolstoy's Epistolary Style in his Correspondence with A. A. Tolstaya

Anna A. Shcherbinina, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow),
stepup77@rambler.ru

ABSTRACT: The article analyzes the distinctive features of L. N. Tolstoy's correspondence with A. A. Tolstaya. The research allows us to witness the changes in the writer's epistolary style over the course of nearly half a century. The division of L. N. Tolstoy and A. A. Tolstaya's correspondence into several periods, correlating with the stages of Tolstoy's life, makes it possible to determine that the reason for the change in the style was the evolution in the worldview of L. N. Tolstoy. The analysis of the composition, the themes, the means of artistic expression, the manner and the language features has revealed the artistic techniques inherent to Tolstoy's epistolary style in different time periods. During the first period there were experiments with the form of presentation and language. Most distinctive features of the author's

epistolary style were established in 1860s. In the 1870s and 1880s, however, the religious theme came to the fore. The letters to A. A. Tolstaya contain invaluable information about the internal transformations of the writer. They reflect his moral and spiritual quest, worldview crisis, the change of spiritual guidelines and the formation of new beliefs. The disagreements of the addressees became the reason why the epistolary conversation took the form of religious controversy. The last period of their dialogue (the 1890s, early 1900s) has a confessional character. The versatility of the correspondence style indicates its importance in the epistolary heritage of the writer, as well as the need for further research of not only the biographical, but also the artistic component.

KEYWORDS: L. N. Tolstoy, A. A. Tolstaya, correspondence, epistolary style, expressive means, poetic figures, religious polemics, confessional

FOR CITATION: Shcherbinina A. A. The Distinctive Features of L. N. Tolstoy's Epistolary Style in his Correspondence with A. A. Tolstaya. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2020. No. 1. Pp. 78–90. DOI: 10.31857/S013161170008299-7.

Графиня Александра Андреевна Толстая посвятила себя воспитанию царских детей и была фрейлиной двух императриц. Длительная жизнь при дворе в сочетании с великолепным образованием и незаурядным умом позволили ей быть в центре культурных и исторических перемен на протяжении царствования трех императоров. Л. Н. Толстому она приходилась двоюродной теткой, однако небольшая разница в возрасте (одиннадцать лет) и взаимный интерес стали основанием для многолетней дружбы и переписки. В своих воспоминаниях А. А. Толстая писала, что их отношения «в продолжение многих лет оставались неизменными. При каждом свидании мы продолжали изучать друг друга «*le bistouri à la main*»¹ — как выразился кто-то, но это делалось с любовью» [Толстой, Толстая 2011: 21].

Знакомство Л. Н. Толстого с А. А. Толстой произошло в Москве у общего родственника Ф. И. Толстого в середине 1840-х гг. Однако началом общения стал 1855 г., когда Л. Н. Толстой приехал из Севастополя в Петербург. Их эпистолярный диалог начался в 1857 г. во время путешествия писателя по Европе и завершился в 1903 г. незадолго до смерти А. А. Толстой. Со-

¹ Со скальпелем в руке (пер. с фр. ред.)

хранилось 135 писем Л. Н. Толстого и 129 писем А. А. Толстой. Переписка между ними является одной из наиболее значимых в эпистолярном наследии писателя благодаря продолжительности и особому стилю.

Изучением художественного своеобразия переписки Л. Н. Толстого и А. А. Толстой занимались Р. М. Лазарчук [1979: 85–98], Е. В. Петровская [1999: 171–180], Н. И. Азарова [2011: 623–683] и И. Ф. Салманова [2016: 159–165]. Р. М. Лазарчук рассмотрела эпистолярные диалоги Л. Н. Толстого с Т. А. Ёргольской и А. А. Толстой в сопоставлении, отмечая их ориентацию на эпистолярную культуру конца XVIII — начала XIX вв. Оба цикла представляют собой роман в письмах, в котором разрабатывается схожий комплекс мотивов (хотя воплощается по-разному), однако Л. Н. Толстой отступает от канона, нарушая единство слога и непрерывность повествования.

Е. В. Петровская сосредоточилась на мотивном анализе переписки Л. Н. Толстого с А. А. Толстой. Она выявила общую тенденцию эпистолярная второй половины XIX в.: «перемещение границы между жизнью и литературой в сторону “жизни”» [Петровская 1999: 172], которая привела к разрушению норм «дружеского письма», сформировавшихся в пушкинскую эпоху. Итогом стало выдвигание на первый план психологических, философских и религиозных аспектов, которые зачастую стали выражаться в публицистической форме.

Н. И. Азарова исследовала переписку Л. Н. Толстого и А. А. Толстой во взаимосвязи с происходящими историческими событиями и изменениями в жизни адресатов. Отличительной особенностью исследования также является выдвигание на первый план личности А. А. Толстой, ее биографии и истории их взаимоотношений с Л. Н. Толстым. Также Н. И. Азарова обратилась к творческим замыслам писателя, которыми он делился с А. А. Толстой в письмах, впоследствии многие из этих идей осуществились в его произведениях.

И. Ф. Салманова сфокусировалась на изучении феномена исповедальности в эпистолярном диалоге Л. Н. Толстого и А. А. Толстой, который связан в первую очередь с религиозными поисками. Анализ сущности понятия «искренность» и обзор истории исповедальных текстов позволили сделать вывод о проникновении типологических черт исповедальности в жанр дневника и письма. Были выявлены экзистенциальное основание исповедальности Л. Н. Толстого в письмах к А. А. Толстой и сходство с философско-исповедальной перепиской Н. В. Станкевича.

Переписка Л. Н. Толстого с А. А. Толстой рассматривается как целостный текст. Каждый из исследователей сосредоточился на определенном его аспекте, при этом отдельно были затронуты некоторые составляющие эпистолярного стиля Л. Н. Толстого (особенный язык, форма изло-

жения). Однако анализ непосредственно эпистолярного стиля писателя в переписке с А. А. Толстой проведен не был, в связи с этим нашей задачей является исследование его особенностей и выявление изменений на протяжении всего эпистолярного диалога.

Эпистолярный Л. Н. Толстого раннего периода (1840–50-е гг.) характеризуется поисками стиля и формы изложения, встречаются стилизованные письма, так, изначально переписка с Т. А. Ёргольской² была ориентирована на сентиментальный эпистолярный роман XVIII в. Эксперименты молодого писателя нашли отражение в переписке с близкими людьми — братьями, сестрой, Т. А. Ёргольской и А. А. Толстой.

Первое известное письмо Л. Н. Толстого к А. А. Толстой датируется апрелем 1857 г., оно начинается с приветствия и шутливого обращения «милые бабушки». А. А. Толстая писала в воспоминаниях, что он считал их с сестрой «слишком молодыми» для того, чтобы называть тетушками. Это письмо одно из трех, начинающихся с приветствия, во всех остальных они опущены, Л. Н. Толстой пишет без вступления сразу основную часть письма, хотя чаще всего включает в него обращение: «любезный друг Alexandrine», «дорогой/милый друг». Характерное для дружеской переписки XIX в. отсутствие приветствия и шаблонных вступлений перенимается Л. Н. Толстым и становится чертой его эпистолярного стиля. Ироничность и изящность стиля, свобода формы (поочередное обращение Л. Н. Толстого и М. И. Пущина³, совместно с которым написано письмо) и откровенно личное содержание позволяют определить характер их отношений. Между ними устанавливается непринужденный дружеский эпистолярный диалог, во время которого Л. Н. Толстой делится своими впечатлениями, наблюдениями и пережитыми чувствами.

Общий тон писем Л. Н. Толстого и А. А. Толстой в период с 1857 по 1861 гг. иронично-игривый. Их общение протекает в атмосфере взаимопонимания и откровенности. Л. Н. Толстой играл роль «беспутного малого», которого нужно наставлять на путь истинный. Частой чертой его писем этого периода было самоуничижение: «Не переставайте любить меня так, как я сотой доли того не стою» (60; 220), «про себя говорить не достоин, про вас не смею...» (60; 274)⁴.

² Т. А. Ёргольская (1792–1874) — троюродная тетка Л. Н. Толстого, занималась его воспитанием после смерти родителей. Переписка с ней продолжалась более двадцати лет.

³ М. И. Пущин (1800–1869) — был причастен к заговору декабристов, генерал-майор. В 1857 г. в Кларне Л. Н. Толстой жил с ним и его женой в одном пансионе.

⁴ Ссылки на письма Л. Н. Толстого приведены по изданию [Толстой 1928–1958]. После цитаты в круглых скобках на первом месте указывается номер тома, на втором — страница, на которой расположена цитата.

В письмах этого времени Л. Н. Толстой экспериментирует с языком, они изобилуют разного рода тропами и фигурами: гиперболами («я лишился всех чувств» (60; 183)), олицетворениями («задумчивыми савойскими дорогами» (60; 188)), сравнениями («я тщетно дельвал то же самое, как кухарка по субботам» (60; 259)), метафорами («я — старая, промерзлая, гнилая и еще под соусом свареная картофелина» (60; 259)), большим количеством повторов («попутала меня нелегкая поехать в Baden, а в Бадене рулетка» (60; 219)), антономазиями («встретил милейшего Филемона в седом парике и Бавкиду, вышедшую из Смольного» (60; 221)), эпитетами («безобязательное наслаждение» (60; 389)) и т. д. Количественное соотношение средств художественной выразительности неравномерное, больше всего Л. Н. Толстой использует лексические повторы. На втором месте по употреблению следуют гиперболы, сравнения и антитезы, остальные тропы и фигуры представлены значительно меньше. Разнообразие художественных средств свидетельствует о поисках собственного языкового выражения, а преобладание некоторых из них — о начале формирования индивидуального авторского стиля.

В этот период Л. Н. Толстой пишет на русском языке, иногда вплетая французские или английские слова и выражения, тогда как А. А. Толстая в начале их эпистолярного диалога больше писала на французском. У Л. Н. Толстого периодически встречаются анаколуфы: «Я был на волоске уехать в Петербург» (60; 418), «мне страшно, что вы чем-нибудь недовольны мной» (61; 114). Они имитируют речь человека высшего общества в России первой половины XIX в., для которого знание и употребление французского языка было предпочтительнее. Наличие ошибок в русской речи или использование иностранных слов и фраз демонстрировали принадлежность к свету и образованность. Позднее Л. Н. Толстой перестает употреблять иностранные слова, в то время как А. А. Толстая писала то на французском, то на русском языке. Вероятнее всего, это связано с изменениями в мировоззрении писателя и тематикой их писем.

Два письма Л. Н. Толстого 1860 г., написанные А. А. Толстой из Гиера после смерти старшего брата Николая, отличаются по стилистике и содержанию от остальных. В первом, от 17 октября, он раскрыл свои переживания и страхи: «Не то, что половина жизни оторвана, но вся энергия жизни с ним похоронена. Незачем жить, коли он умер» (60; 356). У А. А. Толстой как у близкого друга Л. Н. Толстой искал поддержки. В следующем письме от 25 ноября он делится наблюдениями за окружающим, своей тоской, выйти из которой помогло ее письмо. Здесь он рассказывает о своем плане заняться устройством школ, что помогло ему вернуться к деятельной жизни. В последующих письмах Л. Н. Толстого

к А. А. Толстой 1861 г. наблюдается постепенное восстановление прежнего тона переписки.

Перемены в личной жизни писателя отразились на его переписке. С 1862 по 1868 гг. для Л. Н. Толстого наступает период безоблачного семейного счастья и активной работы над «Войной и миром»: «Я счастлив, как не был с тех пор, как родился» (60; 447). А. А. Толстая была единственной из адресатов, кому Л. Н. Толстой писал о своих ощущениях в этот период. Письма 1865 г. в основном посвящены описанию счастливого состояния в семейной жизни, рассуждениям об их дружбе и обсуждению творческой деятельности Л. Н. Толстого.

Стиль писем этого периода несколько изменяется: юношеская игривость и ироничность сменяется глубокой дружеской привязанностью. Язык писем Л. Н. Толстого становится более простым, разнообразие и количество средств художественной выразительности становится меньше, причем в основном используются одни и те же. Например, эпитеты («грязный полковник» (60; 428), «хорошей и счастливой воды» (61; 69)), антитезы («разбойников с вымытыми душистым мылом щеками и руками, которые приветливо улыбаются» (60; 429)), повторы («Пишу из деревни, пишу и слышу наверху голос жены» (60; 448)) и сравнения («Как институтки просят, и я прошу никому не показывать и разорвать это письмо» (61; 24)). Подобное изменение обусловлено формированием в 1860-е гг. авторского стиля. Использование минимального набора легко воспринимаемых читателем средств художественной выразительности, позволяющих точно и ярко передать необходимое содержание.

Эпистолярный диалог теперь ведется на равных, без самоуничижения и возвеличивания адресата. Сентиментальность и романтическая игривость уступают место дружеской близости. Внешняя форма (приветствия, прощания и подпись) сохраняется номинально, становится своеобразной традицией их эпистолярного диалога. В это время появляются письма-просьбы (первое — 15–16 декабря 1865 г.), которые впоследствии станут частым явлением. Некоторые из них оказывались поводом к возобновлению переписки, например, письма от 12 января 1872 г. или от 17 апреля 1884 г., когда после длительного перерыва Л. Н. Толстой обращался за помощью к давнему другу.

С 1869 по 1874 гг. в переписке писателя с А. А. Толстой намечается переход от описаний счастливой семейной жизни к религиозным поискам. Импульсом стало состояние, которое пережил Л. Н. Толстой в г. Арзамасе, вероятно, о нем он сообщал А. А. Толстой в несохранившемся письме, датированном августом 1869 г. С. А. Толстая, жена писателя, характеризует это послание как «приготовление к смерти» (61; 383). С этого момента появляются сомнения в правильности образа жизни, которые усиливаются

под действием сильных эмоций. Л. Н. Толстой пишет, что испытывает отвращение к праздности и роскоши (31 марта 1872 г.), презрение к новым судам в России (15 сентября 1872 г.) и раздражение к тем, кто с высоты своего положения «помогает» бедным (6 марта 1874 г.). Тем не менее тематически большая часть писем этого периода посвящена писательской деятельности Л. Н. Толстого и новостям. Размышления присутствуют только вкраплениями и свидетельствуют о переменах, происходящих в мировоззрении писателя.

Сильные эмоции, такие как несправедливые обвинения, свадьба или смерть близких, побуждали Л. Н. Толстого включать в реалистичное повествование яркие художественные образы, основанные на собственном восприятии действительности. Впервые в письмах к А. А. Толстой подобное появилось 12 октября 1859 г., когда, сочувствуя ее горю (смерти племянницы), Л. Н. Толстой рассказал трагическую историю своего знакомого. Живость описаний и пронзительность переданных чувств воссоздают впечатления писателя. Выразительное описание появляется также в письме начала августа 1861 г., в котором Л. Н. Толстой живописно рассказывает о своих занятиях с учениками в Яснополянской школе. Однако это единичные примеры столь явного употребления ярких образов. Изначально Л. Н. Толстым использовались отдельные сравнения, чтобы заострить внимание и точнее передать суть написанного: «Для вас это, должно быть, так же странно, как для рыбы, которая, сидя в реке, услышала бы, что человек, запыленный, обожженный, измученный, радуется тому, что он сел в эту реку, и не знает всех рыбьих неприятностей, и сидит только до тех пор, пока освежится, не дожидая того, чтобы ему стало холодно» (60; 288). Сравнения, в отличие от других тропов, сохраняются на протяжении всей переписки с А. А. Толстой, хотя в поздний период они используются значительно реже и становятся менее яркими, сохраняется только их пояснительная функция.

В 1870-е гг. яркие образы в письмах Л. Н. Толстого достигают высшей степени развития, в них точность и эмоциональность сочетаются с неожиданным воплощением. Например, в сентябре 1872 г. Л. Н. Толстой оказался под следствием из-за того, что бык убил пастуха в Ясной Поляне. Молодой следователь, ведущий расследование, проявил излишнее рвение, объявив о передаче дела в суд и взяв с графа подписку о невыезде. Л. Н. Толстого, который во время происшествия был в Самаре, крайне возмутило подобное отношение, свои чувства и планы (переехать в Англию) он поверяет А. А. Толстой в письме от 15 сентября. В нем образно передаются ощущения писателя от грубости и несправедливости окружающей жизни: «Представьте себе человека, в совершенной тишине и темноте прислушивающегося к шорохам и вглядывающегося в просве-

ты мрака, которому вдруг под носом пустят вонючие бенгальские огни и сыграют на фальшивых трубах марш. Очень мучительно» (60; 61; 332). Подобные образы становятся особенностью эпистолярного стиля зрелого Л. Н. Толстого, они возникли на основе сравнений, сохраняют их функции (пояснение и обращение внимания), вместе с тем они используются для передачи внутреннего состояния человека.

Стиль писем Л. Н. Толстого к А. А. Толстой в 1869–1874 гг. мало отличается от эпистолярного стиля предыдущего периода их переписки (1862–1868 гг.), хотя в целом постепенно меняется настрой, рассуждения становятся меланхоличнее. В это время появляется первое непонимание между адресатами. Л. Н. Толстой отвечает Александрин: «Вы пишете: “*si j'ai dit quelque chose qui vous irrite...*”⁵ Всё ваше письмо произвело на меня это действие... Понять рассудком положение другого человека нельзя, и этого я не ждал; но понять сердцем можно, и этого я ждал и ошибся» (61; 318).

С 1876 по 1884 гг. в переписке Л. Н. Толстого с А. А. Толстой преобладает религиозная тема. Подобное направление их общения приняло после письма от 20 (23) марта 1876 г. Л. Н. Толстой перепутал адресатов С. С. Урусова и А. А. Толстую, в результате чего к последней попало письмо, в котором излагались религиозные размышления. Искренний интерес со стороны тетушки поощрил Л. Н. Толстого к откровенным рассуждениям на эту тему в последующих письмах второй половины 1870-х гг. В это время религия для Л. Н. Толстого являлась «возможностью спасения», он был убежден, что без нее «жить нельзя» (62; 311), но при этом верить не получалось. Несмотря на существенные расхождения в религиозном вопросе, они верили в то, что «Бог есть любовь»⁶ и вера является «высшим благом» (62; 310). Сдержанный тон писем этого периода свидетельствует о том, что оба старались осторожно выражать свои мысли, чтобы не ранить чувства другого.

Религиозные разногласия обострились во время пребывания Л. Н. Толстого в Петербурге в январе 1880 г., причиной стал разговор с А. А. Толстой и соприкосновение в театре с высшим обществом, неприятно подействовавшие на писателя. После этого он спешно покинул столицу, написав А. А. Толстой резкое письмо, в котором отменил предстоящий к ней визит. С этого момента их эпистолярный диалог принял вид религиозной полемики.

С 1880 по 1884 гг. оппоненты открыто указывают на ошибочность противоположной точки зрения и пытаются переубедить друг друга. А. А. Толстая пишет: «Боюсь я того, что вы теперь пишете, боюсь за вас

⁵ «если я сказала что-нибудь такое, что вас раздражило...» (пер. с фр. ред.)

⁶ 1 Ин. (4:16)

и за тех, которых вы можете увлечь своим умом, искренностью и неправильностью своих взглядов» [Толстой, Толстая 2011: 393]. Л. Н. Толстой в ответном письме объясняет причину своей горячности с тетушкой: «Я говорил потому, что люблю вас и боюсь, что вы нетвердо стоите и что, когда вам нужно (а нам нужно всегда), вы не найдете и не находите опоры там, где надеетесь найти» (63; 7). Однако стремление убедить собеседника привело к обратному результату: увеличению непонимания, отдалению друг от друга, появлению раздражения. Мирнолюбивое замечание А. А. Толстой в письме от 25 февраля 1882 г.: «Постарайтесь любить меня по-прежнему и никогда не говорите и не думайте, что мы служим не одному Богу. Христос один, и вы и я любим Его» [Толстой, Толстая 2011: 402] — было встречено яростным протестом со стороны Л. Н. Толстого. Он написал два письма, содержание которых отличается от всех предыдущих и последующих. Л. Н. Толстой открыто осуждал и обвинял адресата: «...я написал книгу, обличающую обманщиков. Стало быть, вот какое мое отношение к вам. ...Я считаю вашу веру произведением дьявола, придуманным для того, чтобы лишать человечества спасения, данного Христом. И книга моя, и я сам есть обличение обманщиков, тех лжепророков, которые придут в овечьей шкуре и которых мы узнаем по плодам» (63; 90). Подобные письма продиктованы истинным отношением Л. Н. Толстого, но они не были отправлены, поскольку воспитание не позволяло ему писать в таком тоне. Осознание того, что его не поймут, стало причиной, по которой не были написаны другие письма, и переписка прервалась на два года.

Поводом к возобновлению эпистолярного диалога стала просьба Л. Н. Толстого о помощи Армфельд. Вовлеченность в общее занятие сделала необходимым их постоянное общение (за 1884 г. Л. Н. Толстой написал тетушке 9 писем) и напомнила о том, что всегда их сближало — искреннее сострадание к проблемам нуждающихся и деятельное участие в их разрешении. Тем не менее религиозные противоречия остались такой же болезненной темой, поэтому оба старались сдерживаться при высказывании своего мнения и меньше касаться спорных вопросов. Хотя это не всегда удавалось, примером тому являются язвительные просьбы Л. Н. Толстого прекратить его «обращать», обижающие тетушку [Толстой, Толстая 2011: 407], и ее ироничное отношение к мучениям собеседника, болезненно действующие на него (63; 167). Постепенно оба осознали бесполезность переубеждений, поэтому сошлись на том, что их объединяет главное — стремление к добру.

С 1885 по 1891 гг. религиозные разногласия отходят на второй план. Л. Н. Толстой соприкасается со смертью, сначала в 1885 г. неизлечимо

заболевает и умирает его друг Л. Д. Урусов⁷, а в 1886 г. он сам находится в состоянии, «близком к смерти» (63; 376) из-за воспаления ноги. Эти события заставляют его пересмотреть отношения с А. А. Толстой, о чем свидетельствуют письма к ней от 19 января 1885 г. и 2 сентября 1886 г. В это время их переписка наполнена дружеской теплотой и участием, каких не было длительное время. Чаще других в письмах Л. Н. Толстого фигурируют рассуждения в отвлеченно религиозном ключе во время размышлений о близости смерти, а также просьбы (в 7 из 19 писем), которые посвящены ходатайствам за ссыльных или нуждающихся.

В этот период письма Л. Н. Толстого к А. А. Толстой становятся значительно меньше по объему, при этом их эпистолярный диалог прервался только в 1890 г., все остальное время он поддерживался постоянно (в отличие от других периодов). Единственное длинное письмо, к тому же исключительно религиозного содержания, написано Л. Н. Толстым 15 сентября 1887 г. Оно стало ответом на длинное послание А. А. Толстой по случаю отправки книг религиозного содержания. Летом 1887 г. она гостила в Ясной Поляне, их близкое общение в действительности подтолкнуло к дружеской откровенности в письменной форме. В этом письме эпистолярный диалог снова перерос в полемику, однако обе стороны аргументировали свою позицию и неприятие противоположной точки зрения, не пытаясь переубедить оппонента.

Родственно-дружеский характер переписки этого времени напоминает близость их общения в молодости, хотя его тон не игривый, а сердечный, душевный. Л. Н. Толстой писал тетушке: «Обо многом хочется беседовать с вами и не только не спорить, но ни в чем не расходиться, как не должны и не могут расходиться люди серьезные, старые, готовящиеся к смерти, да еще любящие друг друга» (65; 316–317). Постепенно Л. Н. Толстой добавляет легкие и изящные фразы, обращения и прощания, свойственные его письмам в юности и которые на протяжении всей их переписки использовала А. А. Толстая: «Потребность моя общения с вами стала неудержимой» (64; 346); «дорогой друг Alexandrine» (66; 17); «прощайте пока, любите меня по-прежнему; а я всегда с любовью думаю о вас» (66; 35). Подобные выражения немногочисленны и являются своего рода элементами ностальгии. Разногласия были отодвинуты на задний план, уступая место проверенной временем привязанности.

Последний период переписки Л. Н. Толстого с тетушкой в общей сложности занимает одиннадцать лет. Их общение становится редким и часто

⁷ Л. Д. Урусов (1837–1885) — князь, действительный статский советник, камергер, с 1876 г. тульский вице-губернатор. Познакомился с семьей Толстых в начале 1878 г., вскоре стал другом и последователем Л. Н. Толстого, перевел на французский язык трактат «В чем моя вера?». В марте 1885 г. Л. Н. Толстой сопровождал больного Л. Д. Урусова в Крым.

прерывается, так, за 1892, 1896, 1898–1900 гг. нет писем Л. Н. Толстого. А. А. Толстая не могла смириться с «учительством» словесным и печатным, о чем написала ему 25 апреля 1897 г., а Л. Н. Толстой не переносил попыток вернуть его в лоно Церкви. 15 февраля 1897 г. он описывал В. Г. Черткову свои ощущения после встречи с ней: «Тяжелое впечатление... Ужасающая не только холодность, но жестокость и залезание в душу, и насилие, то самое, которое нас разлучило» (88; 10). Невозможность «говорить о самом важном» [Толстой, Толстая 2011: 483] для обоих послужило главной причиной снижения активности их эпистолярного диалога, однако не привело к прекращению их общения. В сложных жизненных ситуациях они обращаются друг к другу, чтобы разделить горести — смерть младшего сына Л. Н. Толстого Ивана и сестры А. А. Толстой Софии. Их объединяло одинаковое отношение к смерти, они считали, что «это приближение к Богу» (68; 99).

Вместе с тем последний год переписки (1903 г.) сблизил собеседников благодаря работе Л. Н. Толстого над повестью «Хаджи Мурат». Помощь А. А. Толстой, сообщившей сведения о личности Николая I и приславшей архивные документы, растрогала писателя. Ответные письма Л. Н. Толстого наполнены нежностью, он признается: «Я очень и очень люблю вас» (74; 24). Главной чертой их последних писем стала исповедальность, напоминающая годы их юности, но продиктованная близостью к смерти, которая подтолкнула обоих высказать то, о чем они умалчивали.

Стиль писем Л. Н. Толстого к А. А. Толстой претерпевал изменения на протяжении всего времени их общения, что связано с эволюцией в мировоззрении писателя. Родственно-дружеский эпистолярный диалог, отличающийся свободной композицией, изящностью слога и откровенностью, в 1870–80-х гг. перерастает в религиозную полемику, в которой содержание превалирует над формой, а в 1890-х — начале 1900-х гг. сменяется сердечной беседой исповедального характера. Несмотря на религиозные разногласия, их связывала искренняя дружба, обусловленная интеллектуальной и духовной близостью, которая сохранялась на протяжении почти полувека.

Литература

- Азарова Н. И. Эпистолярный роман-исповедь // Л. Н. Толстой и А. А. Толстая. Переписка (1857–1903) / Отв. ред. Л. Д. Громова-Опульская, И. Г. Птушкина. М.: Наука, 2011. С. 623–683.
- Лазарчук Р. М. Переписка Л. Н. Толстого с Т. А. Ёргольской и А. А. Толстой и эпистолярная культура конца XVIII — первой трети XIX века // Л. Н. Толстой и русская литера-

- турно-общественная мысль / Под ред. Г. Я. Галаган, Н. И. Пруцкова. Л.: Наука, 1979. С. 85–98.
- Петровская Е. В. Переписка Л. Н. Толстого с А. А. Толстой как целостный текст // Яснополянский сборник 1998. 1999. С. 171–180.
- Салманова И. Ф. О природе исповедальности в переписке Л. Н. Толстого и А. А. Толстой // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики в 4 т. / Отв. ред. С. Н. Борисов. Белгород: Изд-во БГИИК, 2016. Т. 1. С. 159–165.
- Толстой Л. Н. и Толстая А. А. Переписка (1857–1903) / Отв. ред. Л. Д. Громова-Опульская, И. Г. Птушкина. М.: Наука, 2011. 974 с.
- Толстой Л. Н. Письма // Полное собрание сочинений в 90 т. (Юбилейное издание) / Под общ. ред. В. Г. Чертова. М.–Л.: Художественная литература, 1928–1958. Т. 60–74.

References

- Azarova N. I. [Epistolary novel-confession]. L. N. Tolstoy and A. A. Tolstaya. *Perepiska (1857–1903)* [Correspondence (1857–1903)]. Resp. ed. L. D. Gromova-Opulskaia, I. G. Ptushkina. Moscow, Nauka Publ., 2011, pp. 623–683. (In Russ.)
- Lazarchuk R. M. [Correspondence L. N. Tolstoy with T. A. Ergolskaya and A. A. Tolstaya and epistolary culture of the late 18th – first third of the 19th c.]. *L. N. Tolstoi i russkaya literaturno-obshchestvennaya mysl'* [L. N. Tolstoy and Russian literary and social thought]. Ed. G. Ya. Galagan, N. I. Prutskova. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 85–98. (In Russ.)
- Petrovskaya E. V. [Correspondence L. N. Tolstoy with A. A. Tolstoy as a holistic text]. *Yasnopolyanskiy sbornik 1998* [Yasnaya Polyana collection], 1999, pp. 171–180. (In Russ.)
- Salmanova I. F. [The nature of confession in the correspondence of L. N. Tolstoy and A. Tolstaya]. *Nauka. Kul'tura. Iskusstvo: aktual'nye problemy teorii i praktiki v 4 tomakh* [Science. Culture. Art: actual problems of theory and practice in 4 vols.]. Vol. 1. Resp. ed. S. N. Borisov. Belgorod, Publ. House of Belgorod Stat. Inst. of Arts and Culture, 2016, pp. 159–165. (In Russ.)
- Tolstoi L. N. and Tolstaya A. A. *Perepiska (1857–1903)* [Correspondence (1857–1903)]. Resp. ed. L. D. Gromova-Opulskaia, I. G. Ptushkina. Moscow, Nauka Publ., 2011. 974 p.
- Tolstoi L. N. [Letters]. *Polnoe sobranie sochinenii v 90 tomakh* [Complete works in 90 vols.]. Ed. V. G. Chertkova. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1928–1958. Vol. 60–74.

И. А. Бодуэн де Куртенэ — исследователь русского арго

Михаил Александрович Грачев, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (Россия, Нижний Новгород),
ma-grachev@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170008301-0

АННОТАЦИЯ: В статье приводятся малоизвестные факты об изучении криминального социального диалекта, причем в начале XX в. Уникальность работы заключается в том, что автор статьи использует материал неопубликованной рукописи П. П. Ильина «Исследование жаргона преступников» (1912 г.). М. А. Грачев, используя факты, доказывает, что И. А. Бодуэн де Куртенэ провел глубокую аналитическую работу по данному лингвистическому феномену. При этом в качестве информантов он привлек осужденных, имеющих необходимые знания о языке, В. Ф. Трахтенберга и П. П. Ильина. Ареал исследования арго И. А. Бодуэном де Куртенэ достаточно велик: от Санкт-Петербурга до Иркутска. Заслуживает внимание и тот вклад в изучение арго, который внес знаменитый языковед, будучи редактором словаря «Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы)». Интересны и остроумны его рассуждения о «виселичном юморе», который содержится в арго. Автор статьи подчеркивает, что исследования И. А. Бодуэна де Куртенэ являются первыми в изучении арго.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: арго, блатная музыка, исследование, лингвист, жаргон, словарь

для цитирования: Грачев М. А. И. А. Бодуэн де Куртенэ — исследователь русского арго // Русская речь. 2020. № 1. С. 91–101. DOI: 10.31857/S013161170008301-0.

Science and Persons

Jan Baudouin de Courtenay as the Researcher of Russian Argot

Mikhail A. Grachev, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod),
ma-grachev@mail.ru

ABSTRACT: The article is devoted to describing little-known facts about the studies of criminal dialects (argot) at the beginning of the 20th century. The author focuses on the unreleased manuscript by P. P. Ilyn “Studying criminals’ jargon” (1912). Prof. Grachev proves that Jan Baudouin de Courtenay did fundamental analytical research of argot. The remarkable fact is that Jan de Courtenay used information acquired from the prisoners (P. P. Ilyn and V. F. Trachtenberg), who had necessary linguistic competencies, for his study. Geographically, the area of de Courtenay’s research is quite large: from St. Petersburg to Irkutsk. Furthermore, it is important to mention another de Courtenay’s contribution to studying argot: he was an editor of the dictionary “Blatnaya Muzika, Jargon”. De Courtenay’s comments about the “hangman humour”, which is included in the argot, are interesting and ingenious. The author of the article emphasizes that Jan Baudouin de Courtenay was the first person to study Russian argot.

KEYWORDS: argot, criminals’ music (blatnaya muzika, blatnyak), research, linguist, jargon, dictionary

FOR CITATION: Grachev M. A. Jan Baudouin de Courtenay as the Researcher of Russian Argot. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2020. No. 1. Pp. 91–101. DOI: 10.31857/S013161170008301-0.

В настоящей статье мы попытаемся проанализировать далеко не изученную тему, касающуюся исследований И. А. Бодуэна де Куртенэ по русскому аргот. К сожалению, о данной проблеме говорили в научной литературе схематично, с многочисленными ошибками или в урезанном виде.

И. А. Бодуэн де Куртенэ работал в рамках изучения аргот сразу с двумя информантами (авторами или собирателями аргот в «естественных условиях», т. е. в местах лишения свободы). Первый из них, Василий Филиппович Трахтенберг, собрал арготический материал европейской части России. Названия мест сбора были указаны на форзаце его произведения «Блатная музыка (“Жаргон” тюрьмы)»: «По материалам, собранным в пересыльных тюрьмах: Петербургской, Московской (“Бутырки”), Виленской, Варшавской, Киевской и Одесской; в тюрьмах: в “Крестах”, в “Доме предварительного заключения”, в “Дерябинских казармах” (Петербург), в “Каменщиках” (Москва)» [Трахтенберг 1908].

Второй информант — осужденный каторжной Иркутской Александровской тюрьмы Павел Петрович Ильин, в последующем автор рукописи «Исследование жаргона преступников» [Ильин 1912]. Исследование арготической лексики криминального мира П. П. Ильин проводил с ведома знаменитого профессора-лингвиста Бодуэна де Куртенэ.

Прежде всего дадим характеристику информантов.

Долгое время существовало мнение, что Василий Филиппович Трахтенберг являлся сотрудником Департамента Санкт-Петербургской полиции (возможно, не в качестве штатного сотрудника, а как тайный осведомитель). В 1908 г. он находился в Таганской тюрьме, будучи осужденным за мошенничество. Между прочим, им был составлен не только словарь «Блатная музыка (“Жаргон” тюрьмы)», но и написана книга про известного русского мошенника «Необыкновенные похождения корнета Савина, знаменитого русского авантюриста: По воспоминаниям Василия Трахтенберга» [Трахтенберг 1909]. Кем доводился ему авантюрист кон. XIX — нач. XX в. корнет Савинов: соучастником, учителем мошеннических мероприятий, — мы можем только предполагать, но оба были аферистами, дерзкими и ловкими. Конечно, В. Ф. Трахтенберг в этих качествах во многом проигрывал корнету Н. Г. Савинову. И все же сходство и параллели здесь налицо.

До 90-х гг. XX в. многие лингвисты, пользовавшиеся словарем В. Ф. Трахтенберга, считали его чиновником, работавшим в Санкт-Петербургском департаменте полиции. И удивлялись, как мог человек без

лингвистического образования составить такой словарь. Добавлю: лучший из всех арготических словарей XX века! (Об этом факте упоминалось и в предисловии к «Словарю тысячелетнего арга» [Грачев 2003].) Известно, что материалы словаря «Блатная музыка (“Жаргон” тюрьмы)» тщательно обработал и облагородил знаменитый лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ. На данный факт указывает и С. В. Вахитов в своем научном труде «“Музыка” до Трахтенберга: Материалы к словарю русского жаргона XIX в.». «Словарь В. Ф. Трахтенберга “Блатная музыка...”», – писал ученый, – первое авторитетное издание собрания воровской лексики – вышел в 1908 г. Авторитетность книге придает редакторская работа И. А. Бодуэна де Куртенэ, о самом же авторе мы знаем немного. Вячеслав Тонков в своем исследовании воровского языка [Тонков 1930] называет его профессором Трахтенбергом. (Перефразируя популярное выражение А. М. Горького, спросим: «А был ли профессор?» — М. Г.) Сведения о жизни автора словаря довольно скупы, однако складывается впечатление, что это был человек авантюрного склада, довольно далекий от науки. В Интернете как-то промелькнуло сообщение о его причастности к афере с продажей южноафриканских рудников правительству Франции, в публицистике же начала XX в. имеются заметки о его неблагоприятных похождениях. В. Ф. Трахтенберг был родом из состоятельной купеческой семьи, в мае 1899 г. он окончил курс во 2-й санкт-петербургской гимназии и поступил в Императорскую военно-медицинскую академию. Образование не завершил, поскольку пристрастился к карточным играм и, имея легкий источник дохода, вел праздный образ жизни. Неоднократно становился участником судебных разбирательств, к которым привлекался то как свидетель, то как обвиняемый. Известно, что в 1900 г. он был приговорен к месячному тюремному заключению, а еще через какое-то время суд приговорил его к двум месяцам тюрьмы. По сообщению Х. Вальтера (известный лингвист ФРГ, исследователь русского арга. — М. Г.), умер он где-то в Париже» [Вахитов 2003: 16]. Видимо, непосредственное знакомство с тюремным бытом и дало возможность В. Ф. Трахтенбергу собрать арготический материал, который впоследствии был приобретен отделением русского языка и словесности Императорской академии наук для пополнения издаваемого словаря русского языка (то есть В. Ф. Трахтенберг и на этом деле заработал неплохие деньги! — М. Г.).

И. А. Бодуэн де Куртенэ провел научную обработку этих записей, добавил известную ему воровскую лексику, сделав множество выписок из труда Григория Брейтмана [Брейтман 1901], составил указатель к словам и написал предисловие к работе. Заметим, что книга Г. Н. Брейтмана

является добросовестным трудом исследователя, который скрупулезно описал не только аргот различных воровских сообществ, но и сами эти сообщества. По сути, И. А. Бодуэн де Куртенэ создал свой словарь тюремного аргот, но, будучи человеком скромным и глубоко порядочным, оставил авторство за В. Ф. Трахтенбергом. Чего тот так и не оценил, выдавая словарь за исключительно свой труд.

Столь пространное цитирование С. В. Вахитова и наши попутные замечания дают нам представление о личности В. Ф. Трахтенберга, а главное, о том огромном вкладе, который внес профессор И. А. Бодуэн де Куртенэ в дело изучения арготической лексики. До сих пор его труды по языку криминального мира являются одними из самых авторитетных. Нам неизвестен первоначальный вариант рукописи В. Ф. Трахтенберга: в свой словарь он включил только арготические лексемы, без контекста, но с различными пометами, указывающими на степень бытования их в той или иной местности европейской России или в определенной криминальной среде (например, у воров-карманников, конокрадов, взломщиков сейфов и проч.). Мы добавим к исследованию нашего коллеги С. В. Вахитова: роль В. Ф. Трахтенберга при составлении данного словаря вторична, основную лингвистическую работу проделал профессор И. А. Бодуэн де Куртенэ, т. е. один из них собрал сырьевой материал, а другой качественно его обработал. И все же в словаре «Блатная музыка (“Жаргон” тюрьмы)» были недочеты. И основные из них — это отсутствие ударения и контекста, иллюстрирующего функционирование определенного арготизма.

Эти недочеты исправил П. П. Ильин в «Исследовании жаргона преступников» [Ильин 1912]. Он собирал не только слова, но и элементы почти всей субкультуры криминального мира. П. П. Ильин прекрасно понимал, что эти элементы перекрещиваются и тематически, и лингвистически. Хотя, заметим, в его труде нет ни одного упоминания о воровских татуировках — своеобразной письменной форме аргот. Между тем о них уже упоминал журналист (писатель) Г. Н. Брейтман (псевдоним Гр. Неволин) в своей работе «Преступный мир» [Брейтман 1901]. Татуировки, как известно, тоже часть субкультуры криминального мира, причем достаточно распространенная и очень важная среди уголовников.

Но это — вторично. Главное, что работы В. Ф. Трахтенберга и П. П. Ильина являются свидетельством того, что аргот стало серьезным предметом исследования для И. А. Бодуэна де Куртенэ. И не только для него.

По своим политическим взглядам И. А. Бодуэн де Куртенэ был конституционным демократом (кадетом), но стоял за автономию Польши, а также хотел, чтобы польский язык изучался наравне с русским в Российской империи. Его свободололюбивые взгляды не остались незамеченными

ми со стороны российских правоохранителей. И 29 мая 1914 г. в Санкт-Петербурге особое присутствие судебной палаты, выслушав кассированное Сенатом дело о профессоре Бодуэне де Куртенэ, признанном виновным по ст. 129 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных Российской империи, приговоренном к двум годам крепости и оправданном по статье 1034, признало его виновным и по этой статье и приговорило к аресту в тюрьме на три месяца. Это наказание поглощено первым. Три месяца он провел в Крестах за издание статьи «Национальный и территориальный признак в автономии» [Бодуэн де Куртенэ 1914: 2]. Ирония судьбы, которая жестоко посмеялась над ученым: он теперь изучал аргю в естественных условиях!

Другой ученый, академик А. А. Шахматов, которому Бодуэн де Куртенэ передал рукопись П. П. Ильина для ознакомления и принятия решения по ней, тоже выступал против политики царизма, во всяком случае также был кадетом (конституционным демократом), но не эмигрировал из России после революций 1917 г. и спас рукописи, в том числе и две тетради П. П. Ильина с «Исследованием жаргона преступников», когда все разворачивалось и уничтожалось хозяевами «нового мира».

А. А. Шахматов, будучи заведующим филологическим отделением АН России, удивил своих коллег-лингвистов заявлением о том, что в подготавливаемый ими словарь русского языка нужно ввести и «живую» речь, в том числе и арготизмы. Следует отметить, что составители будущего общенародного словаря русского языка ратовали в целом за литературные лексемы, без допущения в их состав большого количества разговорной лексики. Несомненно, оба ученых — и И. А. Бодуэн де Куртенэ, и А. А. Шахматов — стояли на одних позициях по поводу использования аргю в лексикографических целях и активно отстаивали свои взгляды в кругу отечественных лингвистов.

Словарь В. Ф. Трахтенберга под редакцией и при участии И. А. Бодуэна де Куртенэ представляет собой серьезный, основательный труд и является богатейшим источником для филологических изысканий в области лексикографии, социолингвистики, истории русской культуры и истории русского языка. Тогда понятно, почему лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ взялся сотрудничать с П. П. Ильиным, заключенным иркутской каторжной тюрьмы: если В. Трахтенберг описал аргю европейской России, то П. П. Ильин изучил в основном аргю сибирской (азиатской) России. Хотя в их работах порой имеются и многочисленные перекрещивания, т. е. повторения арготизмов. И это вполне оправданно, так как к началу XX в. в России сложились, благодаря общей системе пенитенциарных учреждений, устойчивые общеуголовное, тюремное и специа-

лизированные аргота. В то же время имелись и некоторые территориальные отличия. Они были связаны со спецификой отбывания наказания в различных местах лишения свободы с местным географическим колоритом, окружением различных народов. Например, в Сибири вольные поселенцы (так назывались каторжники, отбывавшие заключительную часть наказания вне стен тюрьмы на поселении) могли общаться с аборигенами: якутами, китайцами, эвенками и проч. И от них, как это показывает П. П. Ильин в своем исследовании, ряд слов перешел в тюремное аргота.

И. А. Бодуэн де Куртенэ тщательно проинструментировал П. П. Ильина. С удивлением замечаешь, как сходны политические взгляды знаменитого языковеда и осужденного П. П. Ильина. В рукописи наблюдается скрытое недовольство общественным строем и даже критика царской семьи и правительства. Возможно, что П. П. Ильин попал и под политическое обаяние знаменитого лингвиста.

Говоря о композиции рукописи, следует подчеркнуть, что она составлена по всем законам лингвистического жанра. В конце даже приведен словарь из арготизмов, употребляемых в рукописи и, между прочим, с проставленными на них ударениями. Здесь явно наблюдаем влияние И. А. Бодуэна де Куртенэ. К сожалению, не удалось обнаружить переписку между учеником и учителем.

И. А. Бодуэн де Куртенэ был известен в России своими смелыми суждениями о русском языке: если многие филологи стыдливо замалчивали и лишь косвенно упоминали о существовании нецензурных слов и аргота, то для Ивана Александровича не было запретных тем в лингвистике.

О научных контактах с И. А. Бодуэном де Куртенэ П. П. Ильин писал: «Г-н профессор И. А. Бодуэн-де-Куртенэ был настолько любезен, что прислал мне две брошюры. По условиям тюремного режима мне пришлось воочию просмотреть только одну из них — “Блатная музыка” Трахтенберга» [Ильин 1912: 6]. И. А. Бодуэн де Куртенэ неслучайно передал П. П. Ильину словарь В. Ф. Трахтенберга «Блатная музыка (“Жаргон” тюрьмы)»: он хотел узнать о нем мнение «просвещенного» носителя аргота.

П. П. Ильин был настолько благодарен профессору, что горячо упомянул о его помощи при передаче своего исследования в Российскую академию наук. «Представляя свой труд на просмотр Академии наук, — писал он, — должен выразить глубочайшую благодарность г-ну профессору И. А. Бодуэну де Куртенэ, порекомендовавшему мне сделать это и принявшему горячее участие в моих работах. Кроме того, принужден сделать оговорку: мой труд может иметь какое-нибудь, хотя самое малое значение для специалиста-историографа или криминолога, филологическая

часть, быть может, послужит для пополнения подробного словаря, издаваемого Академией» [Ильин 1912: 198].

К сожалению, общенародный словарь русского языка, в который были бы включены и арготизмы, собранные В. Ф. Трахтенбергом и П. П. Ильиным, так и не вышел в свет.

И. А. Бодуэн де Куртенэ, характеризуя «блатную музыку», с сарказмом писал о «виселичном юморе»: «Многие слова и выражения искрятся своеобразною иронией и юмором, который чаще всего, — как это иначе и быть не может, — подходит под понятие т<ак> наз<ываемого> “виселичного юмора” (Galgenhumor)» [Бодуэн де Куртенэ 1908: XV].

Мы так и не узнаем, получил ли П. П. Ильин деньги за свой труд (как тот же В. Ф. Трахтенберг). Но нам представлялся другой сценарий судьбы данной рукописи:

- 1) включение ее лексического материала в словарь русского языка, который готовило к изданию филологическое отделение АН России;
- 2) издание ее отдельной книгой с авторством П. П. Ильина и с возможным предисловием И. А. Бодуэна де Куртенэ, если бы не последующие политико-экономические катаклизмы: I мировая война, две революции 1917 г. и последующая за ними Гражданская война.

И все равно след этой рукописи остался в 30-х гг. XX в. Так, составители «Толкового словаря русского языка» [Ушаков 1935–1940] В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков частично использовали ее материалы.

Следует расширить некоторые высказывания ученых, анализировавших труды И. А. Бодуэна де Куртенэ об арго. Профессор не писал «о причинах и закономерностях появления арго» (см. об этом утверждение Т. М. Николаевой [Николаева 2004: 177]), так как для данного аспекта нужно большое специальное исследование, а в предисловии к словарю В. Ф. Трахтенберга это было невозможно, хотя и в нем были намечены отдельные контуры, смело выхвачены основные линии изучения.

О причинах и закономерностях появления арго и необходимости его анализа ученый, будучи редактором 3-го издания словаря Даля, писал: «Научная точность каждого толкового словаря со стороны самого материала является в отражении действительности в жизни и воззрениях данного народа. Если жизнь является дикою и безобразною, составитель или же редактор должен примириться с этим печальным фактом и не может ограничиваться замалчиванием. Сказанное относится ко всему: сквернословиям, ругательствам, мерзостям площадного жаргона. Лексикограф не имеет права урезывать и кастрировать “живой язык”. Раз известные слова существуют в умах громадного большинства народа и беспрестан-

но выливаются наружу, лексикограф обязан занести их в словарь, хотя бы против этого восставали и притворно негодовали все лицемеры и тартюфы, являющиеся обыкновенно большими любителями сальностей по секрету» [Даль 1909: 4].

Ранее, в предисловии к словарю В. Ф. Трахтенберга, автор высказал мысль о необходимости изучения «тайного» языка, «жаргона тюрьмы», или «блатной музыки», составляющей «достоверный материал для психолога, этолога (теоретика или историка этики или нравственности), для юриста (теоретика и практика), для фольклориста, для исследователя народной словесности и прежде всего для лингвиста или языковеда». Блатная музыка есть один из русских «говоров», конечно, не в обыкновенном смысле этого слова [Трахтенберг 1908: 12].

Некоторые исследователи [Николаева 2004: 177] считают, что наиболее полными фиксациями аргот явились указанный словарь В. Ф. Трахтенберга, вышедший в 1908 г. с предисловием и под редакцией Бодуэна де Куртенэ, и «Словарь воровского и арестантского языка» [Попов: 1912].

Оба этих словаря зафиксировали только часть лексики аргот, причем «Словарь воровского и арестантского языка» составлен безобразно. На данный факт указывал и Д. С. Лихачев в своем знаменитом труде «Черты первобытного примитивизма воровской речи» [Лихачев 1992: 362]. Мы же добавим: с многочисленными «заимствованиями» из книги Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» и словаря В. Ф. Трахтенберга, без ссылок на данные источники. В словаре наблюдается факт несомненного плагиата. Но это еще полбеда для науки. Читатель XXI в. воспринимает арготизмы XIX в. как современные слова. То есть современный исследователь аргот, воспринимая эти слова как относящиеся к XXI в. и вводя их в научный оборот, допускает еще одну ошибку. Другой исследователь ссылается на этого автора, невольно становясь соучастником еще одной ошибки. И эти ошибки, нарастая как снежный ком, могут серьезным образом навредить науке о языке. (Такого рода ошибки были замечены нами в научных статьях, кандидатских и даже докторских диссертациях!) Поэтому первоисточники, «Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы)» В. Ф. Трахтенберга с предисловием И. А. Бодуэна де Куртенэ и рукопись П. П. Ильина, могут быть не только важным подспорьем в изучении аргот, но и позволят очистить предыдущие утверждения, исследования от ошибок.

И. А. Бодуэн де Куртенэ неслучайно занимался социолектами. Он хотел разобрать все проявления языка: от литературного (нормированного) языка до территориальных и социальных вариантов языка. То есть он опережал время.

Источники

Бодуэн де Куртенэ И. А. Национальный и территориальный признак в автономии (1913) // Архангельск. 31.05.1914. № 119.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Предисловие к словарю В. Ф. Трахтенберга «Блатная музыка (“Жаргон” тюрьмы)». СПб., 1908. 23 с.

Брейтман Г. Преступный мир. Киев, 1901.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. Т. IV. СПб., Москва: Т-во М. О. Вольф, 1909.

Ильин П. П. Исследование жаргона преступников. Рукопись БАН 25.4.7. 1912 г. 223 с.

Крестовский Вс. Петербургские трущобы: Книга о сытых и голодных. В 6 ч. СПб.: Человек, 1993.

Попов В. М. Словарь воровского и арестантского языка. Киев, 1912.

Тонков В. А. Опыт исследования воровского языка / С предисл. М. А. Васильева. Казань: Б. и., 1930. 90 с.

Трахтенберг В. Ф. Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы). СПб.: типография А. Г. Розена, 1908. XX, 116 с.

Трахтенберг В. Ф. Необыкновенные похождения корнета Савина, знаменитого русского авантюриста. Вып. 1. СПб., 1909. 124 с.

Литература

Вахитов С. В. «Музыка» до Трахтенберга: Материалы к словарю русского жаргона XIX в. Уфа: Изд-во БГПУ, 2003. 116 с.

Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского арга. М.: РИПОЛ-Классик, 2003. 1120 с.

Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М.: Края Москвы, 1992. С. 354–398.

Николаева Т. М. Бодуэн де Куртенэ – редактор словаря В. Ф. Трахтенберга «Блатная музыка (“Жаргон” тюрьмы)» // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. С. 176–181.

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. I–IV. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

References

Grachev M. A. *Slovar' tysyacheletnego russkogo argo* [Dictionary of thousand-year Russian argot]. Moscow, RIPOL-Klassik Publ., 2003. 1120 p.

- Likhachev D. P. [Features of primitive primitivism of thieves' speech]. Baldaev D. P., Belko V. K., Isupov I. M. *Slovar' tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona (rechevoi i graficheskii portret sovetskoj tyur'my)* [Dictionary of prison-camp-criminal jargon (speech and graphic portrait of a Soviet prison)]. Moscow, Kraya Moskvyy Publ., 1992, pp. 354–398. (In Russ.)
- Nikolaeva T. M. [Baudouin de Courtenay – V. F. Trakhtenberg's Dictionary "Blatny Music" ("Prison Jargon")]. *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: Lingvokul'turologicheskii aspekt* [Russian and Comparative Philology: Linguocultural Aspect]. Kazan, Kazan St. Univ. Publ., 2004, pp. 176–181. (In Russ.)
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. I–IV. Moscow, Sov. Encyc. Publ.; OGIZ Publ.; St. Publ. of Foreign and Nat. Dict., 1935–1940.
- Vakhitov P. V. *"Muzyka" do Trakhtenberga: Materialy k slovaryu russkogo zhargona XIX v.* ["Music" before Trachtenberg: Materials to the dictionary of the 19th century Russian jargon]. Ufa, BSPU Publ., 2003. 116 p.

Наука в лицах

Чуковские

Из личных воспоминаний

Леонид Петрович Крысин, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
leonid-krysin@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170008307-6

АННОТАЦИЯ: Воспоминания посвящены личным встречам автора с тремя выдающимися представителями семьи Чуковских, принадлежащими трем поколениям, — с самим Корнеем Ивановичем, всемирно известным детским писателем, критиком, литературоведом, переводчиком, его дочерью Лидией Корнеевной и внучкой Еленой Цезаревной (Люшей). Рассказывается о работе по подготовке к изданию писем К. И. Чуковского и комментариев к ним, о борьбе за дом К. И. Чуковского в Переделкине (который далеко не сразу получил статус музея), об участии в хранении архива А. И. Солженицына и распространении его рукописей.

для цитирования: Крысин Л. П. Чуковские. Из личных воспоминаний // Русская речь. 2020. № 1. С. 102–117. DOI: 10.31857/S013161170008307-6.

Science and Persons

Chukovskie

Private memories

Leonid P. Krysin, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), leonid-krysin@mail.ru

ABSTRACT: The author shares memories of his face-to-face meetings with three remarkable members of the Chukovsky family belonging to three different generations — Kornei Ivanovich, a world famous children’s writer, literary critic and translator, his daughter, Lydia Korneevna, and his granddaughter, Elena Tsezarovna (also known as Liusha). The reader will learn how K. I. Chukovsky’s letters with commentaries were prepared for publication, how the fight for Chukovsky’s house in Peredelkino was fought (it took quite a while for it to become a museum). The author also tells us how he took part in safekeeping of A. I. Solzhenitsyn’s archive and in distribution of his manuscripts.

FOR CITATION: Krysin L. P. Chukovskie. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2020. No. 1. Pp. 102–117. DOI: 10.31857/S013161170008307-6.

Было бы странно, если б я взялся за анализ творчества всемирно известного детского писателя-сказочника, критика, литературоведа, переводчика и литературной деятельности его талантливой дочери, — это давно сделали специалисты. Мои же заметки о Чуковских — личные: это рассказ об обстоятельствах, в которых я познакомился и в течение некоторого времени общался с тремя — на мой взгляд, самыми замечательными — представителями большого семейного клана Чуковских, родоначальником которого был Корней Иванович.

Корней Иванович

Мое знакомство с ним было необычным: не я к нему пришел, а... он ко мне! Это произошло в 1962 году. Я работал в это время в Институте русского языка на Волхонке (где работаю и сейчас, в 2019-м).

В один из июльских дней я шел по коридору третьего этажа, где помещался наш сектор — сектор современного русского языка и культуры речи. Выйдя на лестничную площадку и собравшись спуститься вниз, я увидел поднимающегося мне навстречу Корнея Ивановича Чуковского, которого я, конечно, сразу же узнал по многочисленным его фотографиям. Он был одет в какой-то заморский костюм стального цвета, безупречно сидевший на этом восьмидесятилетнем... хотел написать «старике», но такое слово совсем не подходило к прямой фигуре, энергичному шагу и оживленному лицу этого человека.

Поравнявшись со мной, Чуковский спросил:

— Где я могу найти сотрудников вашего института Крысина и Скворцова?

Несколько обалдевший от его вопроса и от всей этой ситуации, я ответил, что один из этих сотрудников — я и фамилия моя Крысин.

— Где мы с вами могли бы поговорить?

Я повел Корнея Ивановича в нашу комнату, где сидело второе лицо, интересовавшее Чуковского, — мой однокурсник Лёвка Скворцов. Чуковский сел за один из обшарпанных столов в нашей тесной комнате и объяснил цель своего визита: он написал книгу о русском языке — «Живой как жизнь», которую выпустило издательство «Молодая гвардия», и, собираясь готовить второе ее издание, хотел бы узнать наше мнение об этой книге — в виде рецензии на нее. Такое внимание к нашим персонам объяснялось тем, что в 1962 году в издательстве Академии наук СССР вышел небольшой словарь «Правильность русской речи». Авторами были мы с Лёвкой, а работой над словарем руководил Сергей Иванович Ожегов, заведовавший нашим сектором¹.

Правильность современной русской речи была как раз одной из главных тем книги Корнея Ивановича.

Пока мы разговаривали с Чуковским, одна из сотрудниц нашего сектора, видимо, посчитав вопиюще недопустимым само общение всемирно известного писателя с мальчишками, недавними студентами МГУ, пошла в дирекцию института и привела оттуда заместителя директора института Ивана Федоровича Протченко.

Прежде чем описывать дальнейшее, надо сказать несколько слов об этом человеке. Высокий, плечистый, с очень крепким рукопожатием (я уже успел убедиться в этом, когда, идя по коридору института и встречая кого-либо из молодых сотрудников, Иван Федорович не просто кивал в знак приветствия, а демонстративно протягивал свою большую ладонь для рукопожатия). До недавнего времени Протченко работал в аппарате ЦК партии и был «спущен» в наш институт то ли «для усиления», то ли из-за каких-то своих промахов в своей прежней должности, безусловно более престижной, чем должность заместителя директора такого небольшого и, в масштабах Академии, не очень заметного института, как наш.

Трудно представить себе чиновника более типичного, чем Иван Федорович, — и в манере поведения, и в особенности в том, как он говорил — безжизненно, но веско, книжно, но с претензией на высшую грамотность, используя слова и обороты ненавистного Чуковскому канцелярита.

¹ Правильность русской речи. Опыт словаря-справочника. Составили Л. П. Крысин и Л. И. Скворцов при участии Н. И. Тарабасовой. Под ред. С. И. Ожегова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962.

С появлением Протченко Корней Иванович как-то увял, но все же продолжил разговор с нами, а теперь уже (вынужденно!) и с Протченко. Мы поблагодарили Корнея Ивановича за оказанную нам честь — написать отзыв для издательства о его замечательной книге — и условились о сроке выполнения этой работы.

К концу сентября довольно объемистая и подробная рецензия была написана, но еще не вполне готова. Дело в том, что Александр Александрович Реформатский (этот человек заслуживает отдельного разговора²), вместе с которым — и, естественно, под руководством которого — мы вели в журнале «Семья и школа» отдел «Поговорим о нашем языке», захотел прочитать нашу рецензию. Мы вручили ему толстую стопку машинописных листов и стали ожидать его реакции (не исключался и полный разгром нашего текста).

Сан Саныч довольно быстро прочитал рецензию, сделал много критических замечаний, но в целом одобрил. Рецензия ушла в издательство³.

Наша встреча с Чуковским вскоре переросла во *встречи*: мы не один раз бывали на даче Корнея Ивановича в Переделкине, и поездки сотрудников нашего сектора⁴ в гости к Чуковскому и, смею надеяться, дружба с ним, длившаяся целых семь лет, вплоть до его кончины 28 октября 1969 года, стали частью нашей жизни. Намечая очередную встречу с К. И., мы созванивались с его секретарем Кларой⁵, которая затем передавала нам согласие Корнея Ивановича на наш визит и точное его время (опаздывать или приезжать раньше было нельзя).

Приехав в Переделкино и войдя в дом Чуковского, мы тут же слышали, как Клара или кто-то другой, кто был в прихожей, громко извещали хо-

² Часть этого «разговора» — в моей статье «Вспоминая Реформатского» (Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 151–155).

³ Второе издание книги «Живой как жизнь» — именно то, о рукописи которого мы писали рецензию, — вышло в 1963 году. Затем было несколько стереотипных изданий. К одному из них, вышедшему в 1982 году, я написал предисловие под названием «Корней Чуковский — исследователь языка».

⁴ Не только нас двоих. Не один раз ездили в Переделкино к Чуковскому Татьяна Григорьевна Винокур (которую Корней Иванович выделял среди нас и к которой относился с особой лаской), Борис Самойлович Шварцкопф, Елена Ивановна Голанова, Эрик Иосифович Ханпира и, возможно, кто-то еще, сейчас уже не помню. Скворцов перестал с нами ездить почти сразу после нашей первой встречи с Чуковским. Объясняя это значительно позже, в своих воспоминаниях о нашем курсе филфака МГУ, он ссылается на академика В. В. Виноградова, который, узнав, что мы посещаем Чуковского, якобы недоуменно сказал Скворцову: — А зачем вам туда ездить? Пусть ездят к Чуковскому Шварцкопф, Винокур... (см.: Моховая, 9–11. Судьбы, события, память. Воспоминания филологов. М., 2010. С. 173–174).

Вранье! Виктор Владимирович Виноградов не был антисемитом.

⁵ Клара Израилевна Лозовская (1924–2011) — секретарь К. И. Чуковского с 1953 г. и до конца его жизни.

Корней Иванович Чуковский | Kornei Chukovskii
(1882–1969) | (1882–1969)

зяина, находившегося в своем кабинете на втором этаже:

— Лингвисты приехали.

Корней Иванович приглашал нас к себе. Но иногда, будучи в игровом настроении, он в ответ на сообщение о приезде лингвистов своим высоким голосом возвещал:

— Скажите им, что я умер!

После чего нас всё же любезно препровождали на второй этаж, где полтора-два часа длилась наша очередная встреча с К. И., в которой мы были по преимуществу в роли слушателей, а рассказчиком — и еще каким! — был хозяин кабинета.

Летом 1965 года по инициативе Корнея Ивановича на даче в Переделкине была снята телевизионная передача, посвященная современному русскому языку, — с участием как раз тех сотрудников нашего института, которые бывали гостями Чуковского, ну и, естественно, самого автора книги «Живой как жизнь».

Передача прошла в эфир. Помню, что я остался недоволен тем, как и что я говорил с телеэкрана.

Во время наших визитов в Переделкино Корней Иванович обычно был бодр, оживлен (а ему шел девятый десяток и его мучила сопровождавшая всю его жизнь бессонница). Он много и остроумно рассказывал о тех писателях, художниках, критиках, журналистах прошлого, которых хорошо знал. А знаком он был и с такими знаменитыми, выдающимися деятелями русской культуры, как писатели Максим Горький и Алексей Толстой, поэты Александр Блок и Анна Ахматова, художники Илья Репин и Мстислав Добужинский, и с такими ныне полузабытыми, как писатель Леонид Добычин или историк литературы, критик Евгений Ляцкий. С некоторыми из них он дружил.

Запомнились его рассказы о двух поездках в Англию. Одна была в 1916 году, вместе с Алексеем Толстым и В. Д. Набоковым (отцом В. В. Набокова), а вторая в 1962-м, когда отметившему свое восьмидесятилетие Чуковскому была присвоена *honoris causa* (то есть «чести ради», без за-

щиты диссертации) ученая степень доктора литературы Оксфордского университета. Иногда Чуковский торжественно и в то же время шутивно надевал мантию доктора и полагавшийся к ней головной убор, демонстрируя гостям свой новый статус.

Интересовался он и нашими научными делами, расспрашивал о сборнике «Вопросы культуры речи», который время от времени (к сожалению, нерегулярно) выходил под редакцией Сергея Ивановича Ожегова, об академике В. В. Виноградове, к которому относился с большим уважением, о том, каковы наши научные интересы и чем именно занимается каждый из нас. Этот интерес его был искренний, живой и неподдельный, хотя нередко Корней Иванович проявлял его в шутивной и даже несколько ёрнической форме, притворно удивляясь нашим научным успехам.

В середине 1968 года, в одну из последних моих встреч с Корнеем Ивановичем, я подарил ему мою только что вышедшую в издательстве «Наука» книжку «Иноязычные слова в современном русском языке» под редакцией В. В. Виноградова. Притворно ахнув, Чуковский изумленно спросил: «Это вы сами написали?» И, услышав мое смущенное «да», продолжил: «А что, академик Виноградов вам помогал?» Я ответил, что Виноградову принадлежала идея этой книжки, а до того он осуществлял научное руководство моей работой над кандидатской диссертацией на эту тему. В данном же случае его участие — как ответственного редактора книги — было лишь формальным.

Хорошо известны отстраненные, но всё же оппозиционные отношения Чуковского с властью: он не раз вступался за несправедливо преследуемых, подписывал письма в защиту ложно обвиняемых писателей и поэтов, хотя, конечно, он не был так бескомпромиссен и смел, как его дочь, Лидия Корнеевна.

В дни, когда преследованиям подвергся А. И. Солженицын, в советской печати во множестве появились статьи, громившие этого писателя, полные клеветы на его военное прошлое, на его гражданскую позицию. Одна из таких статей была опубликована в газете «Литература и жизнь» (за верноподданничество ее коротко и пренебрежительно называли «ЛиЖи»). Я написал письмо в редакцию этой газеты, возмущаясь лживостью статьи, и один экземпляр письма отправил в редакцию (почти уверенный, что ответа не будет), а копию опустил в почтовый ящик московской квартиры Чуковских. Мне хотелось услышать от Корнея Ивановича его мнение и об этой статье, и о моем письме.

Довольно долго с его стороны не было никакой реакции. Месяца через два во время очередной нашей прогулки с Чуковским по улицам Переделкина Корней Иванович, взяв меня под руку, отделился от общей группы гостей и сказал, что прочитал мое письмо, считает его совершенно

справедливым, и спросил меня: «Зачем вы это делаете? Разве можно надеяться на то, что эти люди хотя бы прочтут ваше письмо, не говоря уж об ответе на него? А для вас это опасно, не стоит так рисковать...»

В пору наших поездок в гости к Чуковскому он был для меня прежде всего детским писателем. Конечно, я знал его книгу о Некрасове, читал его «Современников», но мало знаком был с его дореволюционной жизнью в литературе, в журналистике, да и почти ничего не знал о его детстве, о семье, о друзьях. Много из всего этого я узнал, к сожалению, после его смерти, когда по предложению Лидии Корнеевны и Люши стал готовить сначала одну, а затем и другие публикации избранных писем Чуковского.

Лидия Корнеевна

До этого предложения я смутно представлял себе труд публикатора и комментатора архивных материалов. И сначала отнесся к этому предложению Лидии Корнеевны несколько легкомысленно. Только начав рыться в архивах (а ведь большинство корреспондентов Чуковского давно ушло в мир иной), переписываться с еще живыми адресатами, изучать обстоятельства и темы, фигурировавшие в письмах, комментировать имена, факты, события, сведения о которых в письмах почти всегда были отрывочны, я понял, насколько трудна и ответственна роль публикатора.

Почти все предполагавшиеся к изданию письма относились к первой трети XX века и были насыщены именами писателей, критиков, художников, названиями книг и статей, журналов, издательств, кружков, литературных и общественных событий и многим другим, что требовало разъяснений и комментариев. Этим я и занимался. А поскольку по своей профессии я был далек от подобных занятий и никогда прежде ничего похожего не делал, то почти на каждом шагу, при всем моем старании, попадал впросак. И Лидия Корнеевна оказала мне здесь неоценимую помощь. У меня до сих пор хранятся ее замечания к моим комментариям — толстая пачка листов, исписанных ее крупным почерком.

Готовя публикацию писем Чуковского, надо было не только собрать его письма, но и познакомиться с письмами его адресатов — от Ильи Репина и Льва Толстого (да-да! Есть в архиве К. И. Чуковского копия письма, посланного им в 1906 году Льву Николаевичу Толстому) до академика В. В. Виноградова и Татьяны Григорьевны Винокур.

Примерно с середины 1970 года я засел в ЦГАЛИ (Центральном государственном архиве литературы и искусства) и стал набирать сведения о дореволюционных и более поздних письмах Чуковского. Результатом этой работы явилась картотека, содержащая точные архивные адреса всего, что касалось переписки Чуковского (в дальнейшем эта картотека была ис-

Лидия Корнеевна
Чуковская (1907–1996)

Lidia Chukovskaya
(1907–1996)

пользована при подготовке тома писем в пятнадцатитомном собрании сочинений К. И. Чуковского). Не было в ту пору Интернета, а то многое можно было бы легче узнать из Википедии и из других интернет-ресурсов.

В начале 1971 года подборка писем Чуковского с моими комментариями, как я считал, была готова, и я принес ее на суд Лидии Корнеевны.

Суд был скор и весьма немилосерден. Подробности этого суда — дальше, в рассказе о Лидии Корнеевне, главным образом как о необыкновенно чутком знатоке русского языка и литературном редакторе.

О том, что Лидия Корнеевна Чуковская была необычайно внимательна не только к слогу и слову, но и к каждой букве написанного и к каждому звуку произнесенного текста, хорошо известно. Хорошо известна и ее книга «В лаборатории редактора», где изложены ее взгляды на само ремесло редактора, на принципы редактирования литературного текста, где автор делится с читателем своим редакторским опытом. Но в том, насколько внимательным, придирчивым редактором была Лидия Корнеевна, я мог убедиться и на собственном опыте.

Некоторые из ее замечаний к моим комментариям, сопровождавшим тексты писем К. И. Чуковского, на мой взгляд, представляют интерес для характеристики не только редакторской манеры Лидии Корнеевны, но и ее языкового вкуса и чутья, ее отношения к языку.

Например, в комментарии к письму, которое касалось протестов против смертной казни и было адресовано Корнеем Чуковским (в то время, в 1906 году, — еще двадцатичетырехлетним Николаем Васильевичем Корнейчуковым) Льву Толстому, я написал: «В числе других писателей, которым Чуковский предложил выступить в печати, был Л. Н. Толстой». Замечание Л. К.: «Толстой нигде и никогда не может быть “в числе других”».

Лидия Корнеевна прекрасно слышала написанный текст, даже в таком сухом жанре, как комментарии. Она замечает, например, что у меня в одном абзаце (хотя и не рядом) — «неприятные рифмы: издавал — журнал — просуществовал», в другом месте советует заменить «к изданию» на «к печати» — «чтобы избежать рифмы». О еще одном моем примечании она пишет: «Нескладно, натянуто, корявовато (слышно, если читать вслух): как редактор и издатель». Иногда «корявовато» выходит от недопустимого стечения падежей. «Невозможно, — пишет Л. К., — “переведенными Чуковским стихами Уитмена” — падежи торчат в разные стороны (это месть за попытку втянуть всё в одну фразу; “а оно не лезет — нажал и сломал”). Можно и в одну, но расчленять в соответствии с дыханием и слухом».

Нечего говорить о том, сколь безошибочно определяла Лидия Корнеевна стилистическую неуместность слова или оборота: «“Литературные контакты”, — цитирует она мое предисловие к подборке писем, — холодно, иностранно и сверхмодно: “торговые контакты”, “деловые контакты”, “личные контакты”». Очень не любила она отдающие канцелярщиной обороты «имеется в виду» и «в связи» (а без них в литературных комментариях иногда трудно обойтись). И нещадно вытравила у меня эти обороты («Можно дать библиографическую справку без “имеется в виду”»; «М. б., в примечании для разнообразия вместо “в связи” сказать — “по случаю”?»), хотя иногда это и ей не удавалось: «“Имеется в виду” — не очень вкусно, а выхода, признаюсь, не вижу».

Л. К. указывала мне на языковые анахронизмы: «“На базе” — уж очень по-нашему!»; «“Ведущий критик” — штамп, да и не было тогда такого понятия», — на двусмысленности: так, в названии подборки «Письма К. Чуковского разных лет» она справедливо усматривала второй, нелепый смысл — ‘Чуковский разных лет’ — и предлагала изменить название. В публикации писем Корнея Ивановича я заменил этот неуклюжий оборот цитатой из Н. Заболоцкого (которая фигурирует в одном из писем Корнея Ивановича): «Не позволяй душе лениться...», с подзаголовком «(Письма К. Чуковского)», но редакция, к сожалению, оставила первый вариант⁶.

Иногда замечания Лидии Корнеевны, относившиеся, казалось бы, к слову, исправляли текст примечаний не только стилистически, но и содержательно. Так, Л. К. настоятельно советовала сказать о С. Я. Маршаке, что он был фактическим руководителем ленинградской редакции Детгиза, «потому что формально он числился лишь консультантом».

⁶ Письма К. Чуковского разных лет. Вступительная статья, публикация и комментарий Л. Крысина // Вопросы литературы. 1972. № 1. С. 152–182. Подготовленные мной подборки писем К. Чуковского были опубликованы также в журналах «Звезда», «Детская литература», «Русская речь».

Некоторые высказывания Лидии Корнеевны касались не столько языка моих комментариев, сколько современной русской речи вообще и пространственных речевых новшеств и ошибок. Например, по поводу склонения иностранных собственных имен она замечает: «К. И. всегда склонял Жюля Верна, Марко Вовчка — и это хорошо — это в духе нашего языка (как Вы знаете). Думаю, и Вам в примечаниях надо склонять».

«“Процесс по делу”, — пишет Л. К., цитируя один из моих комментариев, — неладно. “Процесс” требует родительного падежа. Например: “процесс Веры Засулич” (суд над, расправа с; у нас всё перепутали и пишут “процесс над”, “расправа над”... Вы же изобрели “процесс по”. Процесс бывает ч е й)». Думаю все же, что не я был изобретателем этого оборота: синтаксические конструкции с предлогом *по* уже и в 70-е годы прошлого века были весьма распространены, не говоря о нынешнем времени, когда то и дело слышим и читаем о *переговорах по поставкам оружия* или о *соглашении по газовой трубе*.

Эти и другие, похожие высказывания Л. К. перекликаются с тем, о чем она позднее, незадолго до смерти, писала в статье «Моя грач прилетела» (газета «Невское время», 10 января 1996 г.). В этой статье она горестно сокрушается по поводу порчи и оскудения нашей речи. Возмущается неправильным согласованием определений и сказуемых с существительными типа *врач*. Произнести *Моя врач велела*, считала Лидия Корнеевна, это все равно что сказать *Моя грач прилетела*... И не только об этом частном явлении говорилось в ее статье. Приводя многочисленные примеры ошибок в ударении (*принять*, *намерение* и под.), в склонении (*живу в Одинцово* — почему не *в Одинцове?*), примеры того, как женщин неоправданно именуют переводчиками, а не переводчицами, корреспондентами, а не корреспондентками, сетуя на то, что «интеллигенция лишилась иммунитета» и «не совершает отбора» языковых средств, — Л. К. констатирует: «Случилось несчастье: он [русский язык] оскудевает и мертвоет на наших глазах (и в наших ушах)... Рушится самая основа: отмирают дополнения, не склоняются почему-то названия местностей и имена числительные». И завершает свою статью горьким восклицанием, обращенным к русскому языку: «Остался у меня один вопрос: жив ли ты — живой как жизнь?»

Отвечая на этот вопрос, надо с уверенностью сказать: да, жив, — это несомненно. Доказательства такого утверждения многочисленны, и одно из них — язык произведений самой Лидии Корнеевны Чуковской, нашей современницы.

Мое общение с Лидией Корнеевной продолжилось и после моих публикаций писем К. Чуковского. Этому способствовало одно обстоятельство, касавшееся дачи Чуковского в Переделкине.

Спустя некоторое время после смерти Корнея Ивановича (он умер 28 октября 1969 года) Союз советских писателей и Литфонд вознамерились выселить его дочь и его внучку из переделкинского дома, а сам дом снести⁷. Между тем дом Чуковского уже в течение нескольких лет после смерти его хозяина был «самодельным» музеем писателя: там были добровольцы-экскурсоводы, туда приезжали и школьники, и взрослые, интересовавшиеся жизнью и творчеством знаменитого сказочника.

И Лидия Корнеевна, и Люша не без оснований предполагали, что в их отсутствие дом могут просто захватить представители упомянутых писательских организаций. Поэтому было принято решение организовать круглосуточное дежурство добровольцев из числа близких к Чуковским людей. Я был среди тех, к кому обратились эти две мужественные женщины. В середине 80-х годов я стал регулярно ездить в Переделкино и с утра понедельника до вечера вторника жил в этом доме. Вечером во вторник приезжала на такси Лидия Корнеевна, и уже она до пятницы стояла на страже дома-музея, а в пятницу ее менял на этом посту Павел Крючков — молодой журналист, преданный семье Чуковских (впоследствии, когда музей — после многолетней мучительной борьбы за него — приобрел статус государственного, Паша стал сотрудником музея; ныне Павел Крючков — известный литературный критик, заместитель главного редактора журнала «Новый мир»).

Нередко бывало так, что ни Л. К., ни Павел не могли соблюдать установленный режим наших дежурств: Л. К. — из-за плохого самочувствия, а Павел — по занятости неотложными делами. И тогда я оставался в доме Чуковских на несколько дней, иногда на неделю. Там, на втором этаже дома, напротив кабинета Корнея Ивановича, было положено начало моей работе над «Толковым словарем иноязычных слов»⁸, и библиотека К. И., в которой немалое место занимали словари и энциклопедические справочники (в том числе многотомная «Encyclopedia Britannica»), существенно помогла мне в этой работе. Сам себя я называл «сторож-исследователь» — по образцу термина «стажер-исследователь», который бытовал некоторое время в академических кругах. Зимой, в перерывах между работой над словарем, я чистил снег на дорожках дачи, а вечером отправлялся гулять по пустынным переделкинским улицам. По предложению хозяев дома спал я в небольшой комнате на первом этаже. Во второй половине 60-х годов в этой же комнате некоторое время жил и работал приглашен-

⁷ История борьбы за этот дом описана в статье-интервью Елены Цезаревны Чуковской «Дом, который съел Бармалей» (Е. Чуковская. «Чукоккала» и около. М.: ИПЦ «Жизнь и мысль», 2014. С. 101–107).

⁸ Л. П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 1998 (6-е издание, исправленное и дополненное, — М.: ЭКСМО, 2010).

ный Чуковскими Александр Исаевич Солженицын, скрывавшийся от преследований его со стороны власти.

Надо сказать, что Лидии Корнеевне «дежурство» на даче отца давалось ох как нелегко! Она была человеком больным, много лет мучилась от мерцательной аритмии; у нее было очень слабое зрение, и ее комната в московской квартире Чуковских была увешана и уставлена ярко горевшими осветительными приборами. Писала она крупными буквами, используя пишущие приборы, которые оставляли на бумаге отчетливый, хорошо видный след. Но можно было только позавидовать духу этой старой и больной женщины! Она была блестящим публицистом, но ее редко печатали из-за неуступчивости и упорства, с которыми она отстаивала каждое слово в своих обличительных, ярких статьях.

Возвращаюсь к нашим встречам с Л. К. в Переделкине.

Иногда вторничными вечерами, когда Лидия Корнеевна отдыхала после дороги из Москвы в Переделкино, а я еще только собирался к себе домой, мы беседовали с нею на лингвистические темы, а именно — об оскудении и порче русского языка. Беседы наши не всегда велись в полном взаимном согласии — доходило и до споров. При этом, если Лидия Корнеевна была в чем-то убеждена, «сдвинуть» ее с этого убеждения, несмотря на его ошибочность, было очень трудно или просто невозможно. Приведу один пример нашего спора.

Лидия Корнеевна считала, что названия сёл, кончающиеся на буквосочетание *-инó* (с ударением на последнем гласном): *Бородино, Шамордино* и подобные, — в форме творительного падежа должны иметь окончание *-ым* (а не *-ом*, как велит русская грамматика). То есть надо говорить и писать: *битва под БородинЫМ, рядом с ШамординЫМ*. На мой вопрос, как же быть с похожими фамилиями, у которых в творительном падеже тоже это *-ым*, она отвечала, что это ничему не мешает. Мешает, настаивал я: ведь если грамотный человек услышит или прочитает словосочетание *рядом с БородинЫМ*, он даже не усомнится в том, что речь идет о человеке с фамилией *Бородин*, а не о знаменитом селе.

Мое возражение не имело никакого результата: Лидия Корнеевна осталась при своем мнении.

Люша

В коротком некрологе о Елене Цезаревне Чуковской литературный критик Самуил Лурье написал:

«Ее дед был гений. Ее мать была — герой. Сама же Елена Цезаревна была святая.

Всю свою жизнь, до последних дней, потратила на то, чтобы всё, что написали ее дед, мать и А. И. Солженицын, — было прочитано хотя бы несколькими людьми, а лучше — многими, а в идеале — всеми.

Видела в этом свой долг. Вообще-то, это был долг русской культуры перед страной и страны — перед культурой. Ни та, ни другая исполнять его не хотели. Елена Цезаревна перевела его на себя. Исполняла его неутомимо и умело. Насколько хватило ее сил — намного превосходивших обычные человеческие — исполнила. Совершила подвиг.

Вот, собственно, и всё, что надо сказать. Кто помнит значение употребленных выше слов, тот и сам понимает, что случилось. На этой земле, под этим небом не стало последнего безупречного человека.

Елена Цезаревна была прекрасна и умна, великодушна и отважна. Что она жила среди нас — это было счастье. Мало кем осознаваемое. Никем не заслуженное».⁹

Для многих она была не Елена Цезаревна, а Люша. Домашнее имя ее знали не только те, кто дружил или просто общался с нею, но и те, кто знал, что она есть, что она занимается публикацией литературного наследия ее деда и матери.

Мое знакомство с Люшей связано с двумя обстоятельствами.

Первое — подготовка нескольких публикаций писем Корнея Ивановича (об одной из них я уже рассказал выше).

Второе — помощь А. И. Солженицыну, во-первых, в распечатке и распространении его произведений в условиях официального запрета на его имя и творчество и, во-вторых, в хранении его архива. То и другое надо было делать втайне от недремлющего гэбистского ока. Первой задачей, гигантской по объему и технически невероятно трудной, занималась Люша; в решении второй главным исполнителем была Люша, а я играл роли отчасти курьера, отчасти хранителя архива А. И. Солженицына.

Елена Цезаревна Чуковская была химиком по образованию и профессии. Окончив химический факультет Московского университета в 1954 году, до конца 80-х работала в академическом Институте элементо-органических соединений. У нее были серьезные научные публикации. Но основным своим делом она считала изучение литературного наследия деда и матери и издание их неопубликованных произведений.

Главной задачей была подготовка к печати и публикация знаменитого рукописного альманаха Чуковского «Чукоккала», первое издание которого увидело свет только в 1979 году. Это был сильно урезанный текст настоящей «Чукоккалы», из которой издатели выбросили негодные властям имена Н. Гумилева, Е. Замятина, Б. Лившица и других знаменитых

⁹ С. Лурье. На смерть Елены Чуковской // Новая газета. 5.01.2015.

Елена Цезаревна
Чуковская
(1931–2015)

Elena
Chukovskaya
(1931–2015)

писателей, поэтов, критиков. Но и за это, неполное издание у Люши шла изнурительная борьба с литературным и издательским начальством, с цензорами, кончившаяся, к счастью, ее победой. Полный же текст «Чукоккалы», с подробными и в высшей степени квалифицированными комментариями Е. Ц. Чуковской, вышел в 1999 году, то есть через тридцать лет после смерти создателя этого уникального альманаха!

В течение многих лет Люша работала над подготовкой к изданию произведений деда и матери. Под ее редакцией, с ее комментариями и тщательно выверенным справочным аппаратом вышло пятнадцатитомное собрание сочинений Корнея Чуковского, его дневники, которые он вел более шестидесяти лет своей жизни. Такие книги, как «Прочерк», «Процесс исключения», «Дом поэта» Лидии Корнеевны Чуковской, ее публицистические статьи, сборник стихотворений были опубликованы в значительной степени благодаря усилиям Люши. Публикация в виде отдельных изданий переписки Л. Чуковской с Давидом Самойловым, с А. И. Солженицыным, с Л. Пантелеевым — также ее заслуга. Профессиональный химик, Люша оказалась столь же профессиональным издателем литературного наследия ее деда и ее матери.

Параллельно с этой литературоведческой и издательской работой шла работа тайная, тщательно скрываемая от властей: Люша была одним из основных помощников Александра Исаевича Солженицына. Об этом он сам написал в книге «Бодался теленок с дубом» (глава «Невидимки»). В обстановке гонений на писателя, полного запрета не только на издание его книг, но и на само его имя Люша взяла на себя гигантский труд по перепечатке его объемистых рукописей и главного его произведения — документально-художественного романа «Архипелаг ГУЛаг».

В конце 60-х — 70-х годах XX века не было Интернета, не было принтеров, доступ ко ксерокопировальной технике был под строгим надзором

КГБ. Вот и приходилось перепечатывать на машинке написанные плотным мелким почерком Солженицына страницы его рукописей, а затем фотографировать машинописные листы на обычную пленку (это делала, насколько я знаю, не Люша, а кто-то другой из «невидимок») — чтобы легче было сохранять, чтобы можно было отправлять зарубежным издателям.

Готовя к изданию письма Корнея Ивановича, я приезжал в московскую квартиру Чуковских, где мы с Люшей просматривали подборки писем, комментарии к ним, уточняли справочные ссылки на имена, события, даты. Я с благодарностью выслушивал ее весьма существенные критические замечания и вносил соответствующую правку.

Во время этих встреч мы обсуждали и то, что касалось литературных дел А. И. Солженицына, и наши действия, связанные с перепечаткой его рукописей и хранением его архива. Но обсуждали это уже не вслух, а с помощью специальной доски, на которой можно было писать и по прочтении стирать написанное. Это делалось потому, что и Люша, и Лидия Корнеевна не без оснований предполагали, что в их квартире установлены подслушивающие «жучки».

О том, что власть была, мягко говоря, не равнодушна к связям Е. Ц. Чуковской с отщепенцем и антисоветчиком А. И. Солженицыным, свидетельствуют покушения на ее жизнь. Во второй половине 70-х годов — к сожалению, я не запомнил точную дату — Люша была сбита мчавшимся на большой скорости грузовиком в условиях, когда Люша в числе других людей переходила улицу и грузовик вполне мог либо затормозить, давая ей пройти, либо проехать мимо нее. С тяжелыми травмами она попала в институт имени Склифосовского и после лечения в нем еще долго приходила в себя и физически, и душевно. Спустя некоторое время было совершено нападение на нее в подъезде дома, в котором жили Чуковские, в результате чего Люша получила травму позвоночника и в течение целого года была вынуждена спать на спине на голом полу.

Поражала и поражает стойкость этой хрупкой женщины, ее непоказное упорство в исполнении тех дел, которые были связаны с литературным наследием ее деда и матери, с отстаиванием переделкинского дома и превращением его в общедоступный музей Корнея Чуковского, с помощью А. И. Солженицыну да и с ее собственным творчеством — издательским, комментаторским, публицистическим, эпистолярным.

Последний раз я виделся с Люшей 23 октября 2014 года — эта дата стоит в конце дарственной надписи, которую Люша сделала на подаренной мне только что вышедшей книге: Елена Чуковская «“Чукоккала” и около».

Ничто не предвещало конца. Люша была такая же, как всегда, — спокойная, внимательная к собеседнику, погруженная в литературно-изда-

тельские дела и с увлечением рассказывавшая о них. Только позже, после ее кончины, у меня возникло ощущение некоей «итоговости» Люшиного настроения: она сделала все, что должна была сделать. Вспомнил ее фразу, сказанную мимоходом, когда я уже уходил и прощался с нею (поэтому и не обратил на эту фразу особого внимания), — о том, что она ненадолго ляжет в больницу. Уже находясь в больнице, накануне операции она звонила мне и беспокоилась о магнитофонных пленках с записью чтения А. И. Солженицыным его «Крохоток», глав «Ракового корпуса» и «В круге первом», которые я хранил у себя дома, советовала передать их Наташе (Наталье Дмитриевне Солженицыной).

Третьего января 2015 года она умерла. Прощание с нею происходило в «Доме русского зарубежья» имени А. Солженицына на Таганке. Похоронили Люшу там же, где лежат ее дед и мать, — на писательском кладбище в Переделкине.

Октябрь 2019

Книжные новинки

**К выходу в свет
монографии А. В. Павловой,
Н. Д. Светозаровой
«Фразовое ударение
в фонетическом,
функциональном
и семантическом аспектах»
(М., 2017)**

Татьяна Петровна Скорикова, Московский государственный технический университет
им. Н. Э. Баумана (Россия, Москва), tpskorikova@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170008309-8

Аннотация: В рецензии речь идет об опубликованной в 2017 г. в издательстве «ФЛИНТА: Наука» монографии А. В. Павловой и Н. Д. Светозаровой «Фразовое ударение в фонетическом, функциональном и семантическом аспектах». Выход этой книги — значительное событие в современной лингвистике. В данном фундаментальном труде, представляющем огромный научный интерес для филологов-русистов, дается комплексное многоаспектное освещение фонетики, грамматики, семантики и прагматики фразового ударения в русском языке. Связь лексической семантики с акцентным поведением слова при его употреблении в тексте убедительно продемонстрирована авторами в многочисленных примерах и наглядно представлена в «Словаре интонационной омонимии» в конце книги. Книга посвящена памяти вы-

Т. П. Скорикова. К выходу в свет монографии А. В. Павловой, Н. Д. Светозаровой «Фразовое ударение...»
T. P. Skorikova. To Mark the Publication of the Monograph "Phrasal Stress in Phonetic, Functional and Semantic Aspects"...

дающего лингвиста Татьяны Михайловны Николаевой, которая по существу открыла эту область исследования в описании русского языка. Работы Т. М. Николаевой по семантике акцентного выделения слова оказали значительное влияние на А. В. Павлову и Н. Д. Светозарову, которые в своей книге продолжают развивать и углублять новаторские идеи ученого. Рецензия раскрывает основные теоретические взгляды авторов и особенности их подхода к анализу фразового ударения, освещает структуру и содержание книги, вклад в развитие интонологии на современном этапе.

ключевые слова: фразовое ударение, акцентное выделение, лексическая семантика, акцентное поведение слова, коммуникативный синтаксис, лингвистическая прагматика, словарь интонационной омонимии

для цитирования: Скорикова Т. П. К выходу в свет монографии А. В. Павловой, Н. Д. Светозаровой «Фразовое ударение в фонетическом, функциональном и семантическом аспектах» (М., 2017) // Русская речь. 2020. № 1. С. 118–127. DOI: 10.31857/S013161170008309-8.

Book News

To Mark the Publication of the Monograph “Phrasal Stress in Phonetic, Functional and Semantic Aspects” by A. V. Pavlova and N. D. Svetozarova (Moscow, 2017)

Tatiana P. Skorikova, Bauman Moscow State Technical University (Russia, Moscow),
tpskorikova@mail.ru

АБСТРАКТ: The review deals with the monograph by A. V. Pavlova and N. D. Svetozarova “Phrasal stress in phonetic, functional and semantic aspects” published by the publ. house “Flinta: Science” in 2017. The publication of this book is a significant event in modern linguistics. This fundamental work, which is of great scientific interest to Russian philologists, provides comprehensive multidimensional coverage of phonetics, grammar, semantics and pragmatics of phrasal stress in Russian. The connection of lexical semantics with the accent behavior of a word in the text is convincingly demonstrated by the authors in numerous examples and represented by a number of illustrations in the Dictionary of Intonational Homonymy at the end of the book. The book is dedicated to the memory of the outstanding linguist Tatyana Mikhaylovna Nikolaeva, who was a pioneer in this field of study in relation to Russian language. The works of T. M. Nikolaeva on semantics of word accentuation had a strong influence on A. V. Pavlova and N. D. Svetozarova who continue to develop and deepen the innovative ideas of the scientist in their book.

The review reveals the main ideas of the authors and the features of their approach to the analysis of the phrasal stress, highlights the structure and the contents of the book and its contribution to the development of modern intonology at the present stage.

KEYWORDS: phrasal stress, phonetic accentuation, lexical semantics, accentual behavior of the word, communicative syntax, linguistic pragmatics, dictionary of intonational homonymy

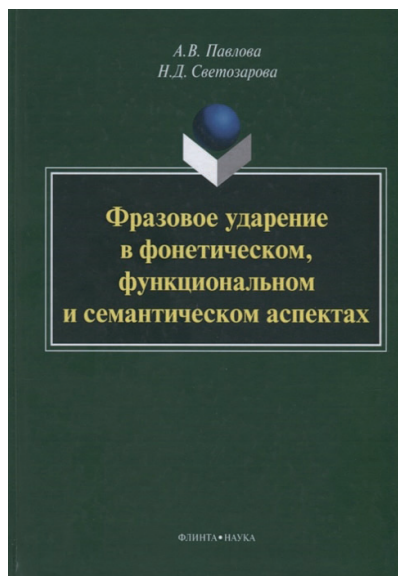
FOR CITATION: Skorikova T. P. To Mark the Publication of the Monograph “Phrasal Stress in Phonetic, Functional and Semantic Aspects” by A. V. Pavlova and N. D. Svetozarova (Moscow, 2017). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 1. Pp. 118–127. DOI: 10.31857/S013161170008309-8.

Для современного этапа развития лингвистики характерно стабильное возрастание интереса к просодической проблематике. Семантика русской фразовой акцентуации уже не раз становилась предметом анализа, но наибольший вклад в создание функциональной теории фразового ударения в отечественном языкознании внесла книга выдающегося лингвиста Татьяны Михайловны Николаевой «Семантика акцентного выделения» [1982], которая по существу открыла эту область исследования в описании русского языка. Работы Т. М. Николаевой, чьей светлой памяти

посвящена рецензируемая монография¹, оказали сильное влияние на ее авторов — А. В. Павлову и Н. Д. Светозарову, которые в своей книге продолжают развивать и углублять новаторские идеи ученого.

Выход монографии «Фразовое ударение в фонетическом, функциональном и семантическом аспектах» — значительное событие в современной лингвистике. В этой фундаментальной работе, представляющей большой научный интерес для филологов-русистов — исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, — дано комплексное многоаспектное освещение фонетики, грамматики, семантики и прагматики фразового ударения. Роль фразового ударения в семантике слова продемонстрирована на широком речевом материале, обобщенно представленном в завершающем работу «Словаре интонационной омонимии», который наглядно иллюстрирует связь лексической семантики с акцентным поведением слова при употреблении его в речи.

В книге отражены результаты многолетних исследований русской просодии, которые велись авторами на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Этот труд стал итогом длительного сбора фактов, относящихся к просодической стороне русской речи, и поисков адекватной смысловой интерпретации этих фактов. Поражает богатейший иллюстративный материал исследования, почерпнутый из СМИ, художественной литературы, Национального корпуса русского языка, «живых» или письменных диалогов, фильмов, видеозаписей. Авторы сочетают в своем исследовании методы сплошной выборки из письменных текстов с наблюдениями над устной речью. Для убедительности анализа часто используются также методы перестановок, перифраз, метод перевода на другой язык с целью проверки семантических догадок. Основную свою задачу авторы видят в том, чтобы предсказать наиболее вероятные варианты акцентного оформления фраз и объяснить причины той или иной расстановки фразовых ударений.

¹ А. В. Павлова, Н. Д. Светозарова «Фразовое ударение в фонетическом, функциональном и семантическом аспектах». М.: Флинта; Наука, 2017. 664 с. ISBN 978-5-9765-3365-3.

Развивая основы семантического подхода к описанию просодического строя языка, А. В. Павлова и Н. Д. Светозарова рассматривают интонацию, наряду с лексикой и синтаксисом, как одно из языковых средств, создающих высказывание (текст). С их точки зрения, «интонация, важным элементом которой является фразовое ударение (ФУ), играет первостепенную роль в семантике и прагматике речевых актов и тесно взаимодействует с семантикой участвующих в высказываниях лексем, а также с коммуникативными функциями высказываний и с интенцией говорящего» (с. 10–11).

В отличие от традиционного подхода к просодии, которая рассматривается обычно за пределами структурного синтаксиса, в трактовке авторов рецензируемой книги интонация «пронизывает» весь синтаксис и неотделима от структуры высказывания. Связи интонации с семантикой и синтаксисом изучены в современной отечественной лингвистике явно недостаточно, и именно эти связи находятся в центре внимания исследователей. Так, только с учетом фактора ФУ можно понять, почему пары фраз типа *Семен сочинил историю* (*сочинил* = ‘создал’) и *Семен сочинил историю* (*сочинил* = ‘выдумал’) имеют главное фразовое ударение в разных местах и почему благодаря акцентуации слушающему становится понятным смысл этих высказываний.

Композиция книги логична и продуманна; книга состоит из шести глав с многочисленными разделами и подразделами. В 1-й главе последовательно рассматриваются проблемы, связанные с теоретическим осмыслением фразового ударения в фонетическом и функциональном плане. Дается краткий обзор функций ФУ, описаны роль ФУ в актуальном членении высказывания и фонетические средства реализации ФУ. Большой интерес представляет раздел, освещающий способы отображения ФУ в письменных текстах. Убедительно показано, что факторами, определяющими место главного ФУ, являются общая семантика высказывания, коммуникативный тип и тип речевого акта.

Во 2-й главе анализируется роль ФУ в коммуникативном синтаксисе. Традиционная теория актуального членения критикуется авторами в силу того, что «за бортом» ее методологии и инструментария оказывается большой корпус высказываний, семантические особенности которых не могут быть адекватно описаны без учета различий в семантике ударных и безударных лексем.

Следующие две главы посвящены лексической и грамматической семантике и прагматике и призваны, по мнению авторов (что совершенно справедливо), расширить объяснительные возможности и границы теории актуального членения.

В главе 3 предпринята попытка описать семантические причины фразовой акцентуации. Предметом тщательно выполненного, глубокого и новаторского по своей сути анализа становится целый комплекс семантических факторов, влияющих на размещение наиболее сильного акцентного выделения того или иного участка фразы. В фокусе внимания авторов оказываются такие факторы акцентуации слова, как определенность/неопределенность, оценка, отрицание, ретроспективность и фактивность в семантике глагола, реактивность, взаимодействие фразового ударения с видо-временными формами глагола, непредсказуемость (неожиданность), ударность дискурсивных слов и ряд др. Важно отметить, что подобный анализ значений как побудительных причин расстановки фразовых акцентов тем, а не иным способом на хорошо отобранном и обширном языковом материале делается в нашей лингвистике впервые. Данная глава, безусловно, представляет большой интерес и актуальность не только для дальнейшего развития исследований в области коммуникативного синтаксиса и фразовой просодии, но и для прикладных задач лингвистики. Идеи, высказанные авторами, могут найти свое применение и дальнейшую научную разработку в области коммуникативного описания русского языка как иностранного.

Четвертая глава книги посвящена анализу роли фразового ударения в лингвистической прагматике. Цель этой главы — установить и описать корреляции между ФУ и иллокутивными значениями. Авторами описана лишь небольшая часть потенциально огромной по размерам классификации типов речевых актов со стороны их ситуативно закрепленной фразово-просодической реализации в речи. В частности, ими охарактеризовано акцентное оформление информативно-повествовательных высказываний, бытийных и событийных высказываний, сообщений о планах и намерениях, пожеланий и советов, выражений оценки или реакций, пояснений причины или логического вывода, выражений условий и уступки и некоторых других. Очень интересно и содержательно выполнено описание поведения фразового ударения в синтаксической идиоматике (фразеосхемах), которые рассматриваются с точки зрения их функциональной возможности служить для выражения тех или иных речевых актов.

Фразеологизмы — одна из самых интересных и новаторских тем в области изучения интонации, оформляющей фразеологические единицы. Авторам удалось показать, что интонационные модели фразеологизмов поддаются классификации и их число конечно. В связи с этим видится весьма обоснованным тезис о том, что описание акцентных моделей и мелодических контуров необходимо включить в лексикографические статьи фразеологических словарей.

Новаторским по существу является также вывод А. В. Павловой и Н. Д. Светозаровой о том, что «неразрывная связь акцентуации с иллюкцией ставит под сомнение необходимость и возможность членения любых высказываний на Тему и Рему...» (с. 475). Изучение лингвистической прагматики ФУ совершенно очевидно показывает, что «мы создаем в речи массу речевых актов, которые попросту не укладываются в “схему” традиционного актуального членения» (с. 476), и именно «тип речевого акта определяет интонационную стратегию в устной речи» (с. 476).

В небольшой по объему, но очень содержательно насыщенной 5-й главе А. В. Павлова и Н. Д. Светозарова суммируют критерии, определяющие принятие решения относительно выбора места ФУ читателем письменного текста, и дают емкое обобщение параметров различного порядка (лексическая семантика, грамматические члены предложения, порядок слов, тип речевого акта, необходимость разрешить потенциальную двусмысленность и др.), которые, накладываясь друг на друга, совместно определяют окончательное решение о выборе места акцентного выделения во фразе. В этой главе представлен конечный список наиболее «мощных» критериев, определяющих просодическое оформление фраз на письме: тип речевого акта; контраст; синтаксические распространители; логические умозаключения, особенно в случае разрешения потенциальной двусмысленности; лексическая семантика; лексическая и синтаксическая идиоматика; фактор неожиданности, фактор «отрицание»; порядок слов; фактор Данное — Новое (с. 479).

Изложение материала проверки однонаправленного или разнонаправленного действия указанных критериев, определяющих просодию фразы, основано на новой модели описания этой сложной области звукового строя языка. Спецификой этой модели является комбинаторный метод: интонация предложения и место ФУ рассматривается как результат сложения многих указанных выше характеристик. Экстраполируя уже имеющийся опыт соотнесения речевых актов с просодией, А. В. Павлова и Н. Д. Светозарова выдвинули гипотезу о том, что «тип речевого акта — это единственный реальный фактор, определяющий просодическую структуру фразы» (с. 479). Определить тип речевого акта возможно лишь с учетом анализа контекста и синтаксического состава фразы, а также в ряде случаев необходим анализ большого текстового отрезка или даже текста в целом.

Таким образом, исследователи приходят к выводу, что для принятия решения о смысле фразы и, соответственно, о ее просодии требуются немалые когнитивные усилия со стороны реципиента текста (читателя). Отсюда следует, что фразовое ударение не накладывается автоматически сверху на синтаксическую структуру предложения, а представляет собой

явление более глубинного (когнитивного) порядка и выступает необходимым элементом семантической интерпретации при дешифровке смысла текстового фрагмента.

Большую научную значимость для современной русистики и вообще филологической науки в целом представляет заключительная глава монографии, посвященная рассмотрению фразового ударения в лексикографическом аспекте. Глава начинается с краткого обзора работ, затрагивающих проблему связи между лексическими значениями и акцентуацией (работы А. В. Павловой, Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева, Ю. Д. Апресяна, С. В. Кодзасова, Т. П. Скориковой, Т. Е. Янко, Е. В. Падучевой). Суммируя многие тонкие интересные наблюдения лингвистов над взаимодействием лексической семантики с «акцентным поведением» слова (его ударностью или безударностью во фразе), авторы книги намечают пути дальнейшего углубленного изучения фразовой акцентуации в русском языке. В поле их зрения оказывается такой вопрос, как «приращение» смысла и изменение значения под влиянием акцентуации. Уже ранее было замечено и описано Т. М. Николаевой, что акцентуация в речевом потоке часто актуализирует в слове и во фразе в целом какие-то специфические семы, которые во многом зависят от конкретной ситуации: ср., например, смысловые различия во фразах в зависимости от места ФУ: *Мы продали дом!* ('нам удалось осуществить свою цель' или 'к сожалению, мы все-таки вынуждены были избавиться от нашего горячо любимого жилища') и *Мы продали дом* (нейтральное по эмоциональной окраске и чисто информационное сообщение о событии). Слушающий трактует фразу так или иначе благодаря ее просодии и знанию фоновой ситуации. Важно отметить, что акцентуация выдвигает на передний план в семантике глагола дополнительные (положительные или отрицательные) семы оценки ситуации в целом, чего не происходит при отсутствии на глаголе главного фразового ударения.

Идея о том, что акцентуация активизирует определенные семантические компоненты лексического значения слова во взаимодействии с лексическим окружением и контекстом, раскрывается на широком речевом материале убедительных примеров, которые можно рассматривать как образец многоаспектного лингвистического анализа взаимосвязей между фразово-просодической ударностью слова, его семантикой и «приращенным» смыслом, актуальным для понимания звучащей фразы. Обратим внимание на высказывание А. В. Павловой и Н. Д. Светозаровой о том, как важно отображать информацию о семантике акцентного выделения слова в лексикографическом ракурсе: «Ударность можно сравнить с фонариком, который высвечивает в понятийном содержании лексемы определенные семантические составляющие, в то время как другие ока-

зываются в тени. Некоторые семантические «сдвиги» в акцентоносителе по сравнению с его же безакцентным употреблением в речи настолько заметны, что могут восприниматься как изменение лексического значения» (с. 492).

Наиболее очевидно взаимодействие между просодией и значением слова представлено в разделе 6-й главы, освещающем отношения между фразовым ударением и полисемией/омонимией в словаре и в речи. Проанализировав эти отношения на материале живой речи, А. В. Павлова и Н. Д. Светозарова приходят к закономерному выводу о релевантности включения в словарные описания многозначных слов темы «интонация», поскольку лексическое значение многих слов непосредственно связано с фразовым ударением. Таким образом, по мнению авторов, лексикографическое описание словарных значений многозначных лексем целесообразно снабжать просодическими характеристиками, отражающими их наиболее вероятное акцентное поведение на уровне высказываний (с. 507).

Идея исследователей о необходимости включения показателя акцентогенности слова в лексикографическую практику представляется нам весьма перспективной, так как именно с учетом фактора акцентуации могут быть созданы справочники активного типа, демонстрирующие закономерности реализации семантики звучащего слова в потоке речи и реально помогающие употреблять описываемые лексемы в дискурсе.

Подобный словарь-справочник авторами книги разработан и представлен в заключительном разделе «Опыт словаря интонационной омонимии», в котором показаны системные связи слов с их потенциальным акцентированием в речи. Интонация здесь является сопутствующим омонимии или полисемии явлением, но именно она способствует «высвечиванию» релевантных для различения значений слова сем. В словаре интонационной омонимии представлено около 600 лексем, различающихся акцентогенностью. Наглядное сопоставление ударных и безударных вариантов разных ЛСВ одного слова или омонимов позволяет увидеть семантические возможности слова в речи, реализуемые в позиции акцентного выделения. Опыт подобного словаря, несомненно, расширяет наше представление о значении фактора фразовой акцентуации для создания полного лексикографического «портрета» слова и может оказаться весьма ценным лингвистическим материалом для дальнейших семантических исследований русской лексики в ее живом употреблении в реальных речевых контекстах.

В заключение подчеркнем, что описанный в монографии А. В. Павловой и Н. Д. Светозаровой огромный корпус речевого материала, без сомнения очень ценного не только для отечественной, но и для зарубеж-

ной русистики, расширяет и углубляет наши представления о ритмико-интонационной организации высказывания и ее роли в процессе текущего формирования мысли при выражении интенции говорящего. В своей работе, с одной стороны, подводящей итог, с другой стороны, открывающей собой новый этап развития интонологии, авторы смогли доказать, что непонимание роли интонации в грамматике и семантике ведет к серьезным ошибкам в построении лингвистических моделей. Подчеркнем мысль исследователей о том, что «глубинный синтаксис не может и не должен обходиться без интонации, как не может и не должен обходиться без нее коммуникативный синтаксис» (с. 626).

Особую теоретическую и практическую значимость монография «Фразовое ударение в фонетическом, функциональном и семантическом аспектах» имеет для дальнейших семантических исследований интонационных и, в первую очередь, акцентных характеристик фразы в их взаимосвязях с лексической и грамматической семантикой и прагматикой. Представленное в монографии лексикографическое освещение фразово-просодической информации о лексеме открывает новые перспективы коммуникативных исследований русского языка как родного и как иностранного.

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *О. В. Антонова*

Редакторы *А. В. Занадворова, М. А. Пузина*

Корректор *В. Л. Цумарева*

Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,

редакция журнала «Русская речь»,

тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Подписано к печати 27.02.2020 г.

Формат 60×88 ¹/₁₆

Уч.-изд. л. 10,4

Тираж 280 экз.

Зак. 18/1а

Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»